

ДАРЬЯ ГУСИНА

ВЕАДЬМА
В СВОБОДНОМ
ПОЛЕТЕ

Annotation

Часть II цикла "Академия Баланса".

Аду забрали из Академии, вырвали из привычного мира, разлучили с фамильяром. Теперь она вынуждена жить у отца, известного политика, под одной крышей с таинственной Верховной ведьмой Галадой. Но Ада не была бы Адой, если бы не попыталась обернуть ситуацию в свою пользу. А еще у нее есть убежище - дом... с привидениями.

В тексте есть: магическая академия, бытовое фэнтези, неунывающая героиня.

-
- [Гусина Дарья](#)
  - [Конец](#)

○

Гусина Дарья

Ведьма в свободном полете

Глава 1. Из огня в полымя

Профессор Аровская и мастер Дебрис отпорталили меня прямо в ректорат. Я с тоской оглядела уже ставшие родными полки с книгами. Неужели отец имеет право забрать меня из Академии? В ней сейчас вся моя жизнь.

С верхней полки за мной наблюдал бельчонок ректора. Я грустно ему улыбнулась. А в углу возник проректор Кревий. Старик прошел мимо к своему любимому креслу и буркнул на ходу:

— Не спорь. Соглашайся на все и со всеми. Мы ничем не можем помочь: у твоего отца разрешение из министерства, старокровки сейчас под особым контролем. Будь осторожна с Галадой.

Сказал и исчез, не дойдя до кресла. Я удивленно раскрыла рот. Это он ко мне сейчас обращался? Но не к бельчонку же.

Через секунду в кабинете появилась вся компания: отец, Верховная ведьма и магистр. В камне вспыхнул огонь, на стол у окна с громким шелестом легла белоснежная скатерть, а вслед за ней выстроились тарелки с закусками, бокалы и графины.

Серениус и Громов продолжили начатый в коридоре диалог:

— ... несомненно правы, — благодушно проговорил ректор.

— И зная об этом, вы продолжали допускать Аду к занятиям?! — взвинченно поинтересовался отец.

Серениус развел руками:

— Мы и представить не могли, что недоброжелатели проникнут в сами стены Академии. За ее пределами у Ады имелся телохранитель, но тут... у нас под носом. Кто бы мог подумать!

— Недоброжелатели? Мою дочь пытались убить! А я только сегодня узнал о нападении беса! Они собираются закрыть дело за недостаточностью улик! Я этого не допущу! Будут знать, как игнорировать интересы Громовых!

— Телохранитель? — переспросила вдруг Галада. — Это тот очаровательный юноша из высших демонов? Сальди, да?

Голос у колдовки был таким же завораживающе красивым, как она сама. Верховная ведьма отошла к полкам и прохаживалась вдоль них, разглядывая корешки книг.

— Дорогой, — Галада подошла к отцу и погладила его по плечу, — вот видишь, не стоило так переживать. У Ады есть защитник. Он только что, на наших глазах, спас ее. Позволь девочке учиться дальше.

Да, пап, позволь мне учиться! Уступи любимой! Ты и так уже растекся лужей. Невооруженным глазом видно, как действует на тебя эта женщина.

Вот она потянулась поправить воротник, взгляд отца тут же расфокусировался. Громов перехватил руку любовницы и поднес ее к губам. А сам с сожалением произнес:

— Я все понимаю, Гэл, но не могу так рисковать жизнью Ады. Кстати, Ада, позволь тебе представить мою близкую подругу леди Галаду О'Мэйли. Уверен, ты уже о ней слышала.

— Очень приятно, — вежливо поздоровалась я.

— И мне, дорогая! — колдовка просияла и... заключила меня в свои благоухающие объятия. — Я тоже *столько* о тебе слышала! С тех пор, как ты поступила в Академию, Алекс только о тебе и говорит. Он *так* тобой гордится!

— Вот пусть и оставит меня в... Академии, учиться дальше, — буркнула я.

— Но ты же слышала, — Галада огорченно сложила губы бантиком, — это слишком опасно. Увы, твой отец настаивает, значит, нужно слушаться. Ну что ты расстраиваешься? Говорят, у вас в общезнании пропали все домовые. Как вы там справляетесь, без слуг, бедняжки? А в поместье Громовых все, что может пригодиться юной леди: слуги, массажисты, косметологи. Домашнее обучение, конечно, не такое веселое, и телохранители у тебя будут не такие... симпатичные. Но поверь: Алекс наймет лучших преподавателей магии, тебя представят высшему обществу. Найдем тебе достойного жениха...

— Меня пока устраивает мой... текущий жених, — быстро проговорила я, — типа высший демиург и все такое.

— Ну как хочешь, — покладисто уступила ведьма. — Посмотрим. Увидишь, какие красавчики вхожи в королевский дворец, глядишь, и передумаешь.

— Могу я все-таки обсудить с вами возможные альтернативы, Александр? — нашу милую «девичью» беседу прервал магистр Серениус. — Мне кажется, домашнее обучение — это не выход из ситуации.

Авторитет магистра заставил считаться с ним даже будущего премьер-министра. Отец подумал и кивнул. Оба отошли в угол к столу с закусками, налили себе по бокалу и принялись негромко спорить. До меня долетали лишь обрывки слов.

— Не боишься меня? — поинтересовалась тем временем Галада. — Ну, давай сразу договоримся: только откровенность. Так что?

— Не знаю, — призналась я. — Я ведь недавняя несведка. Столько всего непонятного вокруг.

— Хорошая отговорка, — Галада весело засмеялась. — Молодец, только так и нужно вести светские беседы. Действительно, непонятного много, и все не то, чем кажется. Тебе могли наговорить обо мне разных гадостей. А я не собираюсь отрицать: человек я сложный. Но мы можем стать хорошими подругами и союзниками. Я ничего не скрываю: вот она я — несведка по происхождению, младокровка, экспериментатор. Всего добилась сама, многое повидала за жизнь и теперь борюсь за справедливость для таких же, как я. Одинаковые возможности для всех: отмена текущих ограничений, достойное образование для магов, рабочие места, разумная сегрегация...

Да-да, я уже поняла: стоит завернуть какое-нибудь отвратительное понятие в красивый термин — дерьмо становится конфеткой. Не легализация колдовства на крови, а «отмена ограничений». Не прекращение с трудом налаженного сотрудничества темных и светлых магов и, по сути, новая война, а «разумная сегрегация». А о Бурой Топи, что образуется при застаивании потоков, все забыли, да? Но я промолчала. Сейчас меня больше интересовала моя собственная судьба.

Отец кивнул ректору и подошел ко мне и колдовке.

— Ада, мы уезжаем. Немедленно. Я попрошу кого-нибудь забрать твои вещи. Насчет учебы еще не решено. Посидишь дома на каникулах, я постараюсь ускорить расследование, а там посмотрим.

Достаточно было посмотреть в эти жесткие, непримиримые глаза, чтобы понять: спорить бесполезно. Я могу бунтовать, но этим только

подведу ректора.

— Мой дебордер... — заикнулась я.

— За ним присмотрят. У Гэл аллергия на кошек.

— Мне очень жаль, дорогая, — Галада виновато сморщила носик.

— Но мы что-нибудь придумаем.

От услышанного я потеряла дар речи. Попыталась выразить возмущение невербально, преимущественно жестами, но отец и Галада уже выходили из ректората. У отца перед глазами висело чье-то сосредоточенное мужское лицо, он связался с кем-то по магической видеосвязи... и потерял ко мне интерес. А что? Позаботился, поставил перед фактом – и довольно игр в дочки-папочки.

Со мной происходило нечто нехорошее: пальцы рук словно погрузили в ледяную воду, ковер под ногами покрылся инеем. Гнев. Он утягивал меня на Глубину. Только не это! Испугавшись, что нырну и не смогу выплыть, я постаралась совладать с чувствами. Вроде получилось.

Галада вышла вслед за отцом. В дверях она почти столкнулась с Юджином. Демон поклонился, с крошечной, едва заметной задержкой, словно колебался, стоит ли приветствовать госпожу О'Майли. Галада же задержала на Юджине взгляд. Я хорошо видела ее профиль. Вполне такой спокойный, вежливый профиль. Однако...

Я знала, что Сальди и Верховная ведьма Ковена – союзники. Наверное, и Юд с ней где-то пересекался, и не раз.

Леди Гэл прошла дальше, обернулась и ласково сказала:

— Прощайтесь, влюбленные милашки. У вас пять минут, пока не подадут машину. Юд, ты же понимаешь, что вам с Адой сейчас опасно будет видеться? Вы уж потерпите, детишки.

Колдовка ушла. Юд ей так и не ответил – даже не удостоил ведьму взглядом.

— Вы знакомы, верно? — спросила я.

— Да, — коротко бросил демон. — Сталкивались. Как ты? Я слышал, что тебя забирают.

— Ох, Юд! Они не разрешают взять с собой Малыша! Пожалуйста, найди Арчи и Шана! Попроси присмотреть за котом! Он их очень любит! Ему будет с ними хорошо!

— Найду и... попрошу.

Судя по выражению лица Сальди, Тенет и Крофф непременно присмотрят за Малышом, даже если будут против. Я немного успокоилась. В какой момент мы с Юдом стали друзьями, не знаю, но сейчас он единственный, на кого я могу положиться.

Нет, оказалось, что не единственный. В коридоре ко мне подошли Аровская и Дебрис. Магистр Серениус стоял поодаль и беседовал с каким-то высоким, юрким парнем. Это его лицо я видела на видеовызове у отца. Парень морщил лоб и записывал что-то в блокнот. Магистр встретился со мной взглядом и легонько кивнул. Я кивнула в ответ. Сейчас высшие силы не на моей стороне, но я верю, что не сдамся.

— Ада, держись, — с сочувствием проговорила Аровская. Ее тон плохо сочетался с образом вредной преподаши. — Обязательно закажи учебники из библиотеки. Старайся заниматься на каникулах. Мы ждем твоего возвращения к учебе в начале триместра. Если потребуется, магистр Серениус подаст жалобу.

— Ни о чем не волнуйся, — озабоченно подхватил мастер Авар. — Я пока сам присмотрю за Минни и Джеймсом. Не поддавайся на провокации Галады. И на ее нежности тоже. Она великий манипулятор. Будем держать связь.

— Как? — встрепелась я.

— Найдем способ. Ада, я понимаю, что это сложно, — сказал преподаватель. — И спасибо, что согласилась переехать к отцу. Будь на твоём месте другая студентка... однако ты дочь Громова, а он может сильно повредить Академии. Магистру Серениусу сейчас меньше всего нужны скандалы. Ты даже не понимаешь, как все усложнилось.

«Меня подставили», — хотела сказать я, но поняла, что мои слова прозвучат предательски жалобно. Всем и так ясно, что это стечение обстоятельств, слишком последовательных, чтобы быть случайными. Неважно. Сама все выясню

... У ворот Академии мы сели в черную блестящую машину, которая оказалась расширенной внутри до размеров длинного лимузина. При этом отец расположился в отдельном «кабинете», отгороженном от второго салона плотными кожаными шторами. Было слышно, как он отрывисто с кем-то спорит, называя цифры и имена.

Галада устроилась напротив меня. Она сидела, приспустив с плеч шубку из белого меха.

Тонкое колечко и браслет-цепочка на изящной щиколотке. Обычно придонницы, за редким исключением, не получают академического образования. Они не тратят несколько лет на увеличение резерва посредством растягивания каналов и потому вынуждены пользоваться амулетами-накопителями. У нас, визардов, другая магия. Нам сложно погрузиться – им не пойти на дно, подобно камню. Чем глубже от поверхности, тем сложнее всплыть.

Я вспомнила Светку, любительницу фенечек, крупных серег и кулонов на шнурках. Знали бы тогда с Вероникой, для чего она их использует, не подсмеивались бы над любительницей цыганского стиля. У Галады же не было почти ничего, способного вместить хоть немного «концентрата» потоков. Значит, ее резерв и впрямь так велик, как о нем говорят... украдкой, шепотом.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, — обратилась ко мне Верховная ведьма. — Тебе кажется, что с тобой обошлись несправедливо. Но, поверь, все для твоего же блага.

Галада наклонилась вперед, положив ладонь мне на руку. У нее были длинные, хищные рубиново-красные ногти.

— Расставание с друзьями, смена обстановки, а у Алекса... — колдовка покосилась на шторы между салонами, — плохо с выражением эмоций. К тому же он сейчас занят. Выборы. Столько мест нужно посетить, столько потенциальных избирателей очаровать, столько речей произнести.

— Я понимаю, — сухо откликнулась я.

И отвернулась к окну, показав, что разговор окончен. Через некоторое время знакомые мне улицы Октоберона закончились. За окном мелькали аккуратные пригородные особнячки в два-три этажа. Мы куда-то свернули, сбросили скорость. Мимо поплыли бесконечные кипарисы с просветами изумрудно-зеленых лужаек — автомобиль въехал в имение Громовых.

На крыльце внушительного трехэтажного дома нас встречали слуги и тот молодой человек, с которым отец разговаривал по магической видеосвязи — высокий гибкий парень с острым подбородком и зализанным пробором. Он первым подскочил к

машине, открыл мне дверь и подставил руку. Я проигнорировала вежливый жест и вылезла сама.

Мысленно присвистнула, оценив взглядом родовые хоромы. Мы с мамой жили в крошечном домике в поселке: две комнатки и кухня на холодной веранде. Самым вкусным блюдом в детстве мне казались домашние пельмени. Мама шила мне одежду сама – практичные немаркие штанишки и блузки на вырост, чтобы можно было носиться день-деньской с поселковой ребятней. С какой радостью я вернулась бы в те беспечные детские годы! Говорят, к роскошной жизни привыкаешь быстро. Я даже не собираюсь привыкать. Я тут ненадолго и только ради магистра Серениуса.

Зализанный парень уже тащил в дом мои сумки. Кто он здесь? Слуга? Ассистент?

Мы вошли в дом и остановились в огромном холле. Из него на второй этаж изгибом поднималась лестница, стилизованная под птичье крыло.

Она появилась наверху лестницы, та пожилая женщина из моего видения. Седые волосы, уложенные в аккуратную прическу волной, нитка зеленоватого жемчуга, «слез сирен». Даже тяжелые серьги с изумрудами были на месте.

Надежда Громова, так, кажется, звали мою бабушку. Она стояла, выпрямив спину и переплетя пальцы морщинистых рук, смотрела сквозь меня, однако уголки губ презрительно кривились. Вот она сделала несколько шагов вниз.

— Ты привез ее? — спросила Громова, глядя на сына.

— Она перед тобой, — несколько раздраженно отозвался отец, листая записную книжку. Зализанный парень услужливо топтался рядом.

— Вот как? — бабуля облила меня высокомерным недоумением с головы до ног. — Ты уверен?

— Наша Адочка, — пропела Галада, обняв меня за плечо. — Как можно сомневаться? Они же с Алексом на одно лицо.

Порция презрения досталась и колдовке. Похоже, бабуле-то «невестка» тоже не по душе, не только новоиспеченная внучка. Однако леди О'Мэйли продолжала улыбаться и сиять.

Я молчала, не желая участвовать в спектакле. Мне восемнадцать, но я уже достаточно выросла, чтобы считать подобные игры ниже

своего достоинства. И еще: я только ступила на порог этого дома, а мне уже здесь не нравится.

— Ада, — сказал отец. — Это твоя бабушка, Надежда Александровна. А это Илья, мой личный помощник. — Громов кивнул на парня с липким пробором. — Со всеми проблемами, выходящими за рамки быта, обращай к нему. Располагайся. Обживайся. С серьезными вопросами — ко мне. За мелочами — к слугам. Ада, я не хочу держать тебя взаперти, как пленницу, но и полную свободу дать не могу. Обо всех своих передвижениях за пределами дома предварительно сообщай Илье, а он согласует со мной. И везде только с телохранителями.

Значит, меня иногда будут выпускать из клетки. Но только чтобы побегать вокруг на поводке.

Илья подхватил мои сумки и поволок их наверх, мимо бабули. Та стояла, замерев, как истукан. Я тоже прошла мимо, не удостоив Громову взглядом. Отец даже не стал ждать, пока я выйду за пределы слышимости: составил знакомую композицию для создания полога тишины и с плохо скрываемой досадой сухо произнес:

— Мама, прошу, без сцен. Я прошу всех... нет, я требую... чтобы в *моем* доме к *моей* дочери относились согласно ее статусу. Ада теперь в семье, нравится это кому-то или нет.

— Саша, не нужно истерик, — в том же тоне парировала Громова. — Я обещала принять этого... ребенка — я это сделаю. Даже без сканирования, проверки на кровь и владение Глубиной. Однако скажу прямо: тебе потребуется много сил и денег, чтобы превратить сие дикое существо в отдаленное подобие леди. Узнаю методы Серениуса. На первом месте — полеты, боевая магия и полная свобода. Девочек даже не учат прилично вести себя в обществе.

Эх, не хотела я выдавать свои скиллы, но желание сбить спесь с родни все же победило. Я перегнулась через перила и громко сообщила:

— К вашему сведению, сейчас я веду себя очень прилично. Вам просто не с чем сравнить. А на всякое там общество мне наплевать — я собираюсь стать боевым магом и сражаться с бесами. Спасибо за гостеприимство. Да, кстати, я слышу через полог тишины. Говорят, это из-за того, что я старокровка в энном поколении. Лучше бы мне досталась способность цветы взглядом выращивать.

И, с удовольствием полюбовавшись ошеломленными лицами родственников (отец с недоумением чиркал ногтем по ладони, Галада откровенно хихикала, бабуля странно прищурилась), я пошла наверх.

Илья тащил сумки, я шла следом. Коридор казался бесконечным. Вопреки всем надеждам, выскользнуть незамеченной у меня вряд ли получится. Да и куда я пойду? В квартиру тети Риты? Отец знает, где меня искать. Надеюсь, про дом в Перпедыжах ему неизвестно. Впрочем, мне самой там ловить особо нечего.

Моя комната скрывалась за одной из многочисленных дверей. Илья торжественно вручил мне ключ-жетон.

— Ваши апартаменты, Ада Александровна, — напыщенно выразился парень, обводя рукой просторные покои.

Действительно апартаменты. Напоминают номер отеля. Шторы задвинуты, электрический свет приглушен, камин зажжен. На полках вдоль стен — свечи... много свечей: больших, маленьких, длинных, коротких, есть даже круглые, как шары, восковые кубы и пирамидки. Мебель современная, с геометрическими узорами. И планировка в том же нью-тек стиле — настоящий лабиринт перегородок с матовыми и прозрачными стенами.

Как раз за такой, матовой перегородкой, располагался флорариум — стеклянная емкость, трубой уходящая под потолок. Я с любопытством приникла к стеклу. Речная капля, пчелоед, пасмурная гортензия, все эти растения — редкие эндемики, применяемые в зельеварении. Кто-то здесь очень любит природную магию.

— Обстановку спроектировала леди О’Мэйли, — отчитался услужливый парень Илья, то ли слуга, то ли друг семьи. — Образцы для флорариума тоже выбирала она. Изысканно, не правда ли? Леди Гэл посчитала, что вам будет полезно попрактиковаться в травоведении на каникулах.

— Да что вы говорите? — вежливо восхитилась я.

Что-то эта Галада на всех неадекватно действует. Вот и Илья аж на задние лапки становится, когда о ней говорит. Кстати, насколько я помню, пасмурная гортензия применяется в приворотном декокте.

Илья ушел, я обошла новое жилье, с грустью отметив, что в другой ситуации посчитала бы себя счастливницей. Красиво, уютно и действительно изысканно. Но есть нюанс: это красивая и уютная клетка.

Раскладывая вещи по полкам в пахнущем свежим деревом шкафу, я нашла коробки с платьем и кулоном. Имболк. Я совсем забыла о бале. Не думаю, что меня на него пустят. А мне бы узнать, кто прислал платье. Если бы было только оно, я бы подумала на ректора или мастера Авара. Или на отца. Но кулон... это странно, интимно, что ли. А вдруг он принадлежал маме? Я еще раз поднесла украшение к глазам и заметила, что красные камушки в середине золотого ложа кулона составляют какой-то знак, похожий на цветок, то ли просто прихоть ювелира, то ли символ. В гугле я такой точно не найду.

Так, Ада, соберись. Нужно наладить связь с друзьями. В закутке за еще одной матовой панелью обнаружился письменный стол. От единственного не зашторенного окна по правую руку тянуло холодом. Из окна открывался вид на заснеженный сад.

В ящике лежала стопка писчей бумаги с гербом Громовых – молнией на фоне синего ромба. Я написала письмо на адрес общежития, сложила его вчетверо, сделала отправляющий пасс... и ничего. Почтовая магия блокировалась. Значит, и ко мне почта приходить не будет.

Необходимо проверить, распространяется ли запрет на весь дом. Вряд ли такое возможно. Ведь отцу должно поступать огромное количество корреспонденции. Скорее всего, чары наложены на отдельные помещения.

Тогда я решила прогуляться по дому. Лишь бы не заблудиться – с расширением пространства тут явно перемудрили.

Меня окликнули, когда я шла по бесконечному коридору. Галада, в шелковом, сливочно-белом халатике, махала мне рукой, приглашая войти.

Войдя, я пришла к выводу, что у Галады страсть к дизайну помещений, и она активно реализовывает ее в доме любовника. Апартаменты леди О'Мэйли были совсем другими, но такими же тщательно продуманными. В них преобладали черный, алый и белый цвета, мех (не удивлюсь, если натуральный, как ее шубка), и украшения из кости и странного камня.

— Слоновые бивни и эбонит, — подсказала Галада, когда я рассматривала коллекцию крошечных коробочек на полке.

— У нас охота на слонов запрещена, — заметила я.

— Вас слишком много, — колдовка поморщилась и пожала плечами, поправив поясок халатика. — Нас меньше, и мы разумно распределяем ресурсы.

Выглядела она, надо сказать, феноменально — как модель, сошедшая с обложки винтажного журнала. У нас сейчас женщины так не двигаются — словно грациозные кошки в доме щедрого хозяина.

— Я читала, что многие земли Магистеррениума километр за километром поглощаются Бурой Топью, — сказала я, переходя к другому интересному объекту интерьера — флорариуму, но только с роскошными орхидеями внутри.

Вспомнился Юд с его подтруниванием. «Орхидеи олицетворяют плотскую страсть». Ну да, ну да, в апартаментах любовницы отца эти цветы — на своем месте.

— Бурая Топь, — задумчиво повторила Галада, обходя флорариум с другой стороны, — естественное природное явление, как плесень или вирус. Увы, она поражает лишь магов. Они сходят с ума и погибают из-за дисбаланса энергий. Вам в вашей Академии внушают, что без сотрудничества светлых и темных магов происходит застой потоков, так ведь? Но ты же умная девочка, Аделаида. Ведь это мы, темные, ныряем на глубину, смешивая потоки. А что делают светлые? Ни-че-го. Разводят единорогов, сочиняют свои любовные оды, создают иллюзии, помогают несведам. В общем, скользят по жизни, как по теплоту потоку.

— Но ведь они его поддерживают, баланс, — усомнилась я. — Без них его не будет.

Колдовка улыбнулась и постучала по стеклу. К моему удивлению, орхидеи резко повернули на звук свои цветы.

— Чушь! Теплый поток поверх холодного — это закон природы. В природе воду перемешивает ветер. В *магическом* мире потоки перемешаются с помощью естественных *магических* процессов. Светлые — лишний элемент. Зато у темных магов имеются неисследованные глубины. Семь-девять уровней — все, на что вы пока способны. Причем колдовки-самоучки, вроде меня, преуспели в погружении больше, чем визарды-старокровки.

— Ниже седьмого уровня водятся демоны, — напомнила я.

— Да, наглые твари, требующие жертв. В этом и суть моего проекта, Ада. Я предлагаю магическому миру оружие, которое

подчинит придонных и донных обитателей. Ты знаешь, какие сокровища таятся на этих глубинах? Бесконечная сила, победа над смертью, власть над временем. Скоро я официально представлю свой проект. Ты ведь разделишь мой триумф?

Глаза колдовки странно сверкнули. А у меня по коже пробежал мороз. Чтобы скрыть замешательство, я наклонилась к стеклу и постучала по нему пальцем. Чпок! Одна из орхидей выстрелила в меня мутным розоватым сгустком. Не будь между нами стекла, попала бы мне точнехонько в нос. Розовая «сопля» начала медленно сползать вниз.

— Ада, отойди-ка! — воскликнула Галада.

Колдовка отбежала вглубь комнаты и вернулась к флорариуму со странным черпачком, похожим на силиконовый кухонный половник. Она аккуратно опустила его в емкость и соскребла «плевок» со стекла.

— Это хищные орхидеи, — объяснила она возбужденно, с вожделением рассматривая добычу. — Ядовитые и редкие. Они очень редко производят яд в неволе. Несказанное везение! Из одной капли желе «бархотки» можно сварить почти литр заживляющего зелья. Оно восстанавливает живые ткани даже после сильного ожога или ранения.

— Вау! — я посмотрела на невоспитанные растения другим взглядом, с уважением.

— Спасибо, Ада.

— Да за что? Я просто...

Я еще раз постучала по стеклу. На этот раз в меня плюнула другая «бархотка», покрупнее. Капля у нее вышла повнушительнее. Галада ловко собрала добычу в черпачок.

— Кажется, я их нервирую, — пробормотала я.

Колдовка уже переливала яд в тонкую высокую склянку.

— Ты просто одарена везением, — рассеянно бросила она. — Не погибла при пожаре, нашла Академию, обзавелась дебордером. Что-то кармическое, я полагаю. Одним словом, эта жизнь дана тебе в удовольствие. Теперь месяц ждать, когда соберется яд. Зато я знаю, что мои девочки не «бесплодны».

Я застыла, стараясь не показать, что меня задело за живое. Мне было двенадцать, когда я отпросилась на вечеринку в пижамах у одноклассницы, поэтому я жива, а мама — нет. Такое себе удовольствие — остаться без матери.

— Будь осторожна. Везение — капризная барышня. А боги завистливы, — добавила Галада.

— Я еще при атаке донного беса выжила, — хрипло добавила я, внимательно наблюдая за реакцией колдовки. — И со взбесившейся метлы не свалилась.

— Ах да! Верно! — леди О'Мэйли отвлеклась от своей склянки и одарила меня лучезарной улыбкой. — Ты просто уникам. Я рада, что ты здесь.

Глава 2. В заточении?

Можно было продолжить исследование дома, но я предпочла вернуться к себе. Нужно было подумать, прежде всего, о Галаде. Слухи ходят, что она чуть ли не по младенцу на завтрак живьем сжирает, а она вон какая — умница-красавица со своей политической программой. И такая учтивая. И мной явно интересуется. Почему?

Однако мысли мои скакали и вновь и вновь возвращались к Малышу. Как он там без меня? Тенет и Крофф, конечно, милахи, но такие лентяи. Они ведь не слышат Малыша и вообще не умеют вступать в контакт с фамильярами.

Через несколько минут хождения из угла в угол все эти интерьерные решения с перегородками и закутками начали меня бесить. Жаль, что оттепель превратила сад в один сплошной грязный сугроб. Хотелось вырваться на свежий воздух.

Вспомнились Минни и Джеймс. Дети без меня не пропадут, но мы только нашли общий язык. В последний наш вечер в доме Даркроузов я читала им сказки Астрид Линдгрен.

В магическом мире детская литература из несвед-мира почему-то считается вредной. Мол, не тому учит, содержит много ложных представлений о магии, запутывает незрелые умы.

Минни и Джеймса она ничуть не запутывала. Наоборот, они всему находили объяснение. Джеймсу хватило пяти минут, чтобы придумать для Карлсона «нишу» в магическом мировоззрении. Летаёт «лучшее в мире привидение» за счёт холодных потоков, а пропеллер — хитрая обманка, чтобы несведы ничего не поняли и как всегда объяснили все своими технологиями. И вовсе эта история не выдумка. Просто спонтанный маг не смог найти дорогу в Магистеррениум и приспособился жить в несвед-мире. А Минни подсказала, что это был

домовой, отставший от своей семьи при переезде. Время идет, а он все ждет: построил дом на крыше, заглядывает в окна. И хорошо, что он нашел себе новых хозяев. Домовые – они же сами по себе плохо адаптируются.

Мои воспоминания прервал стук в дверь. Даже не стук – легкое поскребывание. Я открыла и в недоумении уставилась в пустоту коридора.

— Кхе-кхе, — раздалось где-то у самых ног.

Я посмотрела вниз и раскрыла рот от изумления: передо мной, переплетя на груди крошечные ручки, стояла самая настоящая... ожившая баба на самовар. В пышном сарафане с оборочками, с лентой в гладких волосах и длинной косой. Румяная и слегка недовольная.

— Здравсьте, вы ко мне? — брякнула я.

— К кому ж еще? — проговорила домовуша. — Служанка я ваша, Ада Александровна, вашим отцом к вам приставленная. Двести лет роду Громовых служу. Ржанкой меня кличут.

— Как птичку?

— Как хлебушек. Мы, домовые, носим именами слова, те, что человеку спокон веков любы, чтобы не забывались. Войти позвольте али как?

Опомнившись, я шустро отпрыгнула в сторону:

— Ой, проходите, пожалуйста! Извините, я... не ожидала вас здесь увидеть... вот.

— А кого ожидали? Тут только мы постоянные слуги, остальные так, приходящие, клинеры всякие, сомелье, кутюрье, куаферы да барберы, тьфу.

Домовуша фыркнула и вошла. Вернее, не вошла, а плавно влетела. Я только сейчас заметила, что кругленькая ладненькая служанка передвигается, левитируя на небольшом венике. Она то поднималась над полом, то опускалась ниже, уверенно балансируя и по-хозяйски подбоченясь.

— Нужнó чегой-то? — деловито поинтересовалась Ржанка, облетев апартаменты.

— Да нет... вроде.

— Ежели нужда, позовите по имени три раза и назовите, чего изволите. Вмиг притащу.

— Хорошо.

— Там остатки багажа вашего доставили. Гримуар да книги. После ужина прямехонько в шкаф транспортирую.

— Ага. А когда ужин?

— Скоро уже, в семь, как часы пробьют. Переодеваться будете?

— А надо?

Домовуша умудрилась посмотреть на меня с легкой жалостью во взгляде... снизу вверх.

— Видимо, надо, — пробормотала я.

После ухода Ржанки я перебрала весь свой гардероб и опять наткнулась на коробку с подарком. Погрустила. Остановила свой выбор на старом, но добротном платье из серой ткани. Что тогда нашло на тетю Риту, не знаю, но в конце одиннадцатого класса, когда у нас планировалось итоговое родительское собрание с чаепитием, тетка вдруг достала из шкафа отрез дорогой шерсти и за несколько вечеров сшила мне элегантное платье-футляр. К нему отлично подошли мамины бусы из белого кварца. Я достала их из шкатулки и застегнула на шее. Ну вот. Выгляжу вполне прилично. И мягкие туфельки из обувной лавки в Октобероне, сшитые на весну, вполне подойдут.

Ржанка заранее разместила в коридорах крошечные светящиеся бирюзово-зеленым указатели. Как только я проходила мимо очередной стрелки, она исчезала. Без них я, наверное, заблудилась бы в огромном доме.

Я спустилась в столовую с последним ударом часов. Родня тусовалась у столика с аперитивами. Бабуля с бокалом вина что-то толковывала отцу, тот морщился, но кивал. Галада смотрела на огонь, проводя над ним рукой и, казалось, была погружена в свои мысли. При виде меня леди О'Мэйли дернула бровью, но ничего не сказала, лишь направилась к столу.

Откуда-то вынырнул незамеченный мной Илья. Парень бросился отодвигать для меня массивный стул. Я поблагодарила его кивком, искоса оглядев заставленный приборами и украшенный живыми цветами стол. Будем надеяться, что мне хватит уроков по этикету от мадам Пигмалион, иначе бабушка издержает себе все свои брови.

Когда все уселись, отец тут же закрылся свежим номером «Гласа Октоберона». Несколько домовых, в их числе и Ржанка, принялись левитировать еду. Здесь не требовалось делать выбор и приманивать порхающие над цветочными вазами блюда. Никто не спрашивал, чего я

хочу. Мне, как и всем, налили полтарелки зеленого супа-пюре. Я покосилась на Галаду. Колдовка аккуратно орудовала ложкой. Я тоже так умею, ничего сложного. Мадам Пигмалион вдолбила нам и насчет прямой спины, и локтей, и многого другого. А управляться с ножом и вилкой меня мама научила, еще в детстве.

Суп был вкусным, ароматным, но не очень сытным. Галада оставила несколько ложек на дне — я с сожалением поступила точно так же. Суповая тарелка исчезла. На ее месте появилось плоское блюдо в окружении нескольких крошечных соусников. В центре композиции приземлилась квадратная тарелочка с тушеным мясом. Я могла бы накрыть порцию ладошкой.

Галада поливала ломтики соусами из серебряной ложечки и аккуратно ела, ловко поднося угощение ко рту и не уронив ни капли. Я, разумеется, тут же плюхнула соусом на скатерть. Но в целом справилась. Только не наелась.

Следующим блюдом был яичный рулетик размером с сигару и два листочка шпината. На этом «пиршество» закончилось. У бабули на тарелке осталась добрая половина рулета. Они издеваются, что ли?

Впрочем, небольшим утешением стал кусочек торта с желе и чашка ароматного кофе. Ох, с таким пайком мне тут долго не протянуть. Хоть бы хлеба предложили.

За ужином я молчала. Бабуля и папочка негромко обсуждали последние новости из газет, Галада пела дифирамбы вкусному ужину, а я думала о сырниках и овсяном печенье из нашей столовой, на незаконную добычу которых меня часто посылали Арчи и Шан.

После чистого издевательства под названием «семейная трапеза» отец спустился в холл. Я слышала, как он чуть виноватым, вкрадчивым тоном разговаривает с колдовкой:

— Ты же знаешь, дорогая, меня ждут в клубе. Нужно обсудить с коллегами стратегию предвыборных прений, с учетом того, что Ада теперь с нами.

— Понятно, — леди Гэл горько вздохнула, видимо, познав извечную бабью кручину — проводы мужика в ночной город к «коллегам». — Прения — это святое. Не задерживайся совсем уж допоздна, любимый.

Я с завистью проводила отца взглядом через окно. Он уселся в свой автомобиль и укатил. Если это один из тех клубов, о которых

иногда с придыханием рассказывают Тенет и Крофф (только для джентльменов-аристократов, с сытной едой, спиртным и карточной игрой), папочке нечего волноваться о пропитании и приятном обществе. А вот я осталась голодной. Где здесь кухня? И кто там главный? И вообще: кто виноват и что делать?

Вернувшись в комнату, я с нехорошим интересом уставилась на растения во флорариуме. Нет, они не съедобные, если мне память не изменяет. А с таким учителем по зельям, как Шан, память мне точно не изменяет. Упала на кровать. Спать еще рано, тень от каминной решетки на потолке напоминает печенье «слоеные ушки».

Позвать Ржанку? Но перед моим уходом домовуши как раз собирали посуду со столов – работы там хватит надолго, даже с магией. Я, кстати, вызвалась помочь, за что заслужила движение левой брови бабки Громовой и испуг на личике второй домовушки, совсем молоденькой.

Так, дом большой, конечно, но даже в таком доме имеется кухня. Где-то внизу. Вопрос в том, пустят ли меня туда. А если сильно-сильно попросить, слезно-слезно? Здесь, судя по всему, домовушки по струночке ходят, не то что у нас в Академии, где они лишний раз веничком не тряхнут. Между прочим, все наши домовые недавно по непонятной причине покинули общежития студгородка. Мадам Пруфф, помнится, была в растерянности, когда обслуживающий персонал не вернулся после каникул и практики.

Холодок пробежал по коже: я вдруг, уже не головой, а сердцем, осознала и прочувствовала тот факт, что могу никогда не вернуться в Академию. Останусь в этих стенах недокормленной, презираемой марионеткой, так и не став полноценным членом семьи (не больно-то и хотелось, если честно). А если сбегу, из Министерства опять пришлют какую-нибудь бумажку и магистр Серениус будет вынужден выдать меня отцу.

Села, обняв колени, и принялась лихорадочно искать выход. Итак, Громов будет использовать меня как козырь на выборах. Что ж, Ада, пора подумать о своих козырях в рукаве. Что я могу предложить отцу взамен на свободу? Или хотя бы на уступку – разрешение учиться в Академии Баланса.

Думалось плохо – мешал голод. Я переоделась, спустилась в холл и осторожно, стараясь не шуметь, вытянула помело из креплений у

двери. Хорошо, что в этом доме пользуются не только автомобилями. Обойти расширенное пространство пешком – задача для голодной ведьмочки невыполнимая. Метла была миниатюрная, аккуратная, но маневренная. Я скрестила ноги на древке, закрепилась в потоках и начала осторожно облетать особняк в поисках кухни.

Один раз чуть не напоролась на бабулю. Та шествовала по коридору к лестнице. Я зависла в нише под самым потолком и замерла. Истощив резерв, я пользовалась теплыми потоками. Не хватало еще, чтобы бабка-старокровка засекала чужую магию. Нет, пронесло. Громова пошла вверх. Ступала она тяжело, с трудом переставляя ноги, без показного изящества и легкости. На мгновение я ей даже посочувствовала. Но тут заурчал живот, и сочувствие как ветром сдуло.

Служебные помещения и кухня размещались в левом крыле. Здесь все было по-другому: просто и функционально. Меня никто не остановил. Я поставила метлу у двери и вошла в кухню. Там на меня уставились три пары глаз. Двух домовуш, Ржанку и молоденькую, я уже видела. Третьей оказалась кухарка. Стоя на широком табурете у плиты, она размахивала половником, что-то горячо доказывая служанкам. Заметив меня, она резво соскочила со скамьи и поинтересовалась:

— А вы, молодая госпожа, чего сами к нам? Отчего не позвали?

— Я... решила прогуляться. Так сказать, устроить экскурсию.

Ржанка громко хмыкнула. Моя личная домовуша управляла огромной, плюющей пеной губкой. Посуда мылась в одной раковине, ополаскивалась в двух других, промокалась полотенцами и отправлялась на полки.

— Пшенка, накрой для госпожи на стол, — велела Ржанка молоденькой домовуше. — Молока поставь, хлебца белого с семечкой, колбаски чесночной, зелени – всего того, что старшая хозяйка любит.

— Молоко! Хлеб, — я сглотнула слюну. — Я как раз хотела всего-всего и колба-а-аски. Но как вы...?

— Как догадалась? Вы б себя со стороны увидели, Ада Александровна. Глазищи голодные, жалобные. Не привыкли по городской моде питаться? Чтоб талия, как у осы, как у... — домовуша не договорила, а кивнула на дверь.

— Как у осы, — весело повторила Пшенка, порхая на веничке от полок к столу и расставляя тарелки с божественно ароматными кушаньями. — Осы-то ядовитые. Жалят – да не помирают. Пока яда хватит – всё кусаются. Кушайте, Ада Александровна. Уж больно вы худенькая. А мы все гадали, придете или нет. Даже поспорили. Ржанка выиграла, а Сливка продула.

— Можно просто Ада, — прочавкала я. Проглотив кусок «бутерброда» (ломоть хлеба с куском чесночной колбасы), понизила голос и поинтересовалась: — Значит, бабушка Надя любит нормальную еду?

— ... любить-то она любит, — кухарка по имени Сливка поджала губы. — Да ей особо жирное, сладкое и острое нельзя. Возраст. Так иногда зайдет, картохи жареной ломтик выпросит – отваром лечебным запьет. Колбаску, сало мы уж для хозяина делаем, он тоже иногда после *яств таких* забегает. Но в последнее время все больше тайком. К этой... высокой кухне привыкнуть пытается, по моде – репетирует, как в кабинет при дворце переедет, а там фуагра-мудагра всякая... — Сливка тяжело вздохнула. — И нас готовить переучивают, обещают с собой взять. А командует нами...

— ... Оса, — хихикнула Пшенка.

— Галада?!

— Тс-с-с, — домовуши дружно прижали пальчики к губам.

— И бабушка ей позволяет? — удивилась я.

Пшенка и Сливка только развели руками.

— Госпожа очень хочет видеть господина Алекса там, — признала повариха, ткнув пальцем вверх. — Она на все согласная. А маги нынче почему-то к колдовкам взгляды обратили.

— Кризис, — важно поддакнула Пшенка. — А что? Мы тоже газеты почитываем. Нас перемены тоже касаются. Когда господин Алекс с госпожой колдовкой спута... общаться близко стал, он, может, много друзей потерял, однако и союзников приобрел. И как-то его карьера политическая сразу в гору пошла. Вот старая госпожа молодую госпожу и... терпит.

А Ржанка почему-то занервничала и быстро сменила тему разговора:

— Госпожа Ада, доели? Вкусно? Вот и славно. В следующий раз сами-то сюда не приходите, зовите меня или Пшенку. Три раза,

помните? И поесть принесу и уберу после.

— Но... почему? — огорчилась я. — Почему мне нельзя сюда приходить? Я отвлекаю вас от работы? С вами так хорошо!

Пока мы болтали, дела на кухне выполнялись особой магией домовых народцев: в раковине тарелка за тарелкой мылась посуда, в кастрюле у Славки кипел соус, а на разделочном столе нож сам нарезал тоненькими ломтиками что-то, похожее на комок грязи. Трюфели, догадалась я. Неужели нам завтра подадут эту гадость? Тут, конечно, не помешала бы современная посудомоечная машина, однако и без нее нельзя было сказать, что домовуши загружены работой.

— Леди Галада не любит, когда мы бездельничаем, — уклончиво сообщила Ржанка. — И вам отдыхать пора. У леди Гэл планы на завтра. Вроде поедете с ней гардероб обновлять. Ада Александровна, вы пока наверх идите, отдыхать, по магазинам бегать — дело утомительное. А я покамест оладушков с вишневым вареньем сварганю. Отправлю к вам в комнату через полчаса.

Славка и Пшенка промолчали, тем самым поддержав подругу.

Я от всей души поблагодарила домовуш. Жаль, что нельзя подольше посидеть в приятной компании, а нужно возвращаться в комнату, но правила есть правила. Жизнь налаживается. По крайней мере, у меня есть теперь, с кем переброситься словом, да и с голоду не умру.

И все-таки я решилась на вопрос. Не могли бы домовуши отправить письмо «на волю»? Но Ржанка вновь ответила за себя и подруг: магия у домовых слуг очень «громкая» — если почта для меня сейчас под запретом, то девочкам может здорово влететь за вмешательство. Ну нет так нет. Я все понимаю.

В коридор я скорее выползла, чем вышла. С сомнением постояла у метлы. Громоздиться на помело совсем не хотелось, меня одолевала зевота. Засну от сытости и свалюсь где-нибудь в темном коридоре. Подхватила метлу под мышку и поплелась в сторону лестницы. Икнула, приглушив звук пассом, и вдруг заметила, что моя магическая композиция столкнулась с другой. На границе двух заклинаний, у входа в кухню, с хрустальным звоном посыпались острые искорки.

Я вернулась к двери и прислушалась. Ах, вот оно что! Домовуши поставили свой экран тишины! И он не сработал. Моя фриковость и тут пригодилась.

Служанки разговаривали.

— Госпожа Ада слышит через полог, — напомнила Пшенка.

— Не через наш же, — фыркнула Ржанка в своей скептической манере. — Да и ушла она.

— Славная девочка, — проговорила кухарка. — Ржана, ты ведь почти с детства семье служишь. Отчего не помочь Адочке? Девочка хорошая, ваша она, громовская. Я вот считаю, несправедливо с ней обошлись, неправильно. И сейчас ведьма...

— Помолчи, — грубо проговорила Ржанка. — То не твое дело. И не мое. Правильно ты сказала: я Громовым служу. И служить буду. Ада — человек в семье новый. А эта... — домовуша помолчала, — уже прижилась, влияние свое установила, хозяин на ее стороне. Что я ему ни скажу — не поверит. И не буду я ничего говорить. Хватит, наговорила уже. Если кто попадет меж молотом и наковальней, так это я. У Осы свои планы, и девочку подкармливать в них не входило. Ладно сегодня Ада сама к нам забрела, но еду к ней в комнату таскать... — домовуша помолчала и выпалила: — Но и голодной девочку оставить не могу. Вот что делать, а?

— Дилемма, — вздохнула Пшенка.

А я попятилась, села на метлу и тихонько упорхнула. Сонливость как ветром сдуло, и я долго не могла заснуть, обдумывая слова Ржанки.

Яйцо всмятку и крошечный кусочек тоста с каплей масла на завтрак уже не смогли меня деморализовать. Благодаря предупреждению Ржанки я знала, что сегодня меня «выведут» прогуляться. Галада подтвердила свое намерение за завтраком, отец одобрил планы любовницы. Мое мнение, разумеется, опять не спросили. Видимо, предполагалась, что каждая уважаемая себя девушка любит шопинг. Я люблю шопинг, но не из-под палки. Однако у меня тоже имелись некоторые планы. Я собиралась извлечь из прогулки максимальную личную выгоду.

Я освежила свою шерстяную юбку поясом из бисера (когда-то плела для одноклассниц кошельки, пояса и фенечки на продажу) и отгладила блузу бытовой магией. Ланч в доме предусмотрен не был, вернее, с моим появлением в доме его почему-то отменили.

Отец уехал в палату общин. На прощанье он пожелал мне приятной прогулки и побольше модных обнов. А затем

многозначительно переглянулся с Галадой. Колдовка едва заметно кивнула.

Ржанка явилась в комнату через крошечный портал, увидела отглаженную одежду на распялках и обиделась, что я не позвала ее помочь. Мы немного поспорили (я доказывала, что могу позаботиться о себе с десяти лет), и она уступила. Только чуть поворчала под нос, с умилением глядя на то, как я уминаю тарелку овсянки с черникой:

— Совсем ведьма распоясалась. Я вот что думаю: самой охота костями греметь — так и греми, других не трогай. Растущему организму хорошо питаться нужно, особенно, когда учеба, нагрузки разные. Зачем ей это?

Вот и я задавалась этим вопросом. С прошлого вечера.

Галада зашла за мной, когда гулкие часы в холле пробили полдень. На колдовке был дорогой наряд из эльфийского шелка цвета морской волны. Он и переливался, словно волна, когда мы спускались в холл. Я лишь давила завистливые вздохи. Может, где-то там, под этим великолепным нарядом, Галада и гремела костями, однако выглядела она роскошно.

Бабуля, оглядев меня с головы до ног, словно гадкого утенка без шанса стать лебедем, обронила:

— Ну что ж, удачи. Надеюсь, сие *предприятие* хоть как-то поможет превратить тебя в леди, Аделаида Громова.

— Бартеньева, — мило улыбнулась я в ответ.

Галада щебетала всю дорогу. Мне подумалось, что еще немного, и я начну ненавидеть эту женщину... нет, не за ее мировоззрение, а за способность извергать столь невероятное количество слов именно в тот момент, когда хочется подумать и полюбоваться видом.

Автомобиль недовольно гудел, карабкаясь вверх по склону. Мы въехали в так называемый Торговый Круг пятого (восточного) холма. Даже из окон машины было заметно, насколько это дорогой и пафосный район. Он накручивался на один из холмов Октоберона, словно яркая лента на палочку гимнастки. Нарядные дамы в длинных платьях и господа в шляпах-котелках и цилиндрах прогуливались по булыжным мостовым, очищенным от грязных сугробов. По обеим сторонам от полосы магазинов, спа-салонов, ювелирных лавок и ресторанов прятались за деревьями уютные домики с башенками и

мансардами. Без вывесок, но с неизменными деревянными верандами, пустыми в этот пасмурный весенний день.

— Клубы, — улыбнулась Галада, заметив мой интерес. — От истинно мужских до очаровательно женских. Я тоже состою в одном из них.

— В каком же? — поинтересовалась я.

— В клубе отчаявшихся матерей, — с легким смешком ответила колдовка. — о нет, конечно, официально он называется не так. В названии что-то там о подходе к... сложным детям.

— У вас есть дети?

Такого поворота я почему-то не ожидала. Хотя... почему?

— Дочь. Вы практически ровесницы. У нас с Леони сложные отношения. У нее сейчас как раз период юношеского максимализма. Иногда мне кажется, что она не одобряет не только мои поступки, но и сам факт моего существования. С вами, девочками, иногда так трудно. Но я все-таки надеюсь, что время и мое терпение все изменят. Видишь, Ада, я с тобой откровенна. А ты?

Галада смотрела на меня одновременно лукаво и грустно.

— Я тоже. У меня нет детей, — «призналась» я.

— Ха-ха! Ты очаровательна! А мальчики? — колдовка шутливо погрозила мне пальцем. — Слухи ходят, за тобой полкурса увивается, даже светлые визарды. Как на это смотрит твой суженый?

— На то, что они светлые, или на то, что увиваются? Отлично смотрит. У меня большая компания, мы дружим, — я старалась не раздражаться, но в моем голосе отчетливо прозвучал вызов. — Мне все равно, какая у человека магия, если он хороший.

— А подруги из лунных эльфиек? Тоже хорошие? — с невинной улыбкой любопытствовала Галада.

— Конечно. Я же пока жива, — в том же тоне парировала я.

— Мы с Алексом обсудили перспективы твоего брака. Семья Сальди... — колдовка сочувственно выпятила губку. — Пойми, Юджин хорош собой и популярен, но это не наш уровень. Чтобы подняться в высшие политические круги, Сальди самим нужна поддержка.

Я не знала, что ответить. Просто сидела и смотрела на Галаду.

— Ни о чем не волнуйся, — покровительственно сообщила та. — Мы же не просто так выбрались с тобой сегодня. Скоро Имболк. Во

Дворце состоится ежегодный весенний прием. Если как следует постараться, все женихи будут наши.

Глава 3. Чем дальше в лес...

Трудно сдерживаться, когда кипишь внутри. Ох, трудно! Почему-то слова колдовки о Юджине задели меня больше всего. Я-то отлично помнила, что наши с ним дружеские, доброжелательные и в целом приятные взаимоотношения — результат договоренности. Но ведь Галада об этом не знает! А если бы я действительно была влюблена? Эти люди — мой отец и его подружка — понимают вообще, что такое чувства?

«Гнев — худший советчик», — словно мантру, повторяла я слова магистра Серениуса. Нужно молчать и мотать на ус. Жизнь научила меня, что слова словам рознь. Ругаться и спорить — пустое. А вот найти правильный аргумент...

— Мы приехали, — проговорила придонная ведьма, посмотрев в окно. — Это Серая Башня. Триста этажей — и на каждом самые дорогие и известные магазины города.

— Триста?!

Наверное, у меня вытянулось лицо. Галада засмеялась и доверительно сообщила:

— Нас никто не заставляет обходить ВСЕ! Доверься мне. Я знаю толк в моде и развлечениях.

Не сомневаюсь.

Обувь: ботинки, туфли на высоком каблуке, туфли на низком каблуке, сапоги, мягкие сандалии, босоножки на высоченной шпильке... меня затошнило от разнообразия моделей. А ведь мы обошли всего пять этажей. Галада покупала все, на что падал мой взор. И на что не падал, тоже. Я устала повторять, что мне не нужно столько обуви. Потом поняла, что меня не слышат, и махнула рукой.

Чулки. Нет, не удобные колготки, а нечто на резинках. Мне и так на метле поддувает... Тридцать пар?! Ну ладно.

Пальто с воротником из ламы? Круто, конечно, но уже не сезон. Уф, отговорила! Я, конечно, не знаток психологии, но, по-моему, кое-кто пытается компенсировать недополученное в детстве или в юности. Или этот кое-кто решил поиграть в дочки-матери с переодевашками. А

где дочь Галады, спрашивается? Вот на ней бы свой шоппоголизм и практиковала.

Мои мысли остались лишь мыслями. В голове вертелось одно: мне нужно отлучиться в туалет и отправить письмо. Мы вошли в лифт. Перед глазами поплыли стеклянные стены этажей. Серая Башня была довольно узкой, каждый этаж специализировался на каком-то одном виде товаров. Охотнее всего я бы задержалась в отделах канцелярии и ингредиентов для зелий. И вот этот этаж, с товарами для магических шоу, хорош. Я бы здесь побродила.

Тем временем лифт медленно полз вверх.

— Магические настройки позволяют видеть лишь те этажи, где продается что-нибудь интересное для покупателя, — объяснила Галада. — Нам не придется обходить все триста залов.

Удобно. Особенно пригодилось бы мужчинам в несвед-мире, ибо нет худшего проклятия для маркетологов, чем мужик со списком покупок.

— Но самое интересное оставим на закуску, — продолжила колдовка. — Имболк. Помнишь?

Платье, которое Галада выбрала на сто семьдесят втором этаже, было красивым. Очень. Оно мне шло: подчеркивало грудь, стройнило и красиво открывало часть ноги — смело и сексуально. Однако я выглядела в нем не самой собой. Не Адой Бартеньевой, а какой-то гламурной девицей, охотницей, хищницей.

— Не нравится? — с легким недовольством спросила Галада.

— Очень красиво, но... слишком много кружев и... тела.

— Быть скромницей в восемнадцать — это мило, — кисло заметила колдовка, делая знак приказчице. — Однако на балах во дворце милые девочки обычно подпирают стеночки.

— Я не против.

Галада фыркнула:

— Имболк открывает весенний сезон. Это время блеска и помолвок. В следующем году на тебя будут смотреть как на залежалый товар.

— Я не хочу быть товаром. Я хочу учиться.

— Учись на здоровье, одно другому не мешает. Я же сказала, помолвок, а не свадеб.

— Я хочу на бал в Академию.

— Ты старокровка, — на этот раз в голосе Галады прозвенел металл. — Забудь о глупостях. Те старомодные приемы, что устраивает Серениус – детский сад, банальщина для заурядностей. У Громовых другой уровень. Идем. Я знаю еще один магазин. Фасоны там попроще, но модельер отличный.

Мы переместились на другой этаж. Галада с головой ушла в поиски подходящего наряда, а я сказала, что отойду попудрить носик.

В туалете я умылась и приступила к делу. Пасс. Еще пасс. Ничего. Письмо наотрез отказывалось уходить по назначению. Пришлось несколько раз проверить композицию. Нет, все правильно. Неужели дело в бумаге? Я застонала, обхватив виски руками. Вот же дура! Мы ведь такое проходили! Гербовая бумага иногда зачаровывается на заверение, и тогда письмо можно отправить только после подтверждения оного владельцем герба! Я не Громова, я Бартеньева! У меня нет прав рассылать почту с чужим гербом.

Там было что-то еще, в том учебнике! Какое-то примечание! О да! Исключение из правил! Если адресант – член рода, он может заверить послание кровью.

Долго думала, чем уколоть палец. Пряжка на поясе недостаточно острая, и ни одной булавки в запасе. Решение пришло и оказалось простым, но неприятным Я открыла кран и заморозила воду. Для этого пришлось «нырнуть». Глубоко. На Глубине мелькали странные тени, но меня никто не тронул. Какой же это уровень?

Вынырнув и отдышавшись, я уколола палец ледяной иглой и размазала каплю крови по гербу. Письмо отправилось с легким звоном. По моим расчетам, оно должно будет оказаться у меня на столе. Когда Шан и Арчи придут кормить Малыша, раздастся сигнал.

Еще раз умыться, погреть руки под горячей водичкой. Холодно.

— Эй! Несведка! — раздалось над ухом.

Я подняла глаза. Из зеркала на меня таращилась веселая крючконосая физиономия Левого. Рядом высунул нос Правый. Горгулы! Но как?!

— Получили твою записку, — тут же деловито сообщил Правый. — Это ты удачно по магазинам прошла. Серая Башня – она же из магического серого камня. Пролететь в нее мы вряд ли можем, слишком далеко от Академии, а вот отразиться в зеркале – как раз. Хм... вытащить мы тебя тоже... увы...

— Знаю. И не надо. Я крепко застряла. Ничего, прорвемся. Как Малыш? — взволнованно выдохнула я.

— В полном порядке, — успокоил меня Левый. — Два олуха присматривают за котом, еще один, рогатый, присматривает за первыми двумя, а мы за всеми сразу.

— Как он кушает? С туалетом проблем нет? Лоток ему регулярно меняют? Подрос?

— Рогатик? Да мы не в курсе, что там у него с лотком, — заржал Правый.

— Да нет же! Малыш!

На все вопросы горгульы ответили утвердительно. Как оказалось, Юджин, Арчи и Шан не поленились и сходили к нашему бестиологу. Так что теперь у них имелась подробная инструкция, как ухаживать за котами. Прежде всего, котами, и только потом — дебордерами. Я облегченно выдохнула.

— Я очень всем вам благодарна!

— Декан ваш весьма озабочен, кстати, переживает, — заметил Левый.

— Мы с мастером Аваром когда-то обсуждали один... вопрос, и мне кажется, он единственный может помочь.

Правый вздохнул:

— Сдается мне, я догадываюсь, о чем ты. В отличие от людей, мы видим, откуда визард берет силу.

— Вы когда-нибудь встречали таких, как я?

— Не встречали. Но слышали. Предположения. Догадки. Предсказания, иногда даже основанные на научных изысканиях. Лет сто назад существовало целое направление в магических науках, которое позже объявили шарлатанством. Те ученые пытались экспериментировать со способностями отпрысков светлых и темных магов, надеясь обнаружить у лишенных волшебства детей скрытую магию. Безрезультатно.

— Темный лес, — я покачала головой, — и чем дальше, тем страшнее. У меня мало времени. Передайте магистру Серениусу, чтобы пока не вычеркивал меня из списка студентов. Я еще поборюсь. Низводить и курощать себя не позволю. А если, — я шмыгнула носом, — если не выйдет — сбегу. Поселюсь на опушке леса, буду иван-царевичей всяких троллить.

Правый и Левый сочувственно поморгали.

— И на Имболк в Академию я не попадаю, — злобно сообщила я.
— У семьи на меня планы.

— Жених, небось, расстроится, — вздохнул Левый. — Да?

— Он... — я вдруг замешкалась с ответом. — Я ему и так неудобства доставила. И даже его подставила, невольно. Ничего. Найдет другую пару.

Правый почему-то фыркнул, а Левый покачал головой:

— Юджин Сальди, конечно же, без пары не останется. Однако ты подумай. Может, сбежать? Ненадолго. На вечерок.

— Угу. Тогда меня точно на цепь посадят, — мрачно заявила я.

В магазин я вернулась совсем злой. Вот все вроде хорошо: Малыш здоров и окружен заботой, магистр Серениус предупрежден и, возможно, предпримет какие-нибудь меры, чтобы вернуть меня в Академию. А на душе кошки скребутся.

Галада сияла: пока меня не было, приказчица отыскала «правильное» платье. Алое. С ним была та же проблема, что и с другими нарядами, выбранными колдовкой: оно делало меня неадекватно взрослой. Но я устала и кивала. Черт с ним, с платьем. Переживу я ваш прием. У меня есть проблемы посерьезнее.

За платьем последовали сумки. Все красивые и неудобные. Слишком маленькие. Или большие, но не вместительные из-за пафосного дизайна, с замысловатыми ручками и замками. Видимо, предполагалось, что я буду носить в них лишь пудреницу, флакончик духов и губную помаду. А как насчет блокнота, набора разноцветных ручек, термоса с чаем, пакетика сухариков, упаковки влажных салфеток, пары красивых камешков, коллекции кошельков и кошелечков и прочих полезных в хозяйстве вещей? Ладно, сделаю вид, что в восторге. Все равно никогда не смогу считать эти вещи своими.

Духи. От них я отказалась наотрез. Только старый мамин флакончик с приятным, немного горьковатым ароматом. На изогнутом сапфирово-синем стекле давно стерлась надпись. Сколько ни искала я похожий дизайн флакона в каталогах парфюмов, так и не нашла. Должно быть, этот аромат сняли с производства.

В ювелирном отделе я кривилась, закатывала глаза и качала головой, а на все предложения Галады отвечала, что не золото красит девушку, а скромность и природное очарование. Мол, у меня

природного очарования с избытком. Могу даже принца очаровать. Легко. Принцы тут у вас имеются? Целых три?! А подайте их сюда! В конце концов, раздосадованная колдовка отстала. Но уже через минуту оживилась и радостно сообщила:

— Угадай, куда мы сейчас? На этажи кафе и ресторанчиков! Не знаю, как ты, а я с голоду умираю. Старуха Громова со своей диетой скоро всех нас до анорексии доведет.

Я даже рот раскрыла. Надо же, врет и не краснеет. Если бы не предупреждение Ржанки, решила бы, что Галада говорит правду. А колдовка оказалась прекрасной актрисой: повела меня в крохотный уютный ресторанчик, где подавали блюда южной кухни, острые и ароматные, в тыквах и горшочках, и с горящими глазами заказала из красочного меню длинный список яств и напитков.

— Отчего ты так плохо ешь? — то и дело спрашивала меня ведьма.

— Я не голодна. Каша... то есть завтрак был... сытным.

Чуть не проболталась! Но Галада лишь хохотнула:

— Сытным? Ты шутишь? Да я постоянно выхожу из-за стола голодной! А с твоим появлением старуха совсем с ума сошла — ей, видите ли, хочется, чтобы ты вела себя, как истинная Громова, леди с безупречными манерами. Почему-то принято считать, что леди едят, как птички, и так же беспечно чирикают весь день, хотя глядя на Надежду Александровну, так не скажешь. Вот уж кто птаха с железным оперением. Иногда я очень понимаю твою маму. Сама вот-вот решусь на побег. Заберу Алекса и сниму квартиру на Четвертом холме. Но Алекс... понимаешь, Ада, у него сильна привязанность к матери. Он беспрестанно повторяет, что обязан ей всем. Свет не видел еще такого послушного и преданного сына.

Колдовка скорбно вздохнула.

— Да уж, — процедила я сквозь зубы, вспомнив свое видение — Громову-старшую в ярости.

Мой завтрак и впрямь был сытным, поэтому я смогла осилить только несколько кусочков овощного рагу. Галада улыбалась и болтала без умолку. Мне не нравился нехороший блеск в ее глазах. То ли усталость сказывалась, то ли...

Когда мы вернулись домой, отец встретил нас в холле.

— Отдохни и зайди ко мне в кабинет, Ада. Нам следует обсудить некоторые... хм... моменты. Сколько еще продлятся твои каникулы? Две недели? Отлично, — Громов с довольным видом потер руки. — Ржанка!

Рядом с Громовым материализовалась домовуша.

— Приведи Аду ко мне примерно через полчаса, — велел ей отец.

— А потом, Ржанушка, как освободишься, зайди ко мне, — сладким голосом попросила Галада.

... Ржанка вела меня к отцу и молчала, как партизан на допросе, а у меня в душе шевелилось недоброе предчувствие. Происходило нечто нехорошее, а я не понимала, что именно.

Отец встретил меня кивком и указал на кресло. Сам остался стоять. Я тоже не спешила сесть, предпочитая смотреть отцу прямо в глаза. На войне как на войне, как говорится.

— Ты ведь в курсе, что выборы через неделю? Многое поставлено на карту. Я рассчитываю на твою помощь, Ада. Мы все рассчитываем. Вот брошюрка, почитай. В ней то, что ты должна знать о «Великом Возрождении». Наша программа включает в себя такие пункты, как разумная сегрегация и интеграция...

— Я знаю, — перебила я отца, даже не взглянув на буклет в его руках, — разрыв сотрудничества со светлыми в магических сферах, союз с придонными и донными ведьмами. Послушай, но ведь они... колдовки!

— Они маги, Ада. Такие же, как я и ты. Им всего лишь не повезло со статусом, принятием в обществе, образованием.

— А они пытались? Ну... встроиться в общество, учиться?

— У всех свои обстоятельства. Да, дикие ведьмы не умеют контролировать свой дар. История Магистеррениума, да и несвед-мира тоже, знает немало случаев вредительства, намеренных прорывов бестий, использования обычных людей в качестве жертв-проводников. Но сейчас другое время! Не пора ли простить, забыть, принять — перед угрозой от нашего общего врага, потери магической крови? Магов с истинной кровью становится все меньше! Мы можем потерять магию!

Не иначе как Громов процитировал лозунг из предвыборной брошюры.

— Тебе изрядно промыли мозги в Академии, — уже без пафоса продолжил отец. — Чтобы увидеть общую картину мира, нужно хотя бы согласиться, что она куда больше иллюстраций в ваших учебниках. Наша партия не отрицает перегибы. Однако вспомни Инквизицию. Да что так далеко ходить? В некоторых уголках несвед-мира до сих пор существуют невидимые для остальных тайные организации. Они отслеживают ведьм и, поверь, вершат так называемое «очищение» без суда и следствия.

— Колдовок!

— Ты думаешь, они нас различают? — отец саркастически поднял бровь, точь-в-точь, как бабуля.

Я упрямо тряхнула волосами. Возможно, если бы не нападение низшего демона, я бы восприняла слова Громова иначе, но после всего пережитого к *настолько* альтернативному видению готова не была:

— Мне рассказывали, что твоя подружка некогда выпустила в несвед-мир опасных демонов из Девятой Глубины, — напомнила я сквозь зубы.

Больше аргументов не осталось. Увы, но и на него у Громова имелся ответ.

— Ей было шестнадцать, — сказал отец. — Она жила в несвед-мире. Способности пробудились спонтанно. Произошел выплеск. Место, где стоял дом родителей Гэл, находился на магической аномалии, поэтому все пошло... не так. После этого случая власти Магистеррениума сначала взяли под опеку, но когда пришло время зачисления в школу магии, ее дело было пересмотрено. Ей отказали, сославшись на проступок. Да, в результате выплеска пострадали люди, несведы, семья Гэл, но такое наказание... оно было несоизмеримо с преступлением, совершенным по незнанию. Гэл закрыли путь в Магистеррениум. Она не отступила и вошла в него в другую дверь.

«С заднего хода», — мрачно прокомментировала про себя я.

— Прежде чем осуждать других, узнай детали, — Громов скрестил руки на груди и устало присел на край стола. — Большая часть нашего электората — образованные визарды, наделенные силой и властью, понимающие, что мы можем потерять в случае ухода магии. Однако наша программа не чужда и простому люду, уставшему от фактически гражданской войны с колдовками... и от противостояния произволу светлых магов. Ада, я считаю, что даже если ты в чем-то не

разделяешь наш с Гэл взгляд на ситуацию, поскольку ты вошла в семью...

— Хорошо, — вскинув голову, заявила я. — Я буду участвовать в твоих предвыборных мероприятиях. Как твоя дочь, одаренная, старокровная и бла-бла-бла. Но у меня есть одно условие.

... Ржанка не явилась на зов, ее нигде не было. Галада ушла с отцом, я видела через окно, как они садятся в авто.

Громов пошел на уступку. С моим условием он согласился охотнее, чем я ожидала, и это показалось мне крайне подозрительным. Мне уже везде мерещились ловушки.

— Даю слово, что после выборов ты вернешься к учебе, там, где захочешь, Ада. Вопрос с фамилярмом тоже решим. Ты ведь не думаешь, что я не понимаю ценность твоего зверя? Разумеется, если он в ближайшее время... сколько ему?... уже пора... пробудится как истинный дебордер, разрушитель границ миров? Не волнуйся, пропустишь всего пару недель учебы. Илья поможет тебе с программой второго семестра. Да, кстати, выучишь с ним тезисы запланированных выступлений и вероятные ответы на вопросы прессы и избирателей.

Какой все-таки Илья универсальный чувак. И полезный. И невидимый почти, когда не нужен.

— И еще, Ада: никто не будет требовать от тебя рекламных акций в пользу «Великого Возрождения». Я принимаю во внимание твою недоверчивость. Присмотришь, послушай, разберись. Возможно, в ходе нашей совместной работы твоя точка зрения изменится. Что касается прессы... говори правду и только правду. Ложь еще никому не приносила добра. Однако не стоит выносить сор из избы, правда? Пусть дела нашей семьи остаются внутри семьи. Илья научит тебя, как уклоняться от провокационных вопросов.

... Побродив по дому, я спустилась на кухню. Там Ржанки тоже не оказалось. Сливка и Пшенка замолкли при моем появлении и лишь качали головами. Но вскоре посреди кухни появилась и Ржанка. Увидев ее, я охнула: волосы домовуши стояли дыбом, с прутьев веничка сыпались искры. Кухарка и ее помощница подхватили Ржанку

под мышки и выволокли в сад, не дав мне и слова сказать. Лишь Сливка кинула через плечо:

— Идите-ка к себе, Ада Александровна. У нас тут небольшая техническая заминка.

Я вернулась в свою комнату и вызвала Ржанку через час. Домовуша привела себя в порядок, лишь морщилась и чесала руки. Поначалу она наотрез отказалась обсуждать разговор с Галадой. Она буркнула, что позовет меня на ужин, и исчезла. Ничего, мы терпеливые и настойчивые. Я выждала секунд десять и громко прокричала:

— Ржанка! Ржанка! Ржанка!

Домовуша возникла в комнате, поклонилась, быстро проговорила:

— Ах да, забыла совсем, спасибо, что напомнили. Господина Илью Петровича позову.

И снова исчезла.

— Ржанка!

— Ада Александровна, да что ж вы прицепились ко мне как репей?! — взвыла домовуша после очередной принудительной явки.

— Потому что я знаю! Эта... Оса... что-то тебе сделала! Она тебя как-то наказала, да?! Это ведь из-за каши, так? Это я виновата! Я проговорила! Галада – врунья. Она солгала, что все из-за бабушки. А по моей оговорке поняла, видимо, что я с тобой общалась – что всю правду знаю. А я не знаю! Ржанка, говори всю правду! Что это за игра такая?

— Не могу я вам рассказать, — буркнула Ржанка. — Отпустите вы меня.

— Руки покажи!

— Не покажу. Отпустите. Так всем лучше будет.

— Хорошо! Вот только больше еды мне не носи!

— Оголодаете!

— Ну и пусть!

— Давайте я вам котлетку после ужина...

— Нет! Я знаю, что Галаде зачем-то нужно, чтобы я мало ела дома. Отлично! Буду фигуру беречь! Стану такая же стройная!

В глазах домовуши отразилась мука. Но я велела ей уйти, и она исчезла.

А у меня от всех этих переживаний аппетит пропал, так что вынужденная диета давалась легко. Вечерами я спускалась в библиотеку, и мы с Ильей (под стенания и песнопения моего желудка) учили предвыборную программу отца. Мысли мои, однако, витали совсем в других сферах. Выполнит ли отец обещание? Отстоит ли меня магистр Серениус?

Я злилась, что приходится тратить время на всякую ерунду. Илье от меня прилетало: и едких примечаний, и каверзных вопросов. Но сей субъект, видимо, отличался прилизанностью не только волос, но и характера. Он лишь вздыхал и терпеливо повторял номер пункта.

Через два дня ко мне заявили портные. Они сняли мерки для новой одежды. В ней я должна была стоять рядом с отцом на предвыборных митингах, скромная студентка в стандартной для высших учебных заведений форме: белой блузе и темной юбке. Отец поднялся ко мне в комнату на финальную примерку и одобрительно кивнул.

— Чем мантия Академии нехороша? — угрюмо спросила я.

Громов чуть поморщился:

— Слишком... определенно. Серениус сейчас не в особом фаворе в министерстве. Все его... перегибы, неразборчивость в приеме студентов... в общем, Ада, я бы посоветовал тебе присмотреть другое учебное заведение.

Глава 4. Rare avis

С понедельника я начала выезжать с отцом на предвыборные мероприятия. От меня требовалось немного: стоять, улыбаться, махать, изредка, а в самых патетичных местах, прижимать к глазам кружевной платочек.

Признаюсь, было изрядно противно. С лицедейством этим меня примиряло лишь то, что отец особо не скрывал нашу печальную предысторию «знакомства». Да и зачем ему было что-то скрывать? Напротив, на семейном анамнезе он строил доказательства правильности партийной линии: мол, если у визарда от рождения дар был столь скуп, что экспертом не определился, что говорить о ведьмах донных и придонных? Уж те-то, бедные, похлеще в ловушку попали! И как отец, после козней недругов и долгого расставания, прижал к груди родную кровиночку, так и общество, отринув условности и обиды,

должно душевно облобызывать блудных детей своих, донников и придонников. Бу-э.

Сам факт, что папаша на долгие годы оставил сиротинушку прозябать в несвед-мире, направив свое внимание в области куда более плодородные, никого тут не возмущал. Ну а что? Дите-то на первый взгляд вроде как ущербное уродилось. А на взгляд второй отец ошибку свою признал, дитяtko в лоно семьи вернул. Занавес, все рукоплещут. Свою точку зрения я могла бы засунуть куда-нибудь подальше. Культурные различия. Против них не попрешь.

Тем временем приближался Имболк. Накануне вечером Ржанка принесла отутюженное платье, которое мы купили в Серой Башне, туфли и клатч. Домовуша молча приготовила наряд для бала и так же молча исчезла. Она так ничего и не рассказала, и я не знала, что происходит между ней и колдовкой, но сомневалась, что что-то хорошее.

На душе было муторно. Казалось, я проваливаюсь в бездонную яму. Или ухожу на Глубину, где уже непонятно, кто бес, а кто человек. Сливались в одно лица. После митингов в ушах стоял шум толпы.

Публика любит Громова. Его партия лидирует. Предыдущий парламент распущен, Октоберон замер в ожидании выборов. Но уже сейчас было ясно, что достойных соперников у отца нет.

Галада... У нее отдельная цель. Она хочет въехать в Парламент на белом коне. Еще недавно, воспользовавшись кризисом, Верховная ведьма пыталась угрожать, выдвигала ультиматум от имени Ковена. Ничего не вышло. Вокруг постели умирающего короля сплотились его сыновья. Три принца. Два все чаще мелькают на обложках журналов и на первых страницах газет. О третьем ничего не слышно. Его тщательно скрывают от прессы. Это, разумеется, порождает массу слухов.

В общем, стенания и шантаж не произвели на принцев никакого впечатления. Тогда наша лапочка Гэл поменяла тактику. Она стала преданным сторонником партии «Великое Возрождение», правой рукой отца. Это помогло. Однако в последнее время печатные издания все чаще припоминают ее давние угрозы. О каком-таком секретном оружии вы говорили, госпожа О'Мэйли? Как оно поможет нам, если после прекращения сотрудничества со светлыми магами мир

заполонит Бурая Топь? А если, страшно сказать, получив полную свободу, выйдут из-под контроля донные ведьмы?

В ночь перед Имболком я никак не могла заснуть. В голову лезли всякие мысли, разной степени умности. Раньше политика меня совсем не интересовала, а сейчас я как-то незаметно стала ее частью. Однако куда мне простой смертной понять все эти экивоки?

Пытаясь избавиться от бессонницы, я набросила халатик и открыла окно. Немного охладжусь, потом прыгну под теплое одеяло – и привет, сон. Живот неодобрительно заурчал. Галада ездила с нами на митинги и периодически всех подкармливала. Из нее получилась эдакая расторопная милашка-сотрудница, простая-простая, заботливая-заботливая: и за кофе сбегает, и бутербродиков для команды настрогает.

Но домовушам все еще было разрешено подавать на стол лишь очень скудный набор блюд, которые шли под соусом бабушкиного сарказма. Наши пререкания за столом стали чем-то обыденным. Отец и Галада уже и не пытались нас помирить. Бабуле казалось, наверное, что своими замечаниями она меня по стенке раскатывает. Она не понимала: кто в армии служил – тот в цирке не смеется.

— Адочка, в несвед-мире люди всегда столь... весело и громко работают челюстями? — выцветшие голубые глаза смотрели на меня с некоторым даже... сочувствием.

— У нас считается, что тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь себе и обществу.

На самом деле, подолгу разжевывая каждый кусочек, я обманывала чувство голода.

— Как интересно! И в чем же это выражается?

— Ну как же! — я делала моську в стиле «как можно не знать таких простых вещей?». — Люди с хорошим пищеварением обычно добрее и терпимее. И наоборот. Если бы вы знали, какими неприятными могут быть человеческие особи, лишенные удовольствия хорошо покушать!

Бабуля поджимала губы. Я получала небольшую передышку.

... Ночи все еще оставались холодными, с заморозками. Сна не было ни в одном глазу. Я вернулась в комнату и надела теплый спортивный костюм. От него все еще пахло Риткиной квартирой. Я

совсем забыла о тетке, а в доме Громовых ее имя вообще не упоминалось. Я призадумалась. На что Рита тратила папины деньги? Куда постоянно уезжала. Тетка даже ремонт в квартире при мне не делала и на себя тратила самый мизер.

Ярко светила луна. Полнолуние. Малыш, наверное, опять бесится: скачет по балкону и высматривает летучих мышей. Как же тяжело ждать. Ждать и надеяться, что отец не обманет.

Во все пророчества Громова насчет печальной участи Академии я не верила. Ну что они сделают, в конце концов? Максимум снова разделят темных и светлых визардов на отдельные учебные потоки и факультеты. Думаю, даже это не вернет былую атмосферу взаимной ненависти. Ведь есть же Тенет и Крофф и многие другие студенты, познавшие простую истину: настоящей дружбе различия не помеха.

На узком кружевном балкончике каким-то образом помещались стул и крошечный столик. Я стояла и смотрела на небо. Внезапно в лунном свете между деревьев мелькнул чей-то силуэт. Кто это тут у нас летает? Дом защищен от проникновения, а членам семьи, включая Галаду, полеты на помеле не по статусу. С другой стороны, откуда мне знать, чем развлекаются по ночам леди Гэл или бабуля Громова.

Ибо силуэт был женским. Я наблюдала его всего несколько секунд, стоя в тени ниши, а затем он скрылся за колоннами. Насколько я помнила, несколько комнат с этой стороны здания пустовали, а дальше шли покои Галады. Я впервые задумалась, как леди Гэл и отец обеспечивают в таких условиях личную жизнь, учитывая, что апартаменты папы располагались на первом этаже. Передернула плечами – не хватало мне еще этим голову забивать. А вот проверить, кто у нас тут порхает по ночам, не лишнее. Вот прям-таки чувствую, что это мой моральный долг.

Небольшое маневренное помело, на котором я две недели назад производила облет дома, все еще находилось в моей комнате. Я подозвала его щелчком пальцев. Оперлась о холодные потоки и осторожно поплыла вдоль стены. Между колоннами пробивался свет из окон Галады.

Ничто, как говорится, не предвещало. Вдруг по ветвям деревьев с первыми весенними почками пронесся порыв ветра. Метла рухнула вниз, потеряв опору. Мне повезло – я ухватилась за перила балкона, зажав помело коленками и больно получив седлом по спине, когда

метла перевернулась концом древка вниз. Все-таки не зря я так старательно училась: понимание происходящего пришло сразу – что-то обрушило холодные потоки вокруг здания. Или кто-то. Есть такое заклинание. Сложное и энергозатратное. Мне его Тенет показывал, как средство самообороны. «На самый крайний случай», как он уточнил. Например, если окружена врагами или делаешь нечто очень незаконное и не хочешь, чтобы тебя застали врасплох.

Магия среагировала даже быстрее, чем моя мысль. Пара секунд – и я закачалась на теплых потоках. Помело сопротивлялось, его балансировка не была заточена под светлое волшебство. Беззвучно ругаясь, я обуздала упрямую метлу. К счастью, шорох ветвей скрыл все звуки.

Я вновь двинулась вдоль фасада. Осторожно выглянула из-за выступа с причудливой лепниной.

У Галады действительно были гости. Гостя. На перилах балкончика, вальяжно, словно у себя дома, сидела молодая женщина. Вернее, девушка примерно моего возраста, внешне очень похожая на леди О’Мэйли. Она непринужденно болтала ногами, в воздухе рядом покачивалось изящное помело. В руке девчонки был бокал с чем-то темно-красным, на ярких губах играла дерзкая улыбка. Огромные глаза следили за Галадой, которая то исчезала в комнате, то появлялась на балконе, выставляя на овальный столик тарелки с закусками.

Мне пришлось задействовать композицию усиления звука. Отличное заклинание, когда нужно расслышать что-то издалека, весьма удобное на лекциях. Построила я его, разумеется, на теплой магии.

— И что? — донеслось до меня.

Какой знакомый у этой девчонки голос. Где я его слышала?

— А ничего, — с досадой ответила Галада. — Никаких признаков того, о чем мы с тобой говорили.

— Значит, ты ошиблась, — девчонка фыркнула.

— Не думаю.

— Ошиблась. Просто не хочешь признать. Что у тебя есть? Какие-то предположения безумного мага? Ну прости, это было девятнадцать лет назад и старик оказался совершенно чокнутым. Свидетельства той девчонки из Академии? Она ничего толком не видела, к тому же она жадна, как лепрекон.

— Тише, — раздраженно проговорила Галада. — Кое-кто тут может слышать через полог тишины.

— Это всего лишь признак старой крови.

— Знаю. На большее я и не рассчитывала. Еще слишком рано для выводов. Поешь, Леони. Ты потратила много сил на призыв.

— Не так уж много. Пара глубинных бесов, подтянутых к поверхности, и потоки еще нескоро восстановятся. Сыра дай, — дочь колдовки потянулась к тарелке. — Надеюсь, его не ваши домовики готовили. Терпеть не могу их магию. От нее потом живот болит.

— Волшебство семейных домовушек питает лишь Громовых, — проговорила Галада со вздохом. Колдовка оперлась на перила балкончика, я вжалась в камень. — Ешь, не бойся. Сыр сделан на заказ. Ветчины? Тебе бы сейчас мяса поесть.

Молодая придонница не обратила внимания на слова матери. Она обкусывала ломтик сыра. Кажется, все О'Мэйли питаются святым духом, хотя насчет «святого» я бы поспорила.

— Будь твои предположения правдой, все давно бы подтвердилось, — задумчиво проговорила она.

— У меня еще есть время. Я уверена в своей правоте. Леони, я слишком многое поставила на карту, чтобы отступить сейчас. И дело не в прошлых пророчествах. Я сама видела предзнаменование. Там, в самой Глубине. Сестры и их дети. Потенциал. Пробуждение в год Тиары. Этот год по старому эльфийскому календарю начнется завтра. Время еще есть.

— Ты очень часто бываешь уверена, а потом начинается «ну подожди, Леони, ну потерпи, детка, в этот раз не получилось — получится в другой». Надоело, — капризно протянула девчонка. — Ты уверена в этом своем... хахале, а он тебя подставит, вот увидишь.

— Ты ошибаешься.

— Вот увидишь! Пожертвует тобой, как пешкой!

— Ты ошибаешься не в том, что Громов может предать, а в том, что я ему полностью доверяю, — голос Галады был холоден, как сама Глубина. — Сколько тебе повторять, Леа, я не так наивна. Алексу скоро предстоит самое серьезное испытание — победой. В которой я, кстати, не сомневаюсь.

— Опять видение?

— Нет, здравый смысл. Алекс — лучший ресурс для наших вложений, он ВЕРИТ в свою правоту и умеет передавать свою веру другим. Посмотрим, однако, какие уроки он усвоил в плане преданности ВЕДЬМАМ.

Леони помолчала, дожевала сыр и насупилась, скрестив руки:

— А я все равно ему не доверяю. Мама, мы теряем время. Дай мне карт-бланш, разреши действовать на свое усмотрение. Вот увидишь, мы наконец-то добьемся своего.

— Революционерка, — Галада хмыкнула. — Когда-то и я такой была. А теперь сижу в золотой клетке и лишний раз не пырхаюсь. Знаешь, почему? Жизнь научила.

— И тем не менее, — вкрадчиво проворковала младшая О'Мэйли, — даже в золотой клетке ты гнешь свою линию и медленно идешь к цели.

Женщина и девушка переглянулись и засмеялись.

— Черт! Вынуждена признать: кое в чем ты действительно права — я так себе замена Верховной ведьмы. Мы все ждем твоего возвращения, — Леони вздохнула. — Ковен готов идти на некоторые уступки, но терпение Высших ведьм постепенно заканчивается. А большая часть ведущих потихоньку начинает роптать и раскачивать свои чертовы дюжины. Скоро я перестану с ними справляться.

— Я знаю. Ничего. Пусть. Все изменится уже завтра. Ты отлично справляешься. Вот что, — произнесла Верховная ведьма, — если после выборов и первых проектов Алекса все пойдет не так, как мы задумали, обещаю тебе полную свободу действий.

Почти сразу после этих слов Леони упорхнула, а Галада ушла к себе. Я осторожно «доковыляла» на метле до своего окна, влетела в комнату и принялась в возбуждении ходить из угла в угол. Я не могла больше молчать. Каким бы равнодушным и холодным отцом ни был Громов, он имел право знать, что его водят за нос.

Все эти жалобы Галады на дочь — еще одна ложь. Шерочка с машерочкой. Одна решает вопросы под прикрытием, другая осуществляет координацию «на воле». Но где я слышала этот голос?

Через несколько минут физические и эмоциональные силы покинули меня, я прилегла и на удивление быстро заснула. Проснувшись на рассвете, еле дождалась пробуждения дома и отправилась к отцу.

Насколько я успела выяснить, он вставал рано и проводил часы до завтрака в своем кабинете.

Увидев меня, отец нахмурился. Стоило мне раскрыть рот – разозлился. Не дал ничего объяснить и попросил выйти вон. Прощедил вдогонку, что я кусаю руку, которая меня кормит, но потом догнал у двери и устало проговорил:

— Послушай, Ада, ты можешь обвинять меня в чем угодно, припоминать прошлые обиды, упрекать за все, что тебе недодали в детстве и отрочестве, но никогда не впутывай Гэл в наши разногласия. Если бы ты знала, на что я пошел ради двух дорогих мне женщин: тебя и Галады, как противостоял собственной матери! Ты не представляешь, насколько я счастлив оттого, что вы есть в моей жизни. Не порти хрупкое равновесие, я и так с трудом его поддерживаю. И не разочаровывай меня.

Боль, которую я испытала в тот момент, было ничем не измерить. Наш бестиолог, которым так восхищалась Ора, любит повторять: «Ни одно физическое увечье не сравниться с муками души. Раны тела заживают, то, что на сердце, может болеть вечно». Так вот, в этот миг я поняла, что он имел в виду.

Когда я вышла, уперлась носом в аристократический бюст бабули Громовой. Надежда Александровна стояла у двери в кабинет отца и, похоже, собиралась войти. Кажется, ни я, ни Громов не защитили наш разговор от прослушивания. Да плевать! Идите вы к донным бесам, Громы! Я терплю все это только потому, что не хочу неприятностей для магистра Серениуса. На него министерство и так зуб точит. Малейшее нарушение – санкции.

На одном из предвыборных митингов «Великого Возрождения» в почетных гостях побывал сам министр образования. Он много говорил и обещал. Затронул тему учебных заведений, у которых «нет перспектив развития», мол, мир вот-вот изменится, а некоторые вузы до сих пор плетутся в хвосте преобразований. Таких будем немилосердно искоренять. Не позволим всякой косности препятствовать строительству лучшего мира. Не было никаких сомнений – многие чиновники рассматривают Громова как серьезную силу и готовы языками пролизать себе путь на теплые местечки в новом правительстве. Боже, как же мне было хорошо, пока я не была знакома со своим отцом!

Видно, я так свирепо посмотрела на бабулю, что она проглотила свой вопрос... или очередное каверзное замечание. Я шагнула в стороны и пошла к себе. Оглянувшись, заметила, что Громова смотрит мне вслед. Как-то... задумчиво смотрит. А давайте ты меня официально выгонишь, бабушка! Только рада буду!

В моей комнате у шкафа с одеждой крутилась Ржанка. Домовуша принялась деловито зачитывать мне список дел на сегодня: визажист, куафер, маникюрша. Я открыла было рот, чтобы поставить разговорчивую служанку перед фактом: я не иду на бал, и точка! Но Ржанка вдруг проговорила:

— Везет вам, Ада Александровна. Небось друзей своих из Академии встретите. Повеселитесь.

— Друзей?

— Конечно. Все старокровки-дебютанты этого года должны на Имболк напервой принцам быть представлены. Церемония эта недолгая: пришли, поклонились. А потом уже и в школы-институты можно вернуться, уж там-то юнцы отрываются – только держись. Моя сестра троюродная в Академии Баланса прежде служила, при мадам Пруфф постельным бельем заведовала. Такое рассказывала...

Я подумала о Юджине. Нет, он не дебютант, он старше нас и учился в другом магическом вузе. Настроение упало.

— ... или наследники разных магических семей выдающихся – им каждый год велено пред монаршие очи являться, — доверительно болтала Ржанка, расправляя складки на платье, том самом, в котором я превращалась в гламурную барби. — Как вам, например.

Сразу стало чуточку веселее. Внутри даже проклюнулся росток бунтарства.

— Макияж, прическа, ногти – это ладно, — медленно проговорила я, — дело хорошее. А вот одежда... Ржанка, убери этот ужас. Я надену другое платье.

Я вытерпела все манипуляции с волосами, лицом, руками и ногами. Подошла к зеркалу и под восхищенные ахи Ржанки признала: это хорошо. Я осталась самой собой, просто приобрела еще одну версию себя.

Мастер маникюра превратила мои погрызенные лапки в холеные ручки с розовыми блестящими ноготками (даже ведьминский коготь облагородился покрытием натурального оттенка).

Куафер создал на голове огненный водопад из легких локонов — ничего вычурного, лишь пара шпилек в нужных местах и спрей для блеска с приятным травяным ароматом.

Макияж самый простой, даже ресницы, густые от природы, чуть тронуты тушью, но глаза стали глубже, выразительнее и блестят.

Немного волнуясь, достала из шкафа отутюженное магией Ржанки бирюзовое платье. Да, вызывающе: бирюза — цвет Академии Баланса. Да, это очередной мой лайтовый бунт. Но после утреннего разговора я не уверена, что могу и дальше участвовать во всем этом фарсе.

Я чувствовала, что сегодняшний вечер станет решающим и волновалась.

Шелк скользнул по плечам, Ржанка ловко запрыгнула на веничек и взмыла к моим плечам, потянув за молнию. Платье село идеально. Ну... почти идеально, я все-таки изрядно похудела.

Немного поколебавшись, достала из коробки кулон. Снова подивилась его простой элегантности. Что это за цветок в центре золотого ложа?

— На орхидею похоже, — предположила подлетевшая поближе Ржанка. — Вот в голове вертится, чьего дома символ, а вспомнить не могу. Надобно у Сливки спросить. Она раньше где только не служила.

Оказалось, я произнесла свой вопрос вслух.

— Ну вот, — тихо сказала домовуша, — глаз не отвести.

Раздался тихий стук в дверь. Вошел отец. Увидев меня, с растерянностью выдохнул:

— Боже, Ада, как ты похожа на свою маму. Такая же красавица. И этот цвет... твой цвет. Гэл молодец. Тебе очень идет этот наряд. Ты такая юная и... прекрасная.

Голос отца дрогнул, глаза увлажнились. Значит, платье и кулон не его подарки. А чьи? Неужели... нет, глупость какая! С чего бы Юду Сальди дарить такую роскошь фиктивной невесте? Но сердце почему-то на минуту сбилось с ритма.

Ржанка тихонько выскользнула за дверь. Я ждала, что Громов пройдет по оттенку платья, но он вздохнул и вытянул перед собой руку. По моим обнаженным плечам потянуло холодом — отец использовал усложненную глубинную магию, шестой уровень, не меньше. В его руке появился крошечный квадратик. Он рос и рос. И

вот уже Громов перехватил другой рукой... тяжелый гримуар из бордовой кожи.

Его обложка была потертой, а алая краска на обрезках выцвела. Я почему-то страшно заволновалась и вопросительно посмотрела на отца. Громов протянул мне гримуар:

— Возьми. Он по праву твой. Осторожно, тяжелый. Дай-ка я применю пасс.

Отец построил композицию левитации — книга медленно поплыла ко мне по воздуху. Я прикоснулась к обложке, ощутила под пальцами шероховатую кожу, потерла тиснение на корешке, где обычно указывалось имя владельца. Повернула гримуар набок, и он охотно продемонстрировал позолоченную надпись.

— *Rara avis*, — прочитала я. — Это латынь. Означает...

— ... редкая птица, — продолжил за меня Громов. — Твоя мама любила латынь.

— Это ее гримуар?! Но ведь она не училась в магической школе!

— Она была визардой, пусть и слабой. А это значит, что Марьяна имела право на владение гримуаром, — отец помолчал. — Это я подарил ей книгу. Заказал в мастерской на Ольховой улице. Она часто в нем писала. Что? Не знаю. Вполне может быть, что кулинарные рецепты... или же это ее личный дневник. Но... потом... когда ты родилась... стало не до этого. Гримуар остался у меня. Теперь он твой. Я так и смог его открыть. Может, у тебя получится?

Ведьмовская книга разрешила мне рассмотреть форзац. Однако дальше титульного листа не пустила — страницы казались склеенными.

— Это не клей. Какое-то странное волшебство, — проговорил отец. — Понятия не имею, откуда Марьяна узнала это заклинание, о нем не слышали даже эксперты по книжной магии. Впрочем, возможно книга среагировала на долгое отсутствие хозяйки и запечатала саму себя. Со временем у гримуаров появляется нечто вроде собственного разума. Интересное явление.

— Спасибо, — сказала я, избегая смотреть на отца.

— Я знаю, что у тебя уже есть свой гримуар. Магистр Серениус упоминал, что ты взяла студенческий кредит. Разумеется, я его выплачу. И не спорь. Хватит споров. Давай просто закопаем топоры войны. Забудем все, что было до нашей встречи. Прости меня, Ада. Начнем все сначала?

Я кивнула. Начнем. Уже начали – я действительно похоронила прошлые обиды. И простила. Какой смысл обижаться на Громовых? Они такие, какие есть. Уж скорее рак на горе свистнет, чем они поймут, сколько зла совершили по отношению к моей маме и ко мне. Вот только чем дольше я общаюсь с семейством отца, тем больше мне хочется «начать сначала» без него.

— Нам пора, — сказал отец. — Позволь проводить тебя к машине.

Гримуар полыхнул синим, и уменьшился до размеров спичечного коробка. Я опустила его в свой крохотный клатч, почему-то захотелось взять его с собой на бал, как талисман на удачу.

Положила ладонь на сгиб руки отца. Благодарно кивнула, когда ждавшая в коридоре Ржанка накинула мне на плечи меховое манто. Да будет бал.

Глава 5. Имболк

Я и отец рука об руку спустились к машине, где уже ждали бабушка, Илья и Галада. Я поразилась тому, какой жалкой смотрелась колдовка рядом с бабулей, несмотря на красоту и молодость леди О'Мэйли. Скромное серо-серебристое платье Надежды Громовой казалось королевским рядом с пошлым золотом наряда Галады.

Леди Гэл посмотрела на мое платье. В глазах колдовки мелькнул огонек разочарования. В остальном ничто не указывало на то, что Громов передал Верховной ведьме мои обвинения – те, что я успела высказать в кабинете. Галада быстро вернула на лицо восхищенное выражение и защелкала о том, какая я красивая. Бабуля посмотрела оценивающе и вдруг скомандовала:

— Не комильфо всем нам громоздиться в один автомобиль. Саша, Гэл, вас отвезет лимузин. Илюшенка, поухаживай за Аделаидой, мы втроем поедем в кабриолете.

Самым сложным было сесть так, чтобы не помять платье, вряд ли я смогла бы применить отглаживающую магию на самом балу. Илья занял место напротив нас. Сегодня он выглядел довольно... симпатично: не такой прилизанный, в красивом фраке, да и вне общества отца и Галады заметно расслабленный.

— Илюшенька, дружочек, ты не против нашего небольшого женского tête à tête (*)? — обратилась к нему бабуля.

(* разговор наедине)

Парень вежливо наклонил голову в знак согласия. Надежда Александровна поставила «немой полог». И замолчала, глядя в окно. По кожаной крыше автомобиля стучал дождь.

— Я порой бываю резка, — сказала бабуля, не поворачиваясь. — Но и ты не подарок. Одно могу сказать: ты уже намного лучше держишь осанку, приятно посмотреть. Значит, мои уроки пошли на пользу. Такую шею, как у нас, Громовых, нужно нести гордо, даже если она дрябла и покрыта морщинами, как у меня. Шея — одно из лучших украшений женщины. Что за кулон на тебе?

— Подарок.

— Юджина Сальди? Орхидея — их фамильный цветок. Означает...

— ... страсть? — я облизнула внезапно пересохшие губы. Как же я сразу не догадалась!

— Верно. Страстей у них в семье хватает. А еще крепких, долгих браков, что, разумеется, говорит в их пользу. Заметь, я сейчас говорю именно о Сальди, а не о Турнаевых, эти лишь примазались к великому роду. Отчим Юджина...

— ... отчим?

— Ты не знала? Умар женился на матери Юджина, Белиссе Сальди, когда малышу было два года. Бедная Белисса. Должно быть, ей непросто было, когда погиб ее первый муж. Полагаю, семья ограничила ее свободу, и ей захотелось вырваться из клетки с помощью поспешного брака. Но этот Умар — скользкий тип. На днях имел наглость потребовать у нашей семьи подписания брачного договора. Саша отказал, сослался на то, что вы с его пасынком еще не помолвлены официально. С одной стороны, Белисса Сальди — желанный союзник. С другой, она не слишком благосклонна к начинаниям моего сына. Выбор за тобой, Ада. Даже если Галада будет навязывать тебе кавалеров... что ж, она пока не вошла в нашу семью, — поджатые губы выдали отношение бабули к потенциальной невестке. — В случае чего — ссылайся на меня, скажи, я разрешила.

— Спасибо, бабушка, — оторопело проговорила я.

— И все же на твоём месте я бы не доверяла демонам. Юджин — слишком послушный пасынок. Приглядишься к нашему Илюше. Вот уж кто отличный претендент. Проходит у Саши студенческую практику. Скромный, без претензий, как видишь, — изучает политологию в буквальном смысле методом внедрения в святая святых. А ведь из

славного рода Борщевских, близких к короне. И ты ему, кажется, нравишься.

Я обещала, что присмотрюсь. Подобная смена настроений меня весьма смутила.

Чувствовалось, как автомобиль поднимается на холм. Рассмотреть дворец издалека не вышло из-за столпотворения на подъездном серпантине. А выйдя из кабриолета, мы немедленно окунулись в ... золото – столь много здесь было сияния: от световых гирлянд на лестнице до хрустальных люстр огромного холла.

Я увидела Юджина Сальди сразу, как только мы вошли. Он стоял у фонтана в центре зала, высокий, статный, в бордовом мундире, видимо, том самом, от которого отрезал по необходимости золотые пуговицы. Впрочем, пуговицы были на месте. Юд стоял и смотрел на вход. А встретившись со мной взглядом, расплылся в улыбке. Я сделала сердитое лицо: мог бы и навестить, пока меня в темнице томили и голодом морили. Вон, отчим твой времени даром не терял. Юд ухмыльнулся и покачал головой, мол, я тоже рад тебя видеть.

Нам никак не позволяли продвинуться вглубь зала. Внимание отца то и дело отвлекали на себя разные расфуфыренные типы, некоторые почему-то в париках с буклями и косичкой. Они заранее поздравляли его с победой, ссылаясь на только что опубликованные в «Гласе Октоберона» результаты опроса избирателей.

Я порывалась сбежать, затеряться в толпе, которая все текла и текла мимо, ослепляя блеском драгоценностей и белоснежных улыбок. Однако отец каждый раз представлял меня своим многочисленным знакомым. Приходилось кивать и улыбаться.

На меня смотрели, как на редкую зверушку в зоопарке. Тем не менее, уверовав в то, что я не выдумка, не предвыборный пиар-ход, новые знакомые принимались засыпать меня приглашениями на чай и суаре. Неожиданно выяснялось, что ближайшие недели в их семьях изобиловали многочисленными именинами отпрысков мужского пола. Прекрасная вещь – именины. В отличие от дня рождения отмечаются в честь легендарного покровителя, которого можно выбрать на вкус и цвет. Кто там у нас в списке великих магов-мучеников в следующую среду?

Оркестр на балконе сменял один вальс за другим, а я все не могла уйти. На помощь неожиданно пришла бабуля. Она достала веер из

серебристой сумочки и принялась обмахиваться. На середине очередного разговора громко и нетерпеливо заметила:

— Прошу нас простить. Нам с Адочкой ужасно хочется пить. Здесь так душно! Адочка, вон там можно взять прохладительные напитки.

— Спасибо, — с благодарностью сказала я, когда мы отошли.

— Наш разговор не окончен, — голос Надежды Александровны показался мне напряженным. — В машине был Илья. Я доверяю мальчику, но не настолько. С таким изобилием талантов, вполне может выясниться, что хитрец уметь читать по губам. Весь день пыталась остаться с тобой один на один, но в доме было слишкомлюдно. Не смотри на меня так. Да, я ошиблась. Посчитала тебя хитрой стервочкой, которая прекрасно понимает, что ей делать. А потом дурехой, что из сентиментальных побуждений лезет в осиное гнездо. Ты не шевельнулась, даже когда ведьма почти полностью отрезала тебя от семейного питания.

— От... магии домовых? — выдохнула я.

— Уже знаешь? Она дает нам, Грозовым, силы. И сейчас тоже, несмотря на то, что мой сын-идиот передал Осе право распоряжаться слугами в доме. Я все ждала, когда ты сбежишь... вплоть до вчерашней ночи.

У меня перехватило дыхание:

— Вы...?

— Я видела, как ты безрассудно играешь в опасную игру. А потом еще и пытаешься раскрыть на происходящее кое-чьи слепые глаза. С кем ты решила воевать, глупая девчонка? С Галадой? Неужели ты так и не поняла, что все это представление ради того, чтобы добраться до тебя?

— Я... я догадывалась.

— Догадываться мало. Не будем долго разговаривать, здесь много острых ушей, нас заподозрят в заговоре, — Надежда Александровна обвела зал взглядом. — В случае чего держим связь через Ржанку.

— Она... Галада ее как-то мучает и принуждает! — выпалила я, принимая из рук бабушки стакан лимонада.

— Знаю, — пожилая женщина поморщилась, — но ничего не могу сделать. Саша попал как кур в ощип, а я оказалась в заложниках его глупости. А я еще была недовольна, когда он женился на твоей

матери. Все познается в сравнении. Все. Расходимся... Ах, Люсиль, сколько лет сколько зим! Все еще скрипишь, старая перечница. Пойдем-ка перекусим. Говорят, тут отличное мороженое, — бабуля раскрыла объятья какой-то высокой смуглой даме.

— Вот это да, — пробормотала я, провожая ее взглядом.

Смуглая дама пыталась оборачиваться и указывала на меня, но бабушка упорно тащила ее к фуршетным столам.

Я немного пришла в себя. Голова кругом. Обдумаю все после. Но где же Юд? Вместо демона на глаза попалась Ева Старинова. Красотка поморщилась, однако направилась ко мне, покачивая бедрами. Выглядела Ева потрясающе. Казалось, что вышитые на ее платье павлины вот-вот расправят свои пышные хвосты.

— И ты здесь? — кисло заметила Старинова, подойдя. — И как тебе жить бок о бок с самой отвратной ведьмой на свете?

— Мы почти дружим, — мой тон, напротив, был приторно сладким. — Ходим вместе по магазинам, ухаживаем за домашними питомцами...

— Прикалываешься? — Ева уставилась на меня круглыми глазами. — Я тебя, конечно, не очень-то знаю да и знать не хочу — ты мне вообще не интересна. Но ты все-таки на этих, бесовых сторонников Разделения, не похожа. С Кроффом дружишь и этой... Орой.

— Да, это был сарказм, — устало проговорила я. — У меня, конечно, землю отобрать не пытались, зато было кое-что другое, не менее неприятное. Так что, нет, жить бок о бок с Верховной ведьмой под одной крышей — это не то, что может меня порадовать.

— Ладно, — Ева помолчала, глядя на мой кулон. — Вижу, у тебя все непросто. Пойдем поищем наших. Скоро представление принцам, танец дебютантов, а потом немного потусуемся для вида и рванем в Академию. Турнаев обещал раздобыть складные метлы. Или боишься? Будущую мачеху, а?

— Жаль, что мы на балу, — с достоинством ответила я, — иначе показала бы тебе ответ реальной девчонки с района.

— Это какой? — заинтересовалась Старинова.

— Набираешь полный рот слюны и сбиваешь плевком воробья с ближайшего дерева.

— Блин, — с досадой проговорила Ева, — все-таки ты сумасшедшая, Ада Бартеньева.

— Еще какая, — поддакнула я.

Мы перешли из холла в главный зал. Еве, как старокровке, в чьи обязанности с тринадцати лет входило ежегодное посещение королевского дворца, все вокруг было знакомо и привычно. Я же чуть шею не свернула, глаза по сторонам.

В галерее карабкался по стенам золотой плющ. На нем непрерывно расцветали молочно-белыми лепестками сочные бутоны. И тут же увядали, опадали и рассыпались. Лепестки превращались в золотую пыль и разлетались по залам, наполняя воздух горьковатым запахом.

Чтобы попасть в танцевальный зал, нужно было пройти сквозь водопад. Это стекала с потолка живая магия. Она смывала усталость и успокаивала. Румяные парочки пробегали под ней, чтобы с новыми силами вернуться к танцам.

— Дворец стоит на Источнике, — бросила через плечо Ева. — Самом мощном из всех известных. Ширина почти четыре мили, глубина – седьмой уровень. Мощнее только у нас, на Морозной горе, и в Академии. И, говорят, пара узких, но глубоких есть в несвед-мире, только никто не знает, где. Слушай, прости за ту сцену в спортзале. Я была зла на Юда... ну и начала на него бросаться, наболтала всякого. Мне не хотелось его отпускать, он отличный любовник, правда?

— Э-э-э... — промычала я, надев на лицо многозначительное выражение.

— Кстати, не в курсе, кто тогда над нами пошутил? Говорят, в зале декокт какой-то распылили.

— Нет, что ты?! Сама бы этим паршивцам голову оторвала! Меня Либерииус тогда так напугал!

— Ну да, ну да.

Я отвернулась и вытерла пот со лба. Не хочу больше иметь Старинову во врагах, в друзьях оно как-то... приятнее.

— Так ты что, в Академию возвращаться не собираешься? — спросила тем временем Ева. — Я слышала, ты в политику ударилась. Просто звезда выборов.

— Это временно, — сухо сообщила я. — Скоро обязательно вернусь в Академию.

— Лишь бы было, куда возвращаться, — проговорил кто-то за спиной.

Мы обернулись.

— Привет, Влад! — обрадованно сказала я.

Обид больше не было, ведь я знала, что Турнаев наговорил мне тогда гадостей из-за воздействия.

— Как ты?

— Нормально.

Чувствовалось, что Владу все еще неловко со мной говорить. Но улыбался он не менее радостно. Потом направил взгляд на мой кулон. И глаза словно... погасли.

— Ты отлично выглядишь, Ада. И... поздравляю.

— Спасибо, — озадаченно брякнула я. — А с...

Меня нетерпеливо перебила Ева.

— Ты принес? — спросила она у Влада.

— Конечно.

Парень зыркнул по сторонам и запустил руку во внутренний карман фрака. Когда он вынул ее, на его ладони лежало пять крошечных... метел.

— Уменьшающая магия? Круто! — восхитилась я.

Ева оценивающе осмотрела трофей Турнаева.

— Подпитай их, — велела она, выйдя из «нырка» и встряхнувшись. — Иначе могут развернуться прямо тут. Весело будет.

— Сам знаю, — обиженно проговорил Влад и машинально потер челюсть. — Не учи ученого.

— Так, я, Ада, Мариша, ты и... Юд, — пересчитала Старинова, — всем хватает. Кто не самоорганизовался — мы не виноваты.

Произнося имя демона, она все-таки слегка поморщилась. К нам подошла еще одна девушка-старокровка. Я видела Маришу в Академии в компании Евы.

— Нужно срочно спрятаться, — озабоченно сказала она, поздоровавшись. — Двенадцать приглашений на танец и восемь предложений руки и сердца, причем многих претендентов вижу впервые в жизни. Это слишком даже для меня. У меня, вообще-то, жених есть.

Мы укрылись за колоннами в галерее. В зал продолжали входить люди. Изредка мелькали знакомые лица студентов Академии Баланса.

Как же нас, старокровов, все-таки мало.

Заметила в толпе отца с повисшей на нем Галадой. Громов с напряженным видом вертел головой. Нет уж, мне сейчас нужен отдых от родни. И потом тоже. Где, черт подери, Юд?

— Вы заметили, что на балу совсем нет светлых? — задумчиво проговорила вдруг Мариша. — Никого. Из наших ни одного человека. Даже Тенет пришел без Кроффа.

— Зато я видела несколько придонниц, — зло прищурившись, прошипела Ева. — Я эти мерзкие морды никогда не забуду. Устраивали демонстрации на Морозной горе, мол, это их земля по праву Глубины. Ха! Никогда Стариновы не уступят святые земли под бесофермы.

И действительно, в толпе то и дело вызываяще мелькали темно-зеленые остроконечные ведьминские шляпы, непременный атрибут официального наряда глубинных колдовок. Шляпы смотрелись нелепо в сочетании с глубокими декольте и обильными украшениями их обладательниц. На придонниц косились. Боязливо. Украдкой. Люди перешептывались. Но никто не протестовал и не гнал колдовок прочь.

— Ты видела Ору? — спросила у меня Ева.

— Нет.

— И я. И ни одного эльфа, ни темного, ни светлого. Вообще никого из Дивных или нелюдей. Зато придонниц видимо-невидимо.

— Это прецедент, — кивнул Влад серьезно. — И это... нехороший прецедент.

Я, наконец, увидела Юджина. Он разговаривал с каким-то молодым, судя по осанке, человеком, почему-то показавшимся мне знакомым. Я вытянула шею, заинтересовавшись собеседником демона, но Сальди уже шел к нам.

— Церемония через три минуты, — деловито сообщил Юд... и оказался совсем близко. — Пора двигаться к входу в бальный зал. Ада, твою руку, пожалуйста.

Я послушно положила ладонь на его запястье.

— Волнуешься? — спросил демон, наклонившись.

— М-м-м, — неопределенно выразилась я.

Волнуюсь, но не из-за предстоящего представления королевской семье.

— Не злись. Знаю, что отец требовал подписать договор. Понятное дело, Громов отказал, — сообщил Юд. — Я следил за тобой,

— добавил он, помолчав. — Все это время, пока ты была у Громовых. Так что не думай, что я тебя бросил. У тебя старинное зеркало слева от камина. И плюшевая игрушка на кровати. Енот.

— Как?! — ахнула я. — То есть... чего вдруг мне такое думать? Я вообще ничего такого не думала. Тебе совсем не нужно было... ты не обязан был... Зачем ты вообще...

— Ты надела мое платье. Ты надела мой подарок, хотя Галада нашла для тебя другой наряд. Значит, думала. То платье тоже было... красивое.

— Ты подглядывал? Через зеркало?!

Демон фыркнул:

— Я же не горгулья.

— Это они следили? Но в доме нет серого камня.

— Не они.

— Тогда кто?!

— Не могу тебе сказать. Это не мой секрет. Я волновался. Мы все волновались.

— Как же здорово иметь таких друзей! — воскликнула я, оттаяв.

— Друзей? — демон как-то странно улыбнулся, уголками губ. — Да, здорово.

... Для упрощения церемонии всем молодым старокровкам раздали золоченые броши в форме каллиграфически выписанных имен. «Аделаида Громова», — прочитала я на своей. Мило.

Дебютанты выстроились в танцевальном зале. После нескольких минут ожидания началось представление. Из монаршей четы присутствовала лишь супруга короля, герцогиня Ревская.

Из газет и журналов мне было известно, что Его величество Филипп страдает от последствий воздействия Бурой Топи. По официальной версии несколько лет назад король лично присутствовал на поле сражения с дикими, магически сильными племенами, угрожавшими восточным границам государства. Монарх попал под воздействие необычной силы и неизвестной природы, и к нему «прикоснулась» Топь.

С тех пор Филиппа периодически «хоронят»: то в СМИ, то по сарафанному радио. Все привыкли и не особо реагируют. А король продолжает жить и даже влиять на дела государства при поддержке

двух старших сыновей. В народе их за глаза называют «Триадой». Хотя, конечно, правовые полномочия у королевской семьи невелики. Все решает Парламент.

В зал вошли старшие королевские отпрыски, их мать, жены, дети и даже внуки. Старшему принцу было хорошо за пятьдесят. Разница в возрасте между средним принцем и его братом не слишком бросалась в глаза, а вот младший принц, судя по вскользь изученному мной генеалогическому древу на стене зала, был поздним ребенком.

Пока королевская семья обходила первые ряды, стараясь уделить каждому молодому магу толику внимания, я поинтересовалась у ребят, увидим ли мы младшенького на балу.

— Ну... там запутанная история, — шепотом отозвалась Мариша. — Его никто толком не видел чуть ли не с рождения. Вроде бы у третьего принца хрупкое здоровье. Или наоборот, крепкое, и он учится за границей в военной академии.

— Или он мутант... или трансгендер... или что-то там еще, и его отправили подальше с глаз долой. Что? — Ева пожала плечами. — Я читала... где-то, кажется. Типа королевская семья вырождается, и в ней случаются *небольшие* отклонения.

— А еще говорят, он светлый, — подхватила Мариша. — Ужас, правда?

— Да тише вы, — Влад как-то умудрился рывкнуть на нас шепотом. — Нашли место и время.

Юджин молчал и в обсуждении не участвовал. Лишь один раз скользнула по его губам легкая улыбка. Я вдруг обнаружила, что постоянно смотрю на него. Или не смотрю? Если не смотрю, то почему постоянно его вижу?

— Добро пожаловать в магическое сообщество, визарда Аделаида, — с улыбкой обратился ко мне старший принц Айван. — С волнением следим за вашими достижениями.

Я присела в изящном реверансе. Хоть какая-то польза от муштры мадам Пигмалион. Встретилась глазами с взволнованным и гордым взглядом отца в толпе. Знал бы он, что мы с ребятами готовимся учудить этим вечером, так бы не улыбался.

Пока я строила коварные планы, королевская семья покинула зал. Толпа отхлынула к стенам, которые на моих глазах раздвинулись, чтобы дать танцующим больше пространства.

— Ну хоть какая-то возможность побыть наедине, — проговорили мне в ухо.

И вот я уже парю, вцепившись пальцами в рукав красного мундира и не чувствуя пола под ногами... иногда и вправду парю и не чувствую — это какая-то легкая левитационная магия, для пущего эффекта. Тело помнит уроки танцев и само двигается в такт вальса. Музыка словно магический поток: подхватывает и кружит в приятных прохладных водоворотах.

— Ада, — губы Юджина почти касаются моего уха, — ты великолепно выглядишь... Ты... ты похожа на цветок. Ты... О бесы! Это отлично звучало в моей голове, когда я придумывал свою речь, но сейчас...

— А как же глаза, глубокие, как озера? — ехидно поинтересовалась я. — А волосы, как огонь? Теряешь хватку, Юджин Сальди? А раньше у тебя шикарно получалось.

Я решилась посмотреть Юду в глаза. Блестят. Странно блестят. Не озера, а целые океаны.

Это все бал. Это все платье. Это... внимание красивого парня. Ну признайся, Ада. Ведь никто из тех, кто когда-либо ухаживал за тобой, не был таким... харизматичным. Решительным. Остроумным. Парни из твоего прошлого никогда не спасали тебе жизнь. И никто из них так не стал тебе другом.

Демон тряхнул головой. Я так привыкла к его рожкам, что начала считать их... милыми.

— Раньше было по-другому, — смущенно признался Юд, вытирая пот со лба.

— Тебе жарко?

— Мундир... ненавижу мундиры. Здесь душно...

— Ой! Вон Тенет! — воскликнула я на очередном развороте.

Арчи вел в танце какую-то холеную блондинку. У обоих на лицах застыла натужная вежливость. Тенет увидел меня, сделал удивленно-восхищенное лицо и, продолжая обнимать партнершу, показал большой палец так, чтобы видела только я... и Юд. Талия блондинки при этом ни на секунду не оставалась без внимания.

— Тенет? После поговорите, — несколько раздраженно проговорил Юд.

— Но Малыш...

— У него все чудесно. Скоро увидишь своего драгоценного кота собственными ушами...

— ... глазами.

— Что-то я заговариваюсь. Нужно лишь найти укромное местечко для вылета. На чем мы остановились?

Вальс внезапно закончился изящной хрустальной россыпью скрипок. Юд еле слышно выругался, помянув жару и ленивый оркестр, который мог бы поиграть и подольше.

— Жарко, — согласилась я, когда мы остановились и неуверенно опустили руки. — Сейчас бы попить... Есть тут что-нибудь прохладительное?

— Пойду добуду мятный лимонад. Или апельсиновый?

— Мятный.

— Никуда не уходи.

Демон состроил суровую гримасу и погрозил мне пальцем. Я отошла за арку, увитую плющом. Голова закружилась, от сладкого ли запаха бутонов? Да, душновато. Но меня, по крайней мере, на некоторое время оставила в покое семья. Галады что-то не видно. А нет, вон она, а рядом с ней ее дочь. Дитяtko Верховной ведьмы и по совместительству ее помощница почему-то не в традиционной темно-зеленой шляпе, зато платье самое что ни на есть ведьминское — из переливающегося изумрудного шелка с рукавами до пола и большим декольте. На лице Леони кислое выражение, в руке высокий стакан с лимонадом. Как же хочется пить.

Кто-то остановился с другой стороны арки. Я узнала голоса Евы и Мариши.

— Твой Юд опять пошел на штурм неприступного бастиона? — промурлыкала Мариша.

— Он не мой. Юд недостаточно чумовой для меня. Когда мы встречались, он вечно куда-то исчезал посреди свидания, скрытничал. Мне нужен кто-нибудь более открытый и темпераментный: в страсть с головой, а все остальное побоку.

Доводы Евы показался мне достаточно убедительными, чтобы отлегло от сердца. Есть надежда, что Старинова окончательно потеряла интерес к Юджину.

— Как знаешь, — равнодушно проговорила Мариша с зевком. — А мне жаль беднягу. Все веселятся, а он весь вечер вынужден

ухлестывать за дочерью будущего премьер-министра.

Ева хмыкнула:

— А ты не рассматриваешь такую версию, что Ада ему просто нравится?

— Я бы так и подумала. Бартеньева прикольная, когда не строит из себя ботаничку. Но сегодня, до того, как я нашла вас тут, собственными ушами слышала, как Сальди разговаривает с каким-то своим родственником. Тот уговаривал его еще немного потерпеть и поиграть в страстного поклонника. А Юд сказал что-то вроде: «Видеть ее не могу. Ты же знаешь, я люблю другую». Этот его родственник жалостливо так сказал: «Знаю. Но это нужно для семьи. Мы все на тебя надеемся».

— Черт! — выразительно сказала Ева. — Юд все-таки оказался придурком.

— Скажешь Аде?

Старинова помолчала и сказала:

— Нет. Она не дура. Сама разберется. А не разберется, то нефиг быть такой наивной. Это ей не несвед-мир. Маги мужского пола еще большие сволочи, чем обычные мужики.

... Голоса однокурсниц удалились. А я осталась. Из транса меня вывел знакомый голос.

— Плохо, очень плохо, — пробормотал он над ухом.

Я вздрогнула, повернула голову. Тенет. Как всегда элегантный и спокойный.

— Стою тут уже минуты три. Ребенок, ты окончательно решила порвать с безоблачным детством. Во-первых, ты шикарно выглядишь, совсем не по-детски, поверь. Во-вторых... где ваша живость, Ада Бартеньева, где знаменитое на всю Академию шило в... ? Ах, неважно! Застыть на три минуты и не реагировать! На тебя не похоже. Ты заболела? Ладно, не отвечай, я тоже подслушивал. Это было отвратительно. Но ты не должна верить. Как вы там, несведы, говорите? Забей? Забей. Сплетницам верить — себя не уважать. Я не так хорошо знаю Сальди, мы общались в основном на тему... хм... фелинологии, но я могу точно сказать: ты Юду небезразлична. Взять, к примеру, этот кулон...

— Что кулон? — хрипло выдавила я.

— Типичный родовой дар избраннице. И ты его надела, а это значит... Что за взгляд? Мутное мелководье, ребенок! — Арчи закатил глаза. — Чем занималась на уроках этикета у мадам Пигмалион? Ловила мух? Теперь понятно, почему ты веришь слухам.

— Я не верю, но...

— Каким слухам? — перед глазами возник запотевший стакан с лимонадом. Я припала к нему, словно путник в пустыне.

Юд улыбался, счастливо и безмятежно. *«Видеть ее не могу. Ты же знаешь, я люблю другую»*. Если я сейчас в это поверю, мир, конечно, не рухнет, но зашатается. Мой личный мир, в котором есть этот взгляд Юджина, успокаивающий и будоражащий одновременно. *«Юд — особенный парень, в своей семье он скорее исключение, я рад, что вы подружились»*. Ах, магистр Серениус! Как же мне хочется, чтобы ваши слова опять оказались правдой!

— Ах, я как раз говорил Аде, что нельзя верить сплетникам, — Арчи небрежно махнул рукой. — Влад это подтвердит, не так ли?

— Ненавижу сплетни, — сквозь зубы процедил вынырнувший из галереи Турнаев. — Головы бы пооткусывал всем, кто распространяет слухи. От меня до сих пор пол-Академии шарахается. Некоторые верят, что я донник.

— Кстати, стало известно, кто тебя зачаровал? — поинтересовался Тенет.

— Нет, — Влад раздраженно пожал плечами. — Меня раз пятьсот допрашивали какие-то чуваки оттуда, — Турнаев показал глазами на потолок. — Про какую-то фигню болтали, типа мы в Академии проводим эксперименты по скрещиванию светлой и темной магии. Я устал повторять, что это бред и что я не нырял на глубину. Рассказывал, что слышал от Ады: про шпионку, волос и все такое. К счастью, выяснилось, что кто-то поставил на мне метку для привлечения мелких бесов-паразитов, очень умело поставил.

— Как и на мне, — вставила я.

— Никому ничего не нужно! — взорвался Турнаев. — Визардов посреди бела дня зачаровывают и фаршируют паразитами. А всем плевать! Они думают только о том, как бы придраться к Серениусу и закрыть Академию.

— Кстати, о Серениусе, — вкрадчиво проговорил Тенет. — Мне тут маленькая птичка напела, что вы собираетесь свалить на... другой бал, поинтереснее. Интересно, как. Во дворце невозможно построить портал.

— Никто и не собирается порталиться, — пояснил Влад и с гордостью продемонстрировал Тенету миниатюрные метлы.

— И на них не улетите. Защитный экран.

— Спорим! У нас все продумано. Сейчас все соберутся и свалим.

— Я с вами, — заявил Арчи.

— Мы на тебя не рассчитывали.

— Не проблема. Сяду вторым, скажем... к Аде, заодно придержу ее, болезную, чтобы ветром с метлы не сдуло, поставлю левитационный пасс для коррекции веса. Мне очень нужно на бал в Академию. Другая маленькая птичка сообщила, что сегодня там будет очень весело. Я не хочу пропустить веселье, Крофф мне потом мозг пронудит. Вы же его знаете. «Ах, как жаль, что тебя там не было, Арчибальд!» С меня билет на вечеринку «Лунной лиги».

— Мне отдашь. Два билета, — осклабившись, сообщил Юджин.
— Возьмешь метлу Ады. Ада полетит со мной.

— Прости, но ты уж больно... здоров, приятель. Потратишь весь резерв на уменьшение веса, свалитесь оба, — усомнился Тенет.

— А кто сказал, что я полечу на метле?

... Примерно через четверть часа мы вылетели с деревянных настилов на декоративном пруду за дворцом. Наши метлы взмыли в небо одновременно с залпами фейерверков. На время салюта защитный экран был снят, всего на несколько минут, но нам хватило. Мы с Юдом летели на его мотоцикле. Его Харлей, словно выдрессированный конь, примчался на вызов хозяина.

Город представлял собой удивительное зрелище. Повсюду полыхали залпы салютов. На холмах в честь победы солнца и весны над зимой и холодом горели костры, в них корчились зловещие соломенные чучела.

На Центральной площади в окрашенном всеми цветами радуги фонтане танцевали бронзовые русальчата. Увидев меня, они замахали пухлыми ручками.

У самой Академии в наш мотоцикл чуть не врезался какой-то мужик в форме курьера. Погрозив Юду кулаком, он исчез в темноте. Юджин завис и несколько минут смотрел ему вслед. Я почувствовала, как напряглась его спина.

Эти несколько минут подарили мне невероятное счастье. Не из-за наслаждения полетом. А от близости Юджина. Демон отдавал часть резерва для создания защитной оболочки позади себя, а сам мерз. Мне было тепло, а Юд вздрагивал при каждом порыве ветра, по-зимнему холодного. Мне хотелось, чтобы мы поскорее долетели... и ужасно не хотелось, чтобы полет заканчивался.

Я спрошу его. Спрошу напрямую. Он ответит, я знаю. Он не солжет, глядя мне в глаза. И даже если меня ждет горькое разочарование, я выдержу. Переживу.

Глава 6. Дом, милый дом...

Если на Хэллоуин над Академией кружились тыквы с горящими глазами, то символом Имболка стали пылающие чучела бесов. Глубинные бестии с пламенем из раззявленных ртов носились и хохотали вокруг, когда мы осторожно приземлялись на лужайке.

Мы успели лишь заметить, что и в этот раз магистр Серениус на магию не поспешил... и сразу же оказались в кабинете ректора. Правда, не все. Перенеслись я и Юд.

Магистр стоял посреди кабинета. Будь обстановка менее официальной, я, ей-богу, с визгом полезла бы обниматься. Но рядом с ректором, степенно сложив руки на животе, важно пыхтел магистр Кревий. Поэтому я сдержалась и лишь присела в шутовом реверансе.

Кревий удостоил нас кивком, а магистр Серениус сказал с улыбкой:

— Прошу простить мою инициативу. Я поставил портал-ловушку на поляне, зная, что ты обязательно постарайся посетить бал, Ада. И ты, Юджин... разумеется, ты тоже. Очень рад видеть вас обоих. Бал в самом разгаре.

— Простите, не по теме вопрос! Мою комнату еще никому не отдали? — выпалила я.

— Разумеется, нет.

— Тогда я быстренько в общежитие...

— Не спеши. Тебя кое-кто ждет.

— Малыш тут? — обрадовалась я.

— Играет со Сквирсом, — кивнул ректор.

Почти в эту же секунду где-то рядом раздались громкий мям и насмешливое стрекотание. Одна из секций книжных полок отъехала в сторону, в щель ворвались бельчонок и... адский кот. Вот этот зверь клыкастый и мохнатый — мой маленький фамилляр с детским голоском? Случись наша первая встреча сегодня, лишь в горячечном бреде пришло бы мне в голову назвать эту упитанную рысь Малышом.

Бельчонок пронесся по полу, кот не вписался в один из поворотов на вираже и плавно доехал-доскользил до нас на боку. Встал, встряхнулся и важной походкой, словно так все и задумывалось, направился ко мне. Бельчонок вспрыгнул на плечо к Серениусу и прострекотал оттуда что-то явно дразнительное. Малыш слегка прижал уши, но на провокации не поддался.

Кот подошел, громко мурча, потерся о мою ногу. Я уловила его сдержанную мысль. Хозяйка болталась бог знает где, непомеченная, непромурлыканная. Вернулась, болезненная, слава Матери всех котов. Больше Малыш ее никуда одну непустит. Никакой больше самостоятельности.

Я чуть не прослезилась. Потянулась к коту, а он — ко мне, встав на задние лапы, да так, что положил мне передние на плечи. Я покачнулась и растроганно пробормотала.

— Ты когда так вымахать успел? Сколько меня не было? Месяц?

— Он охотился, — ответил за кота Юд. — Свежее мясо, свежая кровь.

— И знать не желаю, на кого вы там его натаскивали.

— На бесов, — не моргнув глазом сообщил Сальди.

— Та-а-ак. Кажется, я действительно отсутствовала слишком долго, — у меня слегка подкосились ноги, и Малыш умудрился дотянуться до щеки шершавым языком.

Когда вернусь в Академию, мне многое придется наверстать.

Магистр Серениус поспешил меня успокоить:

— Не волнуйся, Ада. Малыш находился под наблюдением преподавателя бестиологии. Твоя подруга визарда Ле'Алато пишет курсовую по дебордерам. Профессор Уиллард заинтересовался Малышом и предложил ей свою помощь. Он обучал Малыша охоте. Оказалось, что у твоего фамилляра масса скрытых способностей.

— Ты времени не терял, — шутливо обратилась я к Малышу, — собрал вокруг целый клуб друзей и почитателей.

И Ора тоже... времени не теряла, похоже. Интересно, наш препод по бестиологии женат? Он ведь не такой уж старый, просто внешность у него жутковатая из-за шрамов.

>друзья – это хорошо, — авторитетно заявил Малыш.

Кот громко заурчал. Он понимал каждую мою фразу и мысль, но прежнее многословие исчезло. «Голос» перестал казаться детским, в нем прорезались басовитые нотки. И в интонациях ментальной речи мелькало что-то знакомое. Что-то отчетливо... Кроффовское. Малыш, словно ребёнок, перенял манеру говорить у столь обожаемого им Шана. Надеюсь, лишь это, а не капризность и болезненное самолюбие моего светлого приятеля.

— А теперь, если желаете, я перенесу вас в бальный зал, — предложил ректор. — Малыш подождет здесь, он не любит толпу. Спешите насладиться недолгими часами Имболка. Всего одна ночь, когда нечисть не может проникнуть в мир людей.

— К сожалению, не все люди – люди, некоторые похуже нечисти, — проскрипел из своего любимого кресла магистр Кревий. — В чем мы только что имели честь убедиться.

— Не будем портить ребятам праздник.

Последние слова ректора, произнесенные со вздохом, я услышала на грани перехода.

Что ж, почему бы не потанцевать напоследок? В доме меня наверняка ждет взбучка.

Единственное, что грело душу - мысль о бабушке. Вот уж актриса каких поискать. Неприятно, конечно, что она так долго ко мне приглядывалась, да и хитрости мои разгадала, но я бы тоже незнакомому человеку не доверилась. Может быть, мы с бабулей подружимся? И у меня, наконец, появится настоящий родной человек? Ведь она на моей стороне, это факт. Я готова простить ей все ее интриги против брака мамы и папы. Теперь, когда я столько времени прожила в магическом мире, мне стали более понятны все эти заморочки насчет магии по наследству.

Лица друзей и ставшие родными залы Академии вызвали неожиданное уныние. И танцы не порадовали. И на вопросы однокурсников я отвечала вымученно.

Вот закончатся выборы, и по договорённости с отцом я вернусь сюда. Вернусь. Обязательно. Получилось что-то вроде самовнушения, которое... не действовало. Сердце мое было не на месте. Громов так легко дал обещание, словно что-то знал. Знал, я уверена. И это не к добру.

Когда мы вышли на лужайку, я заявила Юду, что заберу Малыша с собой.

— Пусть Галада изойдет на сопли.

Демон покачал головой:

— Не думаю, что это понравится твоему отцу.

— Скажу больше, ему это *совсем* не понравится, — я изобразила хищную улыбку. — Назвался груздем – полезай в кузов, так у нас в несвед-мире говорят. Хотел дочь-старокровку с магическими способностями, найди место для ее фамильяра. Юд, я живу у Громовых лишь потому...

— ... что не хочешь неприятностей для Серениуса. Я это уже слышал. Ты умная девушка, Ада, и ты прекрасно понимаешь, что у магистра неприятностей полным-полно и без тебя.

Юд остановился и завис надо мной. Большой и страшный демиург. Мне действительно на миг стало не по себе: в глазах Юджина было что-то странное. Досада? Раздражение? Нетерпение?

— Ты ведешь собственную игру, Ада, — с нажимом произнес Юд.
— И она тебе не по силам.

— Ты видел это через зеркало?

— И не только.

— Ах да, у тебя везде уши. А ты сам? — я с вызовом посмотрела в эти сумрачные глаза с недобрым огоньком в глубине. — Во что играешь ты? Две партии одновременно? Одна по душе, а от другой с этой самой души воротит, да?

— Я же говорил, ты умная. Сама догадалась или подсказал кто?

Демон ощерил неожиданно крупные зубы-клыки (и как я раньше их не замечала? *почему у тебя такие большие зубки, жених мой? – а догадайся сама*) и шагнул ближе. Глаза его вспыхнули алым, рожки засветились. Я шагнула назад, понимая, что случись что недоброе, у меня просто не получится убежать на каблуках и в узком платье. А еще Юд отлично левитирует крупные объекты. А еще он очень сильный, вспомнить хотя бы мою заколдованную метлу.

Как назло, на лужайке никого не было. Лишь маячили вдали два силуэта у дуба. Слишком далеко.

И боевым пассам меня так толком не обучили.

Кстати, сам Юджин-то и не обучил.

Я только вздохнула, когда демон подошел вплотную. Нет, я не верю, что ты можешь причинить мне боль, Юд. Зажмурилась... и слегка оторвалась от земли. Вдохнула запах гари, металла и почему-то (любимого с детства) базилика от мундира Юда. А потом запахи эти окружили меня со всех сторон, потому что и руки... окружили. А на губах запечатлелся поцелуй. Сначала сдержанно так запечатлелся, а потом уже... не сдержанно, а очень чувственно.

— Вот мой ответ, — прошептал демон.

Запахи и ощущения стали неимоверно острыми. Они пьянили, лишали здравомыслия. И все-таки в паузе (между двумя затяжными) поцелуями я прошептала:

— Но я слышала. Есть другая. Она нужна семье. И ты... с ней...

Демон глубоко вздохнул и мягко поставил меня на землю. Я верила, что прямо сейчас Юджин рассеет все мои сомнения. Ведь этот поцелуй был таким нежным и искренним! Разве можно подделать свет в глазах? А бешеный пульс на запястье, где его касались мои пальцы?

— Да, есть... игра, — с трудом подбирая слова, проговорил Юджин. — И ты права насчет двойной партии. Той девушке... я говорю ей, что вынужден ухаживать за тобой по требованию семьи.

— И так просто об этом мне сообщаем? — удивилась я, отступая. — Мне?!

— Потому что с тобой я не играю. С тобой я — это я. Давай знакомиться заново, — Юд шагнул назад, отставив ногу в поклоне, и галантно, с шутливым кивком приложил руку к груди: — Юджин Торвунд Бенедикт Сальди, потомок Балакена Победоносного и наследник Алара, Властителя Десяти Глубин, Высший Демиург. Твой жених. Реальный, не фиктивный.

— Очень приятно, конечно, — буркнула я. — Но вот последнее утверждение весьма спорно. Не помешало бы объясниться. У вас, высших демиургов, может, так и принято — целоваться с одной, напрашиваться ей в *реальные* женихи, а потом оправдываться перед другой. А мне вот как-то неуютно.

— Честно говоря, — Юд смущенно почесал в затылке, — я думал, ты сейчас меня просто убьешь.

— У меня сегодня ночь шокирующих открытий, — нехотя призналась я. — Чтобы не шокироваться до полной кондрашки, я познаю дзен. Но ты не расслабляйся: у меня очень острый свежий коготь и царапаюсь я мастерски.

— Дело в том, что у нас, высших демиургов, все действительно очень сложно, — проговорил Юджин, положив руки мне на плечи и пристально глядя в глаза. — Тебе ведь говорили, да? О связи, которую мы создаем на всю жизнь. Когда-то давно общего предка огромного рода демиургов прокляла одна... скажем так, русалка. Есть такое водное племя двухвостых, живут они в подводных городах, а на поверхности выращивают особые орхидеи для изготовления афродизиаков. Да, наш родовой знак — карминовая орхидея, в память о том времени. Ты носишь кулон с символом рода Сальди. У каждой семьи демиургов — свой цвет орхидеи. Проклятье неразруσιμο. Вот мы, потомки предавшего возлюбленную демиурга, с тех пор и мучимся. Рано или поздно каждого мужчину из рода того бедняги настигает чувство. Иногда в пятнадцать лет, иногда в сорок или даже шестьдесят, как было с моим дедушкой. Оно остается с нами навсегда. Моя мать не хотела выходить замуж за отца, у него была... хм... подпорченная репутация. Но он полюбил и убедил ее в своей вечной верности. И сдержал обещание. Потеряв его, она так и не оправилась полностью. Вот так.

— Очень романтично, — я вздохнула. — Юд, не буду скрывать свои чувства к тебе. Ты... прекрасен. Смел, силен, красив. Ты спас мне жизнь. Ты мне помогал, хотя наш договор так далеко не распространялся. Ты позаботился о Малыше. Любая на моем месте влюбилась бы. Но в это... вечное чувство мне поверить трудно. Всего полгода знакомства и...

Юд серьезно кивнул и медленно проговорил:

— Понимаю. Я сам сначала не верил. В первое время ты меня забавляла. Такая милая непосредственность и весьма удобная договоренность, что скрывать. Мой отчим... настойчив. Я не могу назвать его плохим представителем людского рода, но и качеств благородного человека в нем немного. Мама просила дать обещание — я его дал: поклялся относиться к Умару как к отцу, слушаться его и

проявлять уважение. Так с тех пор и делаю. Формально. Скоро я достигну возраста магического совершеннолетия и буду сам принимать решения. Тогда... впрочем, об этом потом. Мне было с тобой интересно, Ада. Девочка-несведка, смело идущая к цели, несмотря на кучу проблем, смешная и серьезная одновременно. В моем мире за пределами Академии все на тот момент являлось слишком сложным и невеселым. Рядом с тобой я отдыхал душой. Потом наше общение перестало казаться забавным развлечением. Все переплелось. И в какой-то момент я вдруг понял, что не могу представить свой мир, свою жизнь без тебя.

Я всматривалась в лицо Юджина. Сомнения. Да, они есть. Мне обещают любовь до гроба. Девочке, не раз преданной близкими, трудно вновь поверить в сказку.

Вместо ответа я прижалась к груди демона, почувствовала, как расслабились его напряженные плечи.

— Полгода знакомства — это целая вечность, в каждую секунду которой что-нибудь происходило, — прошептал Юд. — Ты должна знать еще кое-что: наши судьбы переплетены. Двигаясь параллельно, мы вот-вот придем к одной цели. Я тебя не обманываю. У меня нет чувств к той девушке, мы не близки, она — мое задание, оно связано с Галадой. Верховная ведьма — моя истинная цель, мой враг номер один. Я все расскажу. Но сейчас твоя очередь признаваться: зачем ты осталась в доме Громовых? От твоего ответа зависит очень многое.

— Потому что у меня тоже все переплелось, — выдохнула я, окончательно поверив. Мне вспомнился тот взгляд, которым Юд проводил леди Гэл в день моего злополучного полета на зачарованном помеле. Да, то была ненависть, я не ошиблась. — Меня выманили из Академии, где я находилась под защитой. Сначала покушение бестии, затем взбесившаяся метла. Это Галада, я уверена. В Академии есть ее шпионы, один из них Томный Берти, ты сам слышал. Галада не дает мне подпитываться от магии Громовых, она постоянно за мной наблюдает. Ей что-то нужно от меня, и я даже предполагаю, что.

— Что? — нахмурившись, эхом повторил Юд.

— Ты не поверишь. Я сама с трудом в это верю. Но чем дальше, тем больше убеждаюсь, что мои предположения могут оказаться правильными. Помнишь, я работала у нашего декана?

— Наш декан, — пробормотал Юджин. — Он опекун юных Даркроузов, тех самых. Еще одно совпадение.

— Ты знаешь о Даркроузах? — изумилась я.

— Говорю же, все сплетено в тугой узел. Знать бы, за какую ниточку потянуть. Впрочем, я уверен, что имеется ключ-разгадка.

— Только пообещай, что никому не расскажешь, — попросила я.
— Я боюсь. Во-первых, это не только моя тайна, во-вторых, нас реально могут отправить в какую-нибудь лабораторию для опытов.

— *Вас?* Обещаю, — лоб Юда прочертила глубокая морщина. — Я обещаю тебе свою защиту. И всем, о ком ты заботишься. Я давно сам себе в этом поклялся.

— Тогда я расскажу... Ай!

Это Малыш, пробегая мимо, игриво задел меня бочком. Кот пронесся по лужайке, залег под кустом сирени, а затем подпрыгнул на, казалось бы, нереальную высоту и щелкнул зубами у чучела беса. Соломенная фигурка взмыла вверх и принялась дразниться. Малыш рассвирепел и огласил окрестности оглушительным утробным рычанием.

— Сбежал? — засмеялся Юд. — Ему нельзя здесь быть, магистр попросил не выпускать фамильяров. Отведу Малыша в твою комнату.

Демон жестом подозвал кота. Тот с недовольством подчинился. Я азартно впила пальцами в шерсть пушистика, принялась поглаживать мордочку у ушей. Малыш громко заурчал, подставляя подбородок.

— Хорошо, — согласилась я. И обратилась к дебордеру: — Подождешь? Мы не долго, только договорим. А потом полетим с тобой в другое место. Это тоже временно. Скоро все устаканится, обещаю.

Малыш со вздохом согласился в том смысле, что привык ждать. Бедный, одинокий котик. Лишь одно ему осталось развлечение — гонять бесов и наглых летучих мышей. Но это тоже не забава, а почти работа. Особенно в отношении писклявых крылатых тварей.

Я осталась на лужайке, наблюдая за движением теней в окнах зала. Все это время я ужасно тосковала по Юду. Может, это и есть любовь? Не знаю. Мне не с кем посоветоваться. Еще одно сожаление: будь моя мама рядом, я могла бы спросить у нее, ведь так дочери и делают. Наверное, поэтому я выросла такой... холодной. Все свои

сердечные порывы я всегда гасила. Это был страх, я боялась потерять контроль над своими эмоциями, а значит, самообладанием.

От размышлений меня отвлекли чьи-то голоса. Кто-то разговаривал невдалеке, мужчина и женщина, и, судя по интонациям, это был неприятный разговор. Я отошла за деревья и вгляделась в две фигуры под дубом. Видно было плохо, но я узнала Аровскую и (помяни к ночи) Берти Либериуса.

Любопытство, разумеется, победило. Я начала подкрадываться за кустами и вскоре могла услышать, о чем говорили сирена и преподаватель.

... Мне не показалось: разговор происходил на повышенных тонах. Аровская сверкала глазами, прямая как жердь, в своем иллюзорном облике. Видно было, что она едва сдерживается. Чтобы... не рассмеяться?

Томный Берти нервно расхаживал взад-вперед по лужайке. Я застала тот момент, когда в воздухе повисло напряженное молчание.

— Вот и объясните мне, — продолжая разговор, визгливо произнес Либериус. — Что, бес возьми, происходит?

— О чем вы? — холодно поинтересовалась сирена.

— О, вы прекрасно знаете, о чем! Я был зачарован, но все помню!

— Что?

— Все! — Берти вцепился аккуратный локон над ухом и принялся его теребить. Как девица, ей-богу. — Как вам удалось меня приворожить? Меня! Лучшего выпускника Высшей школы технической магии! Я даже амулет купил! Я! Лучший выпускник Высшей школы технической магии опустил до придонной магии! Вот до чего вы меня довели!

— Помогает? Амулет.

— Нет! Я требую объяснений!

— Я тоже. Вы, мягко говоря, достали меня своими... ухаживаниями. Что касается чар, в Академии действуют строгие правила, здесь запрещены привороты, — сирена недобро улыбнулась. — Используй я приворот, меня бы давно отследили Хранители.

— Возможно! Значит, это был морок! Вы применили морок!

— В Академии нельзя находиться в иллюзорном облике, Источник не питает обманные чары, вы сами это знаете, Бертолий. Я

бы полностью истощилась.

Аровская казалась спокойной. А вот я занервничала. Мои проказы усложнили жизнь сирены, и ей теперь приходится разруливать неприятную ситуацию, оправдываться перед Томным Берти. Видит Глубина, я этого не хотела.

— Я не знаю, как вы там это делаете, — раздраженно воскликнул Либериус, — но я вас видел! Другой!

— И как же я, другая, выглядела?

— Иначе! Я не помню! И прекратите... подтрунивать! Я пожалуюсь на вас в Управление по магическому контролю! Я все время думаю о вас! Уже месяц! Не могу ничего с этим поделать! Это... это запретное волшебство!

— Я не применяю запретные чары. Я преподаватель Академии. А вот вы уже месяц меня преследуете.

— Я? Вас? Я просто пытаюсь выяснить, чем вы меня... приманиваете! Вы же отказываетесь объяснять! Ведете себя так, словно я сам виноват! А ведь на деле... Простите, конечно, но буду откровенен: вы мне неприятны! В связи с сим фактом моя... одержимость вами совершенно... противоестественна! Это бес знает что! Вы совершенно непривлекательны! Сущее наказание для взгляда эстета! Видеть вас каждый день — пытка для моего чувства прекрасного! Я привык к окружению женщин если не красивых, то... милых, а вы...

Аровская наклонила голову, оценивающе рассматривая возмущенного преподавателя. Откровения Берти ее, понятное дело, не задевали. Однако на ее месте я бы влепила Либериусу пощечину. В педагогических целях, исключительно в педагогических.

На мое плечо легла рука — я вздрогнула, обернулась и растерянно поздоровалась с мастером Дебрисом.

— Ада! Наконец-то. Я везде вас ищу... А что вы здесь делаете? В кустах, — декана проследил за моим взглядом и увидел Аровскую и Либериуса. Лицо Дебриса напряглось, брови поползли к переносице. — Минутку, Ада, я сейчас. Никуда не уходите.

Декан двинулся к дубу. И именно в этот момент Берти с пафосом воскликнул:

— На что вы рассчитывали, мадам? На то, что я не смогу отличить истинные чувства от извращенной магии? Стыдитесь! Не

смогли обаять меня своими... неоднозначными прелестями и пошли на магическое преступление? Да-да, именно на преступление! Ибо я полагаю противоправным деянием привлечение мужчины, который даже не смотрит в вашу сторону!

— Берти, немедленно извинитесь перед мистресс Аровской, — потребовал эффектно появившийся «на сцене» Дебрис. — Кто дал вам право оскорблять девушку?

Я затаила дыхание. Сирена нахмурилась.

— Девушку? — взвился Либериус. — Эта так называемая девушка пыталась меня приворожить!

— Вас? — брезгливым тоном осведомился декан. — Клянусь, вы ошибаетесь, Берти. Я слежу за вами почти месяц. Вы проходу не даете мистресс Аровской. Ей часто приходится спасаться от вас бегством, и это мало похоже на целевой приворот. К тому же до того случая... до ваших откровенных приставаний мистресс Инга тоже не особо вас жаловала.

— Вы дурак, Авар?! — разгоряченно воскликнул Берти. — Эта старая швабра меня хочет! Вкус у нее недурной, надо признать. Однако использовать морок для привлечения понравившегося мужчины — это...

Мастер Авар отправил Либериуса в нокаут быстрым и точным хуком правой. Как и следовало ожидать, щуплый Берти выключился с одного удара. Он залег в травку, томный как никогда.

— Авар! Как же необдуманно! — возмущенно воскликнула Аровская, бросаясь к Либериусу. — Живой. Аура в норме. Отлежится и побежит на вас жаловаться. Ох, мастер Дебрис, ну зачем?!

— Простите, Инга, — устало проговорил декан. — Я не мог это больше слушать. Берти меня утомил. А вас оскорбил.

— Я в курсе! Его оскорбления меня совершенно не задели. Кто ВАС просил вмешиваться? Вы все испортили, Авар! Я хотела сама поставить наглеца на место!

— Как? — декан с ироничным любопытством поднял брови.

— Ну не знаю... спровоцировать на определенные действия и подать жалобу за аморальное поведение. У меня и свидетель есть, — мистресс Инга указала за спину, прямо на меня.

Я ойкнула и зарылась поглубже в кусты.

— Но ведь так намного лучше? — проникновенно произнес Дебрис, любуясь на тихого Берти в траве.

— Не буду спорить, — сирена встала с колен и недовольно поджала губы. — Однако вы же знаете Бертолия. Он вам теперь покоя не даст.

— Да пустяки. Нам всем скоро покоя не дадут. Инга, а как насчет бокала сидра? Я прочитал любезно предоставленные вами наброски монографии и хотел бы обсудить несколько спорных пунктов.

— Вы нашли спорные пункты в моей монографии, Авар? Это совершенно невозможно. Я предпочитаю грушевый эль. Но как же Берти? Ночи холодные, он простудится. К списку ваших проступков добавится еще один.

— Действительно, — пробормотал Дебрис. Повертел головой и радостно воскликнул: — Тенет, Крофф! Как же я рад вас видеть! А подите-ка сюда!

Необдуманно показавшиеся на тропинке Арчи и Шан испуганно шарахнулись. Медленно двинулись к дубу, с подозрением вглядываясь в оживленное лицо декана.

— побыстрее, — велел мастер Авар. — Мистер Крофф, вы ведь светлый. Обеспечьте мастеру Либериусу теплое ложе до утра.

— Он жив? — Шан осторожно приблизился к нокаутированному преподу. — Жив. Какая досада.

— Считайте, я этого не слышал.

— А что, собственно...? — начал Тенет.

— А вы, Арчибальд, помогите другу, — приказал декан.

— Как? Я темный.

— Советом, — отрезал мастер Авар. — И принесите мне, наконец, ваш бесов отчет! Второй триместр начался, а я до сих пор не видел проект по летней практике!

Преподаватели неспешно удалились в сторону зала. Крофф принялся колдовать, приподнимая Либериуса на импровизированном ложе из мягкой травки. Я выбралась из кустов, радостно поприветствовала приятелей и в двух словах описала ситуацию.

— Милосердная Глубина, — пробормотал Тенет. — Что творится? Конец света. Преподаватели дерутся, общежитие опечатано.

— Как опечатано? — похолодела я.

— Опечатано, — раздалось сзади.

Юджин вернулся с Малышом. Кот был несказанно доволен, демон хмурился.

— Там какой-то чувак. Говорит, что идет проверка. Вроде в Академию был направлен запрет на проведение открытых мероприятий, а Серениус все равно объявил бал.

— Какая чушь! — возмутилась я, лихорадочно припоминая путь на бал. — Мы видели курьера! Мы с ним едва не столкнулись. Он явился, когда Имболк был в самом разгаре, с прежним разрешением из министерства!

— Так обычно и делается, — озабоченно пояснил Тенет. — Мол, над городом из-за праздника затруднено движение. Или приводится какая-нибудь иная, не менее нелепая причина. В результате — нарушение и запрет. Никому не интересно, когда именно курьер доставил предписание.

Мы дружно посмотрели на окна зала. Музыка стихла, наступила тишина. В ней неразборчиво прозвучал голос ректора. Нам не нужно было различать слова. Мы ясно поняли: Министерство закрывает Академию.

Над головами Юда, Шана и Арчи запорхали бирюзовые сгустки магии. Крофф подставил руку под почтовую завитушку, развернул послание и убитым голосом прочитал:

— Извещение. Я должен в течение семи часов покинуть Академию и вернуться под опеку семьи.

— У меня то же самое, — коротко сообщил Тенет.

Юд от послания отмахнулся. Его взгляд был устремлен на меня.

— Мне ничего не прислали. И это меня тревожит, — кивнула я, оглядываясь.

Внезапно вокруг закружились травинки и лепестки с цветущей сирени. Совсем рядом на тропинке разворачивалась огромная вертикальная воронка. Меня с невообразимой силой потянуло в центр водоворота, каблуки заскрипели о камни под ногами, поднявшийся вихрь сорвал шарф с шеи.

— Это таргет-портал! Отойди от него! Дай руку! Ада! — крикнул Юд.

Я потянулась к демону, но схватить его за руку не успела. Последнее, что я увидела на лужайке — напряженные лица друзей и удивленную мордочку Малыша.

Несколько секунд невесомости — и меня выкинуло перед дверью дома Громовых. Вихрь стих, травинки с лужайки дождем осыпались на порог.

Я чуть не скатилась по лестнице. Меня поймал Илья. Он поднял мой клатч со ступенек и подал его мне.

— Спасибо, — подавленно пробормотала я. — Бесов портал.

— За вами послал отец, — пояснил Илья. — Мы вас искали. И нашли.

— Я ... гуляла.

— Понятно, — парень кивнул. Он не спешил отдавать мне клатч, а только положил ладонь на массивную ручку двери.

Сквозь стеклянные двери особняка виднелись три тени. Меня ждали.

... Я вошла. Мы с отцом сразу встретились взглядами. У Громова дергалась скула. Галада нервно облизывала губы.

К сожалению, третьим человеком в холле оказался худощавый визард в форменной мантии Министерства. Я повертела головой. Бабули нигде не было. Лишь сверху выглядывали между перилами встревоженные Ржанка, Сливка и Пшенка. Я ничем не выдавала, что вижу домовушек.

— Ада, — с раздраженными нотками в голосе произнес отец, — о твоём сегодняшнем проступке мы поговорим позже. Сейчас с тобой хочет побеседовать помощник министра мастер Пустулус. Ответь на его вопросы и избежишь наказания.

Худощавый мужчина шагнул вперед и учтиво поклонился:

— Госпожа Громова...

— Я Бартеньева.

Пустулус растерянно оглянулся на отца, тот кивнул и слегка развел руками: не обращайтесь внимания, трудный ребенок.

— Так вот, м-м-м... госпожа визарда. Как вам, возможно, известно, что сегодня вечером приказом Министерства магического образования Академия Баланса...

— Мне известно.

— Что? Да, конечно. Ведь вы там были... Так вот, Академия временно распущена до дальнейших указаний... — мужчина многозначительно поднял палец вверх.

— Ах, временно? Вот как, — кивнула я, сжимая пальцы в кулаки.

Спокойно, Ада. Контролируй себя. Не обращай внимания на холод, растекающийся по позвоночнику. И не вздумай нырять.

— Совершенно верно, — помощник министра ничего особенного в моем голосе не заметил, даже обрадовался, что его глупые объяснения воспринимаются с интересом. — При всем уважении к магистру Серениусу... — Пустулус прокашлялся. — Нам стало известно, что во вверенном ему учебном заведении ректор Академии потакал беспрепятственному разгулу регрессивных течений и веяний. Мы в Министерстве не раз обращались к Хранителям с просьбой пересмотреть...

— Что вам нужно от меня? — громко спросила я.

— Свидетельства. Любые свидетельства, подтверждающие, что в стенах учебного заведения магистр Серениус и магистр Кревий насаждали мракобесие и использовали студентов-старокровок, самый ценный ресурс государства, в целях...

— Вон, — негромко произнесла я.

Пустулус озадаченно замолчал.

— Вон! — повторила я громче.

— Ада! — протестующе воскликнул отец. — Что ты себе...?

Громов осекся и посмотрел вверх. Галада же с самого начала нашего разговора с Пустулусом не сводила с меня глаз. От нее наверняка не укрылись ни мои посиневшие пальцы, ни корочка льда под каблуками, ни пар изо рта. Каков пропускной предел энергетических каналов мага-первокурсника? Точную цифру я не помнила, могла лишь сказать – небольшой.

Я *пыталась* контролировать Глубину, но не могла. Не я погружалась – холод с нижних уровней сам поднимался по моим внутренним каналам. Я чувствовала, как они расширяются и наполняются ледяной энергией. И не могла это остановить.

— Это что еще такое? — проговорил Пустулус. — Это... зачем?

Покрылся ледяными узорами лаковый паркет, мелко затряслась и зазвенела хрустальными подвесками люстра.

— Прекратите колдовать, юная визарда! Вы не можете пользоваться полномасштабными заклинаниями, будучи магически несовершеннолетней! — визгливо выкрикнул помощник министра, пятась к входу.

— Приношу свои извинения, — процедила я сквозь зубы, — все время забываю, что я тут у вас пока ребенок. Но я не ребенок. Как вы только подумать могли, что я буду доносить на магистра Серениуса?! Академия Баланса – лучшее место в мире! Во всех мирах! И это место дружбы и знаний!

— Вы слышали, Громов?! — заверещал Пустулус. — И вы еще пытались защищать старого маразматика Серениуса! Только поглядите, что он вбил в головы своим студентам!

Пол ощутимо дрогнул, вылетели стекла из окна. В холл вливался влажный вечерний воздух, снаружи шел дождь. Влага немедленно конденсировалась и замерзала, не осыпаясь, а паря над нашими головами. Это было красиво... и ужасно страшно. И самым жутким было то, что мне *нравилось* творить морозное волшебство. Энергия требовала выхода, мои каналы вибрировали от количества силы. И еще: у меня закончились приличные слова и осталась лишь неприличная магия.

Громов попытался подойти, его смело вихрем из ледяных игл. Несколько штук оцарапали ему лицо.

— Ада! — встревоженно крикнул отец. — Не смей! Не делай этого! Выныривай! Ты не готова! Тебе разорвет каналы!

Позади него уже ходила ходуном лестница, из нее выпало несколько тяжелых балясин. Пустулус вскрикнул и, повоевав с ручкой двери, вылетел из дома. Домовушки с визгом бросились врассыпную.

— Не подходи! — крикнула я Илье. Мне показалось, что парень сделал ко мне шаг.

Илья покачал головой. Он держался ближе к входу. В глазах его было... предупреждение?

Энергия выплескивалась крупными холодными сгустками. Только я начинала думать, что сейчас все закончится – происходил новый выплеск. Отец все еще пытался подойти, но его каждый раз отбрасывало.

— Ада! Ты навредишь самой себе!

— Со мной все в порядке! — солгала я. Руки налились тяжестью, болела спина. — А вы... вы закрыли Академию! Вы выгоняете светлых! Вы нарушили баланс! И вы меня просто... ДОСТАЛИ! Я больше не буду терпеть!

— Ты можешь убить себя, дурочка! — в отчаянье произнес Громов.

Посреди хаоса раздался глухой смех. Это смеялась Галада. Она стояла посреди разгрома, выпрямившись, словно происходящее вокруг нее не касалось.

— Это ты дурак, мой дорогой, — Верховная ведьма тряхнула головой. Из ее волос посыпались осколки стекла. — Ничего с ней не случится. Вот, смотри! Махирах!

Галада сплела пальцы и соединила запястья, воткнув в кожу руки ведьминский коготь. И выпустив тем самым в мою сторону незнакомое заклинание. И хотя время замедлилось, я не понимала, что происходит, лишь увидела метнувшихся ко мне серых тварей с ледяными иглами вместо шерсти.

Глава 7. Ведьма на свободе

Конечно, я среагировала, как надо. Как надо было Галаде. И только когда горячий поток спалил первый клубок из глубинных бесов, поняла, что натворила. Выдала себя, окончательно и бесповоротно.

Остановиться я уже не могла: верховная ведьма не собиралась упрощать мне задачу — бесы наступали. Хорошо, что в процессе обучения в Академии я так и не прониклась всеми этими ограничениями в плане ширины, гибкости, проходимости и емкости каналов. С точки зрения магической физиологии я должна была погибнуть в тот же момент, когда пустила через свою энергетическую систему жар вдогонку холоду.

Что-то неистово кричал отец, Галада сосредоточенно колдовала. Чтобы не подпустить ко мне Громова и Илью (впрочем, молодой человек и не пытался помочь, а просто стоял и смотрел), колдовка очертила вокруг меня ведьмин круг. Закончив сражаться с бесами, уничтожив всю стаю, я просто выжгла в круге проход и шагнула наружу.

И осознала, что больше не могу построить даже легчайший пасс. Мой резерв был пуст. Мои резервы, если точнее выразиться, — и холодный, и горячий. Судя по взгляду, Галада об этом знала. Опытная ведьма вполне могла на глаз определить расход силы. Это как в перестрелке: враги считают, сколько патронов потрачено, и знают,

когда ты станешь безоружен. Я мрачно уставилась на ведьму, прикидывая ее дальнейшие действия.

Сначала Громов подскочил ко мне, убедился, что я в порядке, и ринулся к любовнице. Так тряхнул ее за плечи, что она явственно щелкнула зубами.

— Ты сошла с ума? Ада могла погибнуть!

— Дурак! — с презрением повторила колдовка, высвобождаясь.

— Ты ничего не знаешь о своей драгоценной дочери. А она действительно драгоценна. Она Инфинум.

— Что ты несешь?

— Она инфинум, о которых говорил Филентьев.

— Филентьев был старым, спятившим...

— Ты только что собственными глазами видел, как твоя дочь меняла температуру потоков. И ничего с ней не случилось. Обычный визард на такое способен? А ее рождение? А позднее пробуждение? Филентьев предсказал, что у инфинумов потоки формируются не так, как у обычных магов.

Отец медленно обернулся ко мне, затем перевел взгляд на кучки пепла у моих ног — все, что осталось от крысоподобных бесов. На лице Громова проступило понимание.

— Прости, Алекс. Все было под контролем. Я знала, что Ада устоит. Если бы что-то пошло не так, я бы немедленно отозвала бесов, — изобразив раскаяние, произнесла Галада.

Я лишь громко фыркнула. Как же быстро ведьма сменила тактику! И отец опять попался.

Громов смотрел на меня задумчиво. Мне показалось, я воочию вижу, как разворачивается в его глазах мысль, как оцениваются перспективы, взвешиваются за и против.

— Я вам не мешаю? — поинтересовалась я.

— Ада, как давно...?

— Пап, не верь ей, — устало проговорила я.

— Не верить тому, что ты инфинум? Тогда как ты объяснишь горячие потоки?

Я хмуро посмотрела исподлобья. Никак. Никак не объясню. Я такая, какая есть. И теперь все об этом узнают. Ада Бартеньева — инфинум, тот, кто существует вопреки основному закону магии.

— Теперь ты понимаешь, как важен мой проект, Алекс, — настойчиво проговорила Галада. — Ада — универсальное оружие. Маги Глубины сражаются холодом и ограничены в выборе техник боя. Но твоя дочь...

— Мы вызовем экспертов, — решил отец. — У меня есть пара человек, которые не станут болтать. Святая Глубина, мне трудно поверить, но... это многое объясняет.

Галада посмотрела на меня с торжеством. Вновь задрожал на полу ведьмин круг — колдовка наполнила его природной магией. Той самой, которую мы так толком и не проходили. Толком — нет, а вот бестолково — да. Вот сейчас и выясним, насколько полезными были мои факультативы, например, метаморфозы.

Отец отошел к покореженной лестнице и вызвал кого-то по магической связи. Ему помогал Илья. Молодой человек то и дело поглядывал в мою сторону со странным выражением лица. Я так и не поняла, на чьей он стороне.

Вблизи стены ведьминогo круга имели поверхность, словно слепленную из кусочков льда или стекла. Я коснулась его пальцами, протопив крошечную «полынью», которая тут же затянулась.

— Это для твоего же блага, Ада, — произнесла Галада. — Ты сейчас не в себе и можешь наделать глупостей.

— Я в себе. Я сейчас в себе более чем когда-либо.

— Звучит двусмысленно, — колдовка растянула алые губы в улыбке.

— Ты знала. С самого начала знала.

— За тобой следили, — призналась Галада. — Отмечу, что ты ловко скрывала светлую ипостась. Даже твоя близкая подруга сомневалась.

— Велемира? Врешь!

Ведьма пожала плечами:

— У девочки куча братьев и сестер. Никому не нравится носить обноски и отдавать все самое вкусное малышам.

— Бесово мелководье, — пробормотала я, вспоминая жемчуг на платье Велемиры. — Зачарованная метла, бес-похититель — твоих рук дело? Не могла добраться до меня в Академии — выманила хитростью?

— Дорогая Ада, — улыбнулась ведьма. — То, что ты сейчас перечислила, — преступные деяния. За такое сажают в тюрьму.

— Это ты, — кивнула я. — Академия защищает своих студентов, а тебе нужно было меня спровоцировать.

— И ты отлично поддалась на провокацию. Но ведь мы все равно друзья? Не бойся, ничего плохого с тобой не случится. Даю слово. Алекс будет рядом, если не веришь. Поверь, он тебя очень любит, он готов на многое ради тебя. Вместе мы перевернем этот закоряченный мир.

Говори-говори. Наслаждайся триумфом. Ваш выход, профессор Элия Морфеус, преподаватель странного предмета под названием «Метаморфозы». Чему вы там нас учили? Природа — это баланс. Она не терпит пустоты.

Контур круга бешено поглощал холодную силу из элемента воздуха. Она стекала вниз, тяжелая, словно ртуть. Обычный маг бы этого не почувствовал, но я чувствовала. Вакуум силы тут же заполнялся теплыми потоками. Оставалось лишь подождать и позвать к выбитому окну мою любимую метлу.

Мне требовалось немного отвлечь Галаду, пока отец что-то нетерпеливо объяснял собеседникам на том конце магической связи. Хорошо, что объяснение затянулось. Наверху лестницы мелькнула крошечная фигурка Пшенки. Домовуша махнула мне рукой и изобразила целую пантомиму. При этом она указывала на портрет бабули.

Понятно. Кто-то из домовуш, Ржанка или Сливка, отправился за бабушкой. Стоило потянуть время. Я быстро перевела взгляд на Галаду, которая уже проявляла признаки нетерпения: поглядывала на отца, еще занятого разговором, и покусывала губы.

— А Света? — спросила я. — Она тоже твоя шпионка?

— Она просто обиженный ребенок, — рассеянно ответила ведьма.

— А Бертолий Либертус?

— Был влюблен в меня, по уши. Старокровка влюбился в придонную ведьму, смешно, правда? Но полезно. Нам нужен был свой человек в Академии.

— Он идиот. Это он заколдовал мою метлу? Нет, не он. Он сам был в шоке. Это Велемира, да?

— Иногда люди могут делать что-то, не подозревая об этом, — уклончиво сообщила Галада. — Мы, колдовки, не брезгуем никакими

сторонниками, а вот ты, Аделаида, такая юная, а уже нажила себе кучу врагов.

— И друзей.

— И где они сейчас, твои друзья? — колдовка удивленно подняла брови.

— Что здесь происходит?!

Голос бабули прозвучал громом с небес. Надежда Громова стояла наверху лестницы, держа Ржанку за лапку. Вокруг нее догорал контур портала.

— Бабушка! — заорала я. — Они хотят отдать меня магам!

— Надежда Александровна, только не переживайте, — примирительно проговорила Галада. — С вашим сердцем...

— Никто никуда тебя не отдаст, Ада. В Отделе по контролю над запрещенной магией переполох, — строго проговорила бабушка, обращаясь уже к отцу (колдовку она игнорировала). — Сын моей подруги Люсиль сказал нам по секрету, что это связано с нашей семьей. Более того, с моей внучкой.

— Мама, это долгий разговор, — Громов поморщился. — Давай обсудим это чуть позже.

— Нет, мы поговорим сейчас. От того, что я сейчас услышу, зависит, останетесь ли вы, ты и твоя подруга, в моем доме или пойдете вон. Я не позволю обижать Аду. Напомню, что я и так многое тебе позволяла. А также то, что по моему приказу этот дом в любой момент может стать весьма негостеприимным местом для тех, кого я, Надежда Громова, старший представитель рода, назову чужаками.

— Уверяю тебя, мама, Ада в полной безопасности, — отец раздраженно дернул плечом. — Не нужно патетики. Мы обнаружили некоторые аномалии в ее энергетическом...

— Бабуля, я инфинум! — громко сообщила я. — Они хотят использовать меня в своих грязных политических целях! Особенно она! — я ткнула пальцем в колдовку.

— Это правда? — бабушка посмотрела на Галаду.

— Надежда Александровна, — колдовка холодно улыбнулась. — Мне жаль, но вы уже ничего не сможете сделать. Ваша внучка — достояние магического сообщества. Сейчас сюда прилетят люди, которые...

— Помолчи минутку, милочка, — велела бабушка. Галада запнулась от неожиданности, а Надежда Громова спокойно обратилась ко мне: — Адочка, ты готова бежать?

— Да, ба.

— Тогда беги.

Пожилая женщина сотворила двойной пасс... и медленно сползла на пол. К ней устремились домовуши. Часть магии снесла верх ледяной стены, я расширила проход горячим потоком. Мне едва хватило на него сил: теплая магия собиралась в резерве куда медленнее, чем более привычная холодная. Вторая часть бабушкиного пасса заблокировала колдовку. Галада зашипела, как кошка, пытаясь сбросить ледяные путы. А я... я была уже у окна. Миниатюрная домовая метла послушно «паслась» у подоконника.

Я оглянулась, увидела Галаду, разрывающую магические оковы, и в следующее мгновение уже летела над домами. Сначала непонятно куда, лишь бы подальше от особняка Громовых, затем в направлении Академии.

Я приземлилась на Центральной улице, недалеко от фонтана с ангелочками. Моей целью был вход в Академию, с той стороны, где обитали в стенах горгульи. Город праздновал Имболк, и никому не было до меня никакого дела. Впрочем, некоторые прохожие все же оглядывались на девушку, не по погоде одетую в открытое вечернее платье. Как ни куталась я в шелковый палантин, холод, казалось, проникал к самому сердцу.

Мой резерв был почти пуст, но я больше думала о бабушке. Как она после такого мощного выплеска? Это правда, что у нее слабое сердце? Жаль, что наше общение началось только сегодня. Я бы многое хотела о ней узнать. Если Галада хоть чем-то навредит бабуле, я порву ведьму на части.

Я подняла голову и огляделась. Октоберон сиял огнями. Молодежь носилась над домами, символично рассыпая искры и поджигая чучела бесов. На меня сочувственно глядели ангелочки из фонтана. Один из них взмахнул пухлой ручкой. На плечи опустилось облако тепла, и я сразу же согрелась. Фонтан все еще питался теплой магией, сам, без помощи людей. Но как? Кажется, в прошлый раз я умудрилась каким-то образом подключить его к постоянному потоку.

— Спасибо, — кивнула я, шмыгнув носом. Ангелочки заулыбались.

Я же внезапно осознала всю степень свалившейся на голову неспрухи. Одна, без денег, без теплой одежды, вообще БЕЗ НИЧЕГО. Паника подступила к горлу.

Так, Ада, соберись. Все не так плохо. Ты уже получила помощь, хотя и маленькую, от бронзовых ангелов, и это символично. Будет что-нибудь еще, тебе обязательно помогут. Есть ведь Юд! И бабушка!

Резерв слегка пополнился. По крайней мере, сегодня ночью я не замерзну. Я двинулась в сторону Академии. А ведь меня наверняка уже ищут. И им нетрудно будет догадаться, куда я пойду.

Я колотила в дверь, стучала в серый камень, прикладывала к нему ухо и слышала, как течет сквозь стены холодная недружелюбная энергия. Академия была наглухо запечатана со всех сторон. Полный попадос. Самостоятельно сотворить портал в несвед-мир я не могла: во-первых, с трудом представляла себе механизм построения векторов, во-вторых, была слишком слаба. Да и куда мне идти в несвед-мире? Не домой же, где отец непременно меня найдет. Впрочем, есть одно место...

Рядом соткалось бирюзовое сияние портала, из него вышел Илья. Я шарахнулась, приготовившись бежать или отбиваться, но парень сказал:

— Я от Надежды Александровны. Она просила передать.

Илья протянул мне мой клатч. Я осторожно протянула руку, прислушиваясь к шуму улицы. Никто не бежал в переулок с криками: «Она здесь!», и никаких признаков таргет-портала, вытащившего меня с лужайки Академии, не наблюдалось.

— Ты один?

— Конечно. Вылетел сразу за тобой. Галада думает, что я подчинился ее приказу, — Илья усмехнулся. — Послушный Илюша.

Я заглянула в клатч. Носовой платок, расческа, мамин гримуар... что-то еще, блестящее, на самом дне.

— Я кое-что убрал – лишнее, — пояснил Илья.

— Постой, — до меня медленно дошло. — В клатче был жучок?

— Да. Теперь в нем все только полезное. Рекомендую воспользоваться одноразовым порталом. Это такой... шарик.

— Нашла.

Я извлекла нечто, похожее на скатанную в тугой комок фольгу.
— Поспеши, — Илья оглянулся за спину. — Теперь о тебе знают. Они в курсе, что ты инфинум.

— Вот же... бездна! — выпалила я.

— Тебе есть, куда идти? Убежище. Юд говорил, что-то есть.

— Да. Что нужно сделать?

— Ударь шариком о любую стену, представь место, в которое хочешь попасть, и входи. Двигайся быстро. У тебя всего пара секунд. Надежда Александровна просила передать, что скоро найдет тебя. Нужно только дожидаться, когда все немного стихнет. Твоя бабушка поставила на сумочку метку. Не потеряй клатч.

Я кивнула, размахнулась и кинула магический предмет в стену. То, что казалось фольгой, развернулось серебристыми пластинами, которые затем сложились в неровный прямоугольник.

— Спасибо! Слушай, а ты-то почему мне помогаешь? — крикнула я, входя в дверь.

Илья помедлил с ответом. Я услышала его на грани перехода:

— Потому что я такой же, как ты.

... Я с трудом устояла на ногах, каблуки провалились в слой прелой хвои. Холодный ветер ожег плечи. Я оказалась в дачном поселке «Клятово», вернее, рядом с ним, в Перпедыжах с ударением на вторую «е». Весело. Ну хоть не промахнулась.

Луна над лесом была сюрреалистично яркой, зато комары пищали вполне обыденно, и один воодушевленно цапнул меня за щеку. Это отрезвило. Я решительно направилась к темному дому. За спиной с легким треском тух бирюзовый портал. Я позвала за собой несколько искр, но они быстро рассеялись во тьме.

Что ж, по крайней мере, я сбежала. Надолго ли?

Илья. Что он сказал мне вслед? Его фразу можно трактовать по-разному. Например, «все мы немного с прибабахом». Или что он тоже инфинум, что нас много... ладно, подумаю об этом завтра. Если выживу.

О ключе я вспомнила, только когда вскарабкалась на крыльцо. В клатче перекачивалось много чего интересного, но ключа не было, он остался у дяди Пети. Ручка мягко повернулась... и ничего не

произошло. Конечно, существовали разные магические способы открыть дверь без ключа, но из-за истощения резерва к ним я решила прибегнуть в последнюю очередь.

Прокашлялась. Собралась с силами и жалобно попросила:

— Ну пожа-а-алуйста. Ты ведь не обычный дом, я знаю. Впусти меня. Тут холодно, и комары кусаются. Я вообще-то твоя хозяйка... нынешняя. У меня и документы есть... где-то.

Тишина. Ни скрипа, ни шороха. Дверь по-прежнему оставалась запертой. Если выжгу замок, есть риск, что упаду без сил. Но другого выхода нет. Снаружи замерзну куда быстрее, и остатки резерва уйдут на поддержание искры жизни.

Окно, конечно, портить не хотелось. Я как-то начала свыкаться с тем, что Дом – моя собственность, и сеять разруху желания не было. По крайней мере, дырка от замка будет не такой большой, как выбитое стекло. Грабителей и любителей пощекотать нервишки я не боялась. Меня больше страшило то, что смотрело на меня изнутри. Этот взгляд я почувствовала, еще когда мы побывали здесь с Юджином.

Я собрала те потоки, до которых смогла дотянуться, и сосредоточила их в запястьях. Странно, а ведь раньше я могла направлять силу только через коготь. Теперь же перегоняю ее в теле, куда захочу. Сразу стало теплее... но потом накатила дурнота.

— Тебе предлагали компромисс, — пробормотала я Дому, отходя подальше и направляя пальцы к замку. — Теперь не обижайся.

Сила загудела в руках... замок щелкнул. Дверь со скрипом приоткрылась. Вот как? Теперь я знаю, что Дом действительно меня слышит. И присматривается. И, кажется, готов вынести вердикт.

Место силы. Чьей? Кто жил здесь раньше? Та женщина, ведьма, по слова дяди Пети, была визардой или донницей? Мысли путались в усталой голове. Мне хотелось лишь поесть, прилечь и согреться.

Дом встретил меня темнотой и холодом. Ощущение взгляда усилилось.

Первым делом я отправилась на кухню. Включила газ, набрала воды в старую кастрюлю и уселась на стул. Когда вода согрелась и забулькала, стало немного теплее. Что дальше? Да, Дом стоит на источнике силы, но меня он встретил как чужака, а не друга. В прошлый раз я ощущала теплые и холодные уровни. Однако больше не

чувствую потоков, словно кто-то перекрыл вентиль. Мне здесь не рады.

Нужно встать и организовать ночлег. И сделать это не на кухне, где воняет баллонным газом и какой-то кислятиной. От одной мысли, что придется покинуть теплое насиженное место, я застонала. А еще каблук. Попыталась пройтись босиком по каменному полу – ноги еще больше заныли.

Доковыляла до лестницы, внимательно оглядывая углы. Нашла старый заплесневелый рюкзак, из которого дядя Петя в прошлый раз забрал консервы и сгущенку. Рюкзак оставило кто-то из любителей полазать по местам с недоброй славой. Факт, что этот некто так драпал, что бросил полезную вещь, конечно, настораживал, однако в рейтинге других моих забот сиротливо болтался где-то в конце списка.

Галада ищет инфинумов. Она и с отцом связалась не из-за великой любви. Нужен он ей очень, напыщенный индюк. Ей важны признание и гарантии для Ковена. Еще чуть-чуть – и светлых сделают изгоями. А затем обществу будет представлена новая раса. Визардов, которые не ограничены темным резервом и способны перемешивать уровни естественным образом, забирая часть теплых потоков. Как-то так, с вариациями, конечно.

Свитер! Я нашла в рюкзаке длинный шерстяной свитер, свалявшийся, но не отсыревший и почти чистый. Владелец заботливо уложил его в пакет. Дай бог тебе хорошей Глубины, добрый человек. Если бы ты еще оставил мне какие-нибудь кедосы... Кедров в рюкзаке не оказалось, зато нашлись новые носки в упаковке и тонкие резиновые галоши, из тех, что натягиваются прямо поверх обуви. Давно я так не радовалась носкам и галошам.

Со стоном стянула туфли и, почти мурлыча, засунула ноги в теплое. Галоши были размера на три больше моей ступни, и я запихнула в них валики из носков. Странное, должно быть, зрелище я представляла, девица в вечернем платье, с клатчем и в калошах. Даже то жутковатое, хтоническое, что обитало в доме, вроде как озадачилось и ослабило давление на психику. Но не надолго.

Я поднималась по лестнице, когда услышала *это* за спиной. Словно кто-то пробежался мимо на влажных лапках, с легким всхлипом и смешком. Я покрылась гусиной кожей. Идти наверх перехотелось.

Шагнула вниз:

— Кто здесь?

Засвистел старый медный чайник, в который я плеснула воды, намереваясь поужинать брикетом лапши. Чайник булькнул и затих. Когда я вошла в кухню, газ был выключен. И даже вентиль на баллоне был перекрыт. В доме я была не одна. Впрочем, особым открытием это не стало.

Я слегка дрожащими руками бодро распотрошила упаковку лапши быстрого приготовления (спасибо тебе и на том, дядя Петя) и громко сообщила *тому невидимому*, что находилось у меня за спиной:

— Значит так. Этот дом – мой. Это мой первый собственный дом! Моя недвижимость. И отказываться от нее я не стану ни при каких обстоятельствах. Точка. И мне неважно, что за хтонь тут обитает! Закон на моей стороне. Я вселяюсь. Решение окончательное и обжалованию не подлежит. Попробуете выжить – пеняйте на себя.

Дом ответил тишиной, но я поняла, что он принял вызов: по тихой дрожи под ногами, теням на стенах и распахнувшемуся настежь окну. Ох, ну и ночь мне предстоит!

Глава 8. Свободная ведьма!

Я поспешила закрыть окно. Рама сопротивлялась, снаружи тоже поднялся ветер. Ветви кряжистой яблони ворвались внутрь и царапали руки. Прикоснувшись к ним, я поняла: Юд был неправ. Когда-то жившая в доме ведьма не высасывала силу из окружающей природы, ей вполне хватало Розы потоков. Такими кривыми и неказистыми деревья сделались из-за ее горя. Ведьма страшно тосковала, и все живое вокруг пыталось ей помочь – ослабить силу боли. Что мучило визарду, понять я не смогла, лишь ощутила ее скорбь.

Отголоски чужих эмоций чуть не лишили меня решимости сражаться. Но сначала я совладала с рамой, затем, прихватив щербатую тарелку с лапшой (еще один свой трофей), отправилась в комнату с камином.

Я остро нуждалась в живом огне. Еще немного, и окончательно перейду с темной стороны на светлую.

К счастью, дядя Петя серьезно отнесся к своим обязанностям домоправителя. Чурбачки для растопки были аккуратно сложены возле камина, там же лежала внушительная коробка длинных спичек. Я и тут

справились: поставила домиком щепки и веточки, напихала внутрь бумаги из несостоявшегося ежедневника сбежавшего туриста (с одной только записью – «Он живой!») и разожгла огонь. Далее с грохотом (если живущее в доме слушало меня, то, должно быть, оглохло от скрежета) подвинула к камину два кресла.

Покопалась в золе и нашла уголек, вычертила аккуратный полукруг. Силы понемногу возвращались, и мне удалось слепить что-то вроде защитной стены вокруг камина и кресел. Вышло не то чтобы хорошо, но терпимо. Проблема заключалась в том, что теперь мне нельзя было спать, поддержание экрана требовало постоянного внимания.

В одно кресло я села, на другое положила уставшие ноги. Лапша быстрого приготовления не особо насытила, но перебила чувство голода. Я с грустью вспомнила угощение на балу во дворце. Вот бы его сейчас сюда, уж я бы по достоинству оценила и фруктовые канапе, и рисовые корзиночки с морепродуктами. Впрочем, когда огонь разгорелся, стало довольно уютно, и меня тут же потянуло в сон.

Пришлось занимать себя серьезными мыслями. Что случилось после того, как ведьма исчезла? Каким образом зло могло поселиться в доме, где жил в целом позитивный, хотя и горюющий визард? На уроках по метаморфозам Элия Морфеус внушала нам, что реальная бяка не может существовать без подпитки, что на самом деле она суть кластеры глубинных бесов, которые по какой-то причине нашли выход на поверхность. Им нужно за что-то держаться, чем-то питаться. Например, злостью людей, их греховными мыслями и плохими поступками.

Тогда получается, что все эти старые особняки, дома с привидениями, затаившиеся в ожидании своего часа, лишь выдумка? Нет. Зло может спать. А потом проснуться, зацепившись за что-то, что дало ему подпитку. Что дало подпитку кластеру, обитающему в Перпедыжах? Я? Вряд ли. Ну водятся у меня, конечно, всякие не очень приличные мыслишки, но не в такой же степени.

Как Зло вообще могло здесь зацепиться, на чистом потоке позитивной энергии? Обитавшая в доме визарда практиковала донные методы? Возможно, но маловероятно. Ну не чувствуя я здесь тьмы!

В желудке забурчало. Организм напомнил, что всякая растворимая хрень не только нехороша для здоровья, но еще и малопитательна.

Тем временем «представление» началось.

Шлеп-шлеп. Что-то невидимое прошествовало из коридора в гостиную через высокую арку.

Остановилось. Шлеп-шлеп-шлеп. На каменном полу отпечатались очертания маленьких ступней. Каждый новый шаг создавал светящийся зеленоватый след. К визуальным эффектам добавились обонятельные – откуда-то ощутимо потянуло гнилью.

Нечто стремительно рвануло к моему кругу. Я не выдержала: взвизгнула и вскочила. Подняла руки, машинально сложила пасс. Несколько секунд с бьющимся чуть ли не в горле сердцем напряженно вглядывалась и вслушивалась. Я сейчас и мышь отпугнуть не смогу. Знает ли об этом нечто со светящимися следами?

Шлеп-шлеп. Шаги удалились. Добавились аудио эффекты. Тихий угрожающий шепот, казалось, доносился из стен, хорошо, что слов было не разобрать. С одной стены с грохотом слетел гипсовый барельеф господина в причудливом парике с буклями. Осколки украшения разлетелись по гостиной. И наступило затишье.

Я бдительно проверила угольную линию, каждую секунду ожидая, что из темноты высунется нечто ужасное.

Но это ужасное всплыло традиционным путем: из коридора через арку. У меня создалось ощущение, что я попала в классический ужастик. Вот и тетка с длинными черными волосами, потемневшими завитками ногтей по три дюйма, босыми ступнями и, в целом, намеком на то, что недавно этот хоррор-персонаж покоился в земле и вылез оттуда по случаю, как говорится, других посмотреть и себя показать.

Явление плыло, словно его, утопленницу, несло течением. Нет, не утопленницу, повешенную – на шее болтался кусок гнилой веревки – но от этого картина более приятной не стала.

Мадам подплыла к кругу и выдала целый набор мимических пугательных услуг, от выпученных глаз до их отсутствия, с зашитыми суровой ниткой глазницами. Все это уже прошло как-то мимо меня, хотя будь я зрителем в первом ряду на премьере, охотно повизжала бы, рассыпая попкорн. А я глубоко задумалась и отстраненно наблюдала за ужимками призрака.

Уж слишком классическим получался ужастик, просто-таки слизанным с голливудских блокбастеров. Меня пугали старательно и при этом... неумело. И, повторюсь, никакого присутствия бесовского

кластера я не чувствовала. Не думаю, что его наличие прошло бы для меня незамеченным.

В общем, страх пропал. Появилось желание разобраться в происходящем. Я готова была поспорить на свои драгоценные галоши, что где-то в доме притаился некто, усердно присылающий мне мороки.

Гораздо больше меня напугало падение барельефа со стены. Полтергейсты, или шумные бесы, вообще явление неприятное. С другой стороны, будь они здесь, меня бы давно зашибло какой-нибудь чугунной сковородкой из утвари дяди Пети.

Я выжидательно уставилась на потустороннее явление за кругом. Однако дама-призрак не пыталась ни пересечь черту, ни сдвинуть с места какие-либо предметы. Покривлявшись, она поплыла по комнате без каких-либо порывов пошвырять в меня мебелью или поленьями. Так мы и провели время до рассвета: призрак в бесцельном мельтешении по гостиной, а я в кресле, мечтающая о ведерке солененького попкорна.

Кажется, я ненадолго задремала, а проснулась, когда за окнами начала разгораться заря. Ночь волнений закончилась. Дама, побледневшая и почти совсем не страшная, маячила у окна. Она помигала на прощанье и растворилась.

Я соорудила себе спальное место прямо в сдвинутых креслах, укрывшись пыльными бархатными чехлами. Как это дядя Петя не загнал их за бутылку? Ах да, он ведь боялся, что ведьма вернется. Правильно боялся. Она вернулась. И это я.

... Нет, все-таки отличная была идея – построить дом на розе потоков. Утром (довольно поздним – за окном вовсю грело солнышко) я чувствовала себя весьма неплохо, если не считать затекших ног и недовольно бурчащего желудка.

Обошла почти весь дом, даже заглянула на чердак, сумев пробраться мимо груды мусора. Ничего и никого. Впрочем, поиски привели к интересному открытию: в доме имелся подвал, и он был заперт. От массивной металлической двери тянуло странной магией, не светлой, но и не ярко выраженной темной. Где-то я уже с такой сталкивалась.

Я провела ревизию ящиков с мелочевкой, на кухне и в комодке на втором этаже, перекопала их содержимое, нашла массу полезных

вещей, от ржавых гвоздей до пожелтевших листков из книги «О вкусной и здоровой пище», но не ключ от подвала.

Однако место, где прятался таинственный режиссер «психического пфеномена», уже не было секретом. Я была полностью уверена, что злоумышленник заперся в подвале изнутри, сидит там и планирует новое представление.

Меня все же больше беспокоил другой момент, гораздо более прозаический. Нужно было во что-то переодеться и чем-нибудь подкрепить силы. Теперь я очень хорошо понимала Арчи, постоянно что-то жующего и литрами пьющего тонизирующий зеленый чай. Темная холодная магия – самая энергозатратная для ауры визарда. Недаром Галада ограничивала меня в еде и не давала подкрепить силы стряпней домовушек – ведьма ждала, когда я истощусь и прибегну к светлому чародейству.

Конечно, в поселке был магазин, но, оценив свой вид в потемневшем зеркале (свитер поверх вечернего платья и босоножки), я была вынуждена признать очевидное: я привлеку к себе не просто внимание, а ВНИМАНИЕ. В моей ситуации это было бы лишним. Я знала, что в несвед-мир не построишь таргет-портал и перемещение магическим «жучком» не отследишь, но есть ведь более банальные способы узнать, где я могу прятаться. Например, наведаться в деканат и просмотреть документы. Где-то в моем деле хранится мое заявление на выдачу бесплатного жилья.

Желудок бурчал, кожа покрылась пупырышками – аура медленно восстанавливалась, но я все равно начала мерзнуть от голода. Тогда я вышла и прогулялась по саду, под теплым весенним солнышком. В голове зрела решимость пройти хотя бы до дома дяди Пети. А пока... пока пришло время вспомнить одну очень интересную пару по метаморфозам. Полезный все-таки предмет оказался.

Старая яблоня откликнулась почти сразу же: среди слабеньких молодых листочков на ветке набухло несколько цветочных почек. Раскрылись нежно-розовые лепестки – вокруг них закружились ранние пчелки. И вот уже с десятков крошечных кисловатых яблочек осыпались в подол свитера. С каждым кусочком в меня вливалась энергия. И даже желудок не выказал недовольства от столь странной диеты. В яблоках были не только питательные вещества и витамины – в них была сила Источника, накопленная яблоней за многие годы.

Я поблагодарила дерево прикосновением. Подпитала его светлой магией, прогнала прочь ауру тоски и отчаяния. Осмотрела сад — оценила фронт работ. По крайней мере, скучать мне в доме не придется, заняться есть чем.

Я жевала яблочки и не замечала, что за мной наблюдают. Но потом дядя Петя вывалился из кустов и с благоговением пробормотал:
— Госпожа ведьма. Простите, что сразу не признал.

...Ситуация наладилась в том смысле, что дядя Петя притащил мне чайную заварку, сахар, пачку печенья с изюмом, пару котлет, хлеба и кринку парного молока. Молоко пришлось очень кстати. Я физически почувствовала, что с каждым глотком «белого золота» в меня вливаются силы. Теперь главное, чтобы ценный продукт животноводства не вступил в реакцию с не менее ценным, ранее употребленным продуктом садоводства.

— Ото ж... — умиленно бормотал дядя Петя, наблюдая за тем, как я опустошаю кринку, — ... ведьма как есть. В былые времена ваше племя по селам промышляло, самых жирных буренок насухо сдаивало. Да и сейчас... бывает.

— Это не мы, — оторвавшись от молока и вытерев белые «усы», сыто и благодушно сообщила я. — Это другие ведьмы... плохие, короче.

— Не вы, не вы, — покладисто закивал дядя Петя. — Кто ж спорит? А по поводу одёжи и пропитания что-то придумать нужно. Моя супруга, — мужичок поежился, — вряд ли вам, госпожа ведьма, с моей стороны материальную помощь одобрит, строгая она у меня. Скажу-ка я в поселке, что вы от хмыря своего сбёгли, в чем были, в том и сбёгли. С кем не бывает? Бабы пожалеют, поделятся, кто чем может.

— Ага, — сказала я, — хорошая легенда, жизненная. Только есть одна проблема. Мой хмырь... а вы его тут видели, со мной приезжал... если приедет и такое о себе услышит... честно говоря, сама не знаю, как отреагирует.

Дядя Петя, видимо, представил маскулиного Юда во всей его красе и погрустнел. Однако за первой идеей не замедлила явиться вторая, более удачная.

— А что если вам, госпожа ведьма, — мужчина деловито прокашлялся, — услуги свои ведьминские в поселке предложить?

— Это какие? — заинтересовалась я. — Отвораживать-привораживать не возьмусь, нам запрещено.

— Да нет, тут такое вряд ли попросят, в поселке семейные все, благополучные, шуры-муры крутить, попусту время тратить — это увольте, не по-нашенски, не по-перпедыжевски. А вот в других областях, — дядя Петя важно поднял вверх палец, — проблемы у всех найдутся.

Я задумалась. Если потихоньку начать работать...хм... по профессии, пользуясь небольшими своими новообретенными талантами, то, возможно, что-то и выгорит.

Выяснилось, что в своей ежедневной рутине (включающей традиционный утренний опохмел) дядя Петя много передвигался по дачному поселку. Он был в курсе всех бед и радостей дачного люда. И первой, о ком он вспомнил, была девушка по имени Алиса.

... Она пришла примерно через полчаса после ухода дяди Пети. Вздохнула на пороге и решительно вошла, удивленно оглядываясь. На вид ей было около тридцати. Я оценила и простые на вид брюки и рубашку из хорошего хлопка, и туфли без каблука, явно из дорогого каталога, и аккуратную стрижку с той самой «натуральной» небрежностью и идеальным блондом.

На меня Алиса посмотрела с вежливым безразличием. Это я тоже оценила. Люблю людей с хорошим воспитанием.

— Вот, — девушка протянула мне холщовую сумку. — Я хотела деньгами, дядя Петя сказал — вещами. Кажется, мы одного роста, но вы худее. Все почти новое. В последнее время я слишком увлеклась шоппингом, там на многих вещах бирки.

— И помогает? — вырвалось у меня.

— Нет, — губы Алисы искривила жесткая улыбка. — Ничто не помогает, даже шопоголизм и алкоголизм. Так странно. Я только подумала, что пора обращаться к... нетрадиционным методам, и тут появились вы.

— Давайте я переоденусь, — предложила я, со словами благодарности приняв пакет. — И вы мне все расскажете.

Я закрылась на кухне и выбрала из стопки действительно новых и качественных вещей джинсы и длинную рубашку. С чувством

облегчения провела рукой по мягкой ткани. Помощь пришла, откуда не ждали.

— А с вами что приключилось? — крикнула Алиса. — Простите, если лезу не в свое дело.

Сквозь полупрозрачное окошко на двери было видно, как она с интересом осматривает старинные напольные вазы в коридоре.

— Никаких проблем. Все просто. Отец женился на даме, с которой у нас разногласия в плане... аспектов метафизического характера. Конфликт разгорелся, мне пришлось срочно поменять место жительства. И вот я здесь – без одежды и денег. И вернуться за вещами пока не могу, папочка очень зол на меня... полагаю.

— Понятно, — отозвалась Алиса. — Я в студенческие годы много куролесила, один раз из дома сбежала. Сейчас вспоминаю – смешно, по сравнению с моими текущими проблемами.

— А вот с этого места поподробнее. Чаю?

... Чай я заварила в пузатом красном чайнике в крупный белый горох. Заварка была смешана с мятой. Печенье было недорогим, овсяным, но свежим и вкусным.

— Наконец-то я могу рассказать все и не бояться, что меня посчитают чокнутой, — тихо проговорила Алиса, едва прикоснувшись губами к краю чашки.

— Совершенно верно, — кивнула я.

И девушка начала свою историю.

Алиса родилась в обеспеченной семье. Это был как раз тот случай, когда интеллигентность прекрасно уживается с умением делать деньги на своих знаниях. Учеба в престижной школе, потом крупный вуз, любимая профессия. Алиса выбрала редкое по тем временам направление, медиа-дизайн, и тоже не прогадала. После вуза она работала исключительно на себя, ни от кого не зависела и не испытывала недостатка в предложениях от крупных компаний.

С созданием собственной семьи девушка не спешила. Родители ее не торопили, да и друзья поддерживали – прошли те времена, когда без мужа и детей и «чем раньше тем лучше» молодая женщина считалась ущербной. И все-таки ОН появился в ее жизни – спокойный уравновешенный Иван, любитель дайвинга и хорошего кофе. Предложение он сделал на Мальдивах, в чудесный вечер, под звук волн.

Алиса приняла и руку, и сердце, и кольцо. Ее любовь к Ивану была такой же ровной и неторопливой, как и его чувства, как и все в их жизни. Их обоих это вполне устраивало. Казалось бы, мечтать больше было не о чем.

Странности начались, когда молодые стали готовиться к свадьбе. Иван познакомил Алису со своей единственной близкой родственницей.

— Я знала, что у Вани есть родная сестра, — сказала Алиса, вертя в пальцах печенку. — Меня всегда удивляло, почему он не спешит нас знакомить. Но он оправдывался тем, что сестра — властный человек и любит контролировать его жизнь. У Вани были до меня серьезные отношения, и Анна их не одобряла. В конце концов, девушка просто собрала вещи, исчезла и больше не объявлялась. Ваня до сих пор считает, что там не обошлось без «задушевного» разговора будущих золовки и невестки.

Так, интересненько. Я сделала пометку на одном из оставшихся в блокноте незадачливого туриста листочке.

— Дело в том, что родители Вани умерли рано, — продолжила Алиса, — и Анна заменила ему мать. Но я все же настояла на своем. Потом долго Ваню ругала, — девушка слабо улыбнулась, — мол, зря тянул. Анна показалась мне прекрасным человеком. Она была очень мила, приветлива, постоянно говорила мне комплименты, временами мне даже становилось неловко. Мы вместе выбирали свадебное платье, а когда его привезли ко мне домой на примерку, Анна вручила мне свой свадебный подарок — огромное старинное зеркало с позолоченной рамой и инкрустацией самоцветами. Восемнадцатый век, кажется.

Сделала еще одну пометку. Зеркала. Мы проходили некоторые из их магических свойств. Но лишь некоторые. Я с тоской вспомнила Академию и друзей. Помощь Тенета и Кроффа сейчас бы оказалась неоценимой!

— Мне снится один и тот же сон... снился, до недавнего времени, — Алиса рефлексивно передернула плечами. — В нем я стояла перед тем самым зеркалом в свадебном платье, смотрела в него и ждала своего жениха... но не Ваню. Мне было страшно. Тот, кто должен был появиться из зеркала, пугал меня до икоты. Но я не могла уйти или проснуться — просто стояла и ждала, весь сон. До этого случая я не

верила в порчи, проклятия, привороты и отвороты. Но тут связала происходящее с подарком Анны. Я вернула ей зеркало. Аргументировала тем, что боюсь держать в доме столь ценную вещь. К моему удивлению, Анна восприняла это спокойно: забрала зеркало и сказала, что вернет его, когда мы обзаведемся собственной, а не съемной квартирой. Но сны продолжались даже после этого. Я ничего не говорила Ване. Он, конечно, заметил, что я стала нервной, но списал это на предсвадебные волнения. Я уехала на дачу, к родителям, сказала, что нуждаюсь в небольшой передышке от хлопот. Люблю Перпедыжи, здесь мне всегда хорошо... было... раньше. Так вот, Ада, несколько дней назад мой сон изменился. Я больше не стою перед зеркалом – я сижу на длинной скамье в странном мрачном зале среди других девушек в подвенечных платьях и под фатой. И все мы ждем своего жениха. Он вот-вот должен появиться.

— Жениха? Не женихов? — уточнила я.

— Одного на всех, — со вздохом уточнила Алиса. — Раньше я выматывалась от утомительного сновидения, но сейчас мне страшно по-настоящему. Я даже к бабке ходила, в поселок за рекой. Она восклила... и там все черное. Вот.

Девушка протянула мне застывшую парафиновую загогулину. Черную, с мутными разводами. Я повертела ее в руках. Парафин принял четкие очертание – когтистой лапы. От фигурки тянуло илом и стоячей водой. Скорее всего, заречная бабка была слабым магом, ее гадание указывало на колдовское происхождение снов Алисы.

— Алиса, что *именно* вы чувствуете? Попробуйте четче сформулировать свой страх.

— Я боюсь, что однажды не проснусь. Останусь в странном зале навсегда. Умру в этом мире и буду жить в том. И оно... приближается. Я все время испытываю чувство... безнадежности. Просто обреченно жду. Это совсем на меня не похоже. Я всегда борюсь, а тут... оно сильнее меня.

— Понятно, — я задумалась и сидела довольно долго, глядя на восковую фигурку в руке.

Жаль, что Алиса вернула зеркало. Непосредственное наличие «базы» колдовства – темного артефакта – очень упростило бы мне задачу. Впрочем, есть другие пути.

К счастью, после случая с магическим котелком, когда я попала в комнату к Светке, Шан почему-то уверовал, что я сомноходец — человек, который может свободно путешествовать во снах и воспоминаниях других людей. Крофф начал усиленно меня тренировать. Путешественник по воспоминаниям из меня вышел бестолковый: меня все время заносило куда-то «налево», в странные, но сильные мечты и фантазии (как вспомню эротическую выдумку своего соседа по этажу на тему русалок — так вздрогну). Зато я художественно научилась входить в чужие сны, с разрешения владельцев.

— Ваше свадебное платье на даче? — спросила я, выйдя из задумчивости.

— В городе. Но я могу позвонить Ване, он пришлет его курьером.

— Да, позвоните, пожалуйста. Платье должно быть здесь сегодня. Боюсь, у нас мало времени, возможно, лишь эта ночь.

Глава 9. Риск — благородное дело... но это не точно

Только когда Алиса ушла, я осознала, что взялась за дело, которое мне, возможно, не по зубам. Ну кто я по сути? Первокурсница-недоучка. Инфинум, который понятия не имеет, что ему делать с недавно обретенными способностями.

Если мои предположения подтвердятся, и все пойдет, как я рассчитываю, мне придется нырнуть на большую Глубину. К бесам и даже демонам. Зеркало — лишь первичный инструмент, артефакт, готовящий погружение. Алису долго «тренировали», заставляя стоять во сне перед артефактом и привыкать к воздействию темной магии, и теперь каждую ночь ее затягивает на самые нижние уровни. Седьмой поток, если не восьмой — неизведанная глубина. Долго Алиса не выдержит. Но выдержу ли я? Не слишком ли дорого обойдутся мне дизайнерские шмотки?

Солнце садилось. Я побродила по дому, поняла, что ходьба взад-вперед помогает сосредоточиться, и поднялась на второй этаж. Там принялась мерить шагами коридор. Я и думать забыла о призраках, но, как оказалось, они про меня не забыли. Длинноволосая барышня появилась на фоне окна и медленно двинулась ко мне по коридору. Ее грязные ступни почти касались пола, пальцы со скрюченными ногтями шевелились.

Фантомы и прочие эффектные порождения психической энергии – довольно сложная тема для изучения. У нас в Академии их проходят на третьем курсе. Но считается, что все эти сущности не способны причинить вред человеку, если их появление не сопровождается прорывом глубинных бесов. Такового я не наблюдала. И помнится, Юд сказал, что обычные призраки не способны причинить человеку физический вред. Это просто записи чужих эмоций.

Бр-р-р... весьма достоверная запись. Но, думаю, не эмоций, а когда-то увиденного фильма.

Подгнившая барышня медленно подплывала ко мне. Одновременно с ее передвижениями возобновились звуки шлепающих ног. Не хотелось атаковать даму теплым потоком – хотелось познакомиться с ее создателем. Ведь фантомы такой высокой степени детализации – редкий случай.

Я опять вернулась мыслями к предстоящему погружению на Глубину. Вот бы мне сейчас в руки хороший волном из библиотеки Академии! Или один из гримуаров студентов прошлых выпусков, пожертвованных их родственниками в коллекцию Хранителей. Многие темные студенты практиковали глубокие погружения. Считается, что без них великим магом не стать. Чужой опыт – великая вещь!

— Гримуар, — забормотала я прямо в синеватую физиономию призрака. — Мамин гримуар. Шанс, конечно, невелик. Но вдруг...

Вдруг она интересовалась магическими исследованиями! Отец говорил, она часто писала в гримуаре. Помня мою маму, могу сказать, что это уж точно не были кулинарные рецепты.

Призрак замер. Застыл полностью: лицо перестало гримасничать, волнующиеся на невидимом ветру клочья волос так и зависли над плечами. Я еще раз убедилась, что тот, кто управляет фантомом, не способен делать несколько дел одновременно, например, транслировать ужастик и обдумывать только что полученную информацию.

Я спокойно прошла фантом насквозь (он и вонять перестал, видимо, запах был одним из энергозатратных спецэффектов) и спустилась вниз. С трепетом вынула из клатча крошечный гримуар, построила деблокирующий пасс.

За мной по пятам спланировал на первый этаж и призрак. Фантом подплыл поближе и, вытянув шею, настороженно замер в нескольких

шагах от моего кресла.

На колени мне упал увесистый том. Я осторожно перевернула первый лист. Ничего. Пустота. Ни одной записи на форзаце, лишь загадочное «редкая птица» на корешке, и страницы словно склеены.

— Интересно? — буркнула я, обращаясь к фантому. — Мне тоже.

Что ж, я пробовала холодные пассы, теперь попробую теплые. На светлую магию книга отреагировала точно так же — никак. В комнате становилось темнее. Я заметила, что гримуар издает слабое свечение.

— Он так наполнен магией, — со вздохом поведала я призраку, чувствуя непреодолимое желание пожаловаться хоть кому-то... хоть чему-то, — что у меня зудят кончики пальцев. И никакого отклика. Что же это за волшебство?

Фантомная барышня явно заволновалась. Наверное, ей (а вернее, ее кукловоду) тоже хотелось заглянуть в гримуар. А еще я почувствовала, что кто-то стоит в коридоре, за аркой. И это уже точно кто-то, а не что-то. Я замерла, прислушиваясь. За окном шумели на ветру ветки яблонь, и я скорее ощущала чужое присутствие магически, чем слышала таинственного кукловода. На миг мне стало страшно. Но потом я успокоилась. До сих пор обитатель дома старательно меня из него выживал, но не пытался напасть или причинить вред. Не думаю, что он сменит тактику.

— Кхе-кхе, — я прокашлялась. — Извините, раз вы все равно спустились... то есть поднялись из подвала, заходите уже. Обсудим нашу ситуацию. Мне очень нужно спасти Алису. А это можно сделать, только поняв, что с ней происходит.

Загадочный субъект на уговоры не поддался. Просто «потушил» фантом, поняв, что его разоблачили. Зато я почувствовала движение магии, от двери к моему креслу. Я поставила защитный экран, еще когда ощутила присутствие чужака, но неизвестное волшебство просто прошло мой щит насквозь, я даже испугаться не успела.

Гримуар ожил, раскрылся на середине. Я с восторгом и волнением всмотрелась в разворот. На нем кто-то наклеил пожелтевшую ксерокопию старинной гравюры, изображавшей огромное, инкрустированное самоцветами зеркало, рогатого демона с одной стороны артефакта и вереницу одетых в красные сари и обвешенных золотыми украшениями девушек с другой. Красное сари — свадебное сари? Кажется, да.

Подписи к самой иллюстрации я прочитать не смогла – язык был мне незнаком. Но несколько рукописных строк ниже, похоже, были переводом комментариев.

— *Низший демон по имени Калмаши каждые несколько десятков лет заманивает на Глубину души тринадцати девушек, наделенных красотой, воспитанием, приятными манерами, чистоплотных, начитанных и работающих,* — с волнением прочитала я вслух. — *Он заключает с ними брак против их воли. Тела девушек пребывают на Поверхности на грани жизни и смерти, а их дух служит супругу у Дна. Срок служения жен демона не превышает пяти-шести лет – они умирают как в мире людей, так и в нижнем мире. Тут ниже дописано... «Примечание: если они в коме, их чаще всего просто отключают от системы жизнеобеспечения, смотри историю пяти коматозниц во Франции в тысяча девятьсот восемьдесят втором году».* Это почерк мамы... это ее почерк. Я его узнаю!

Я вскочила и выбежала в коридор, готовая лицом к лицу встретиться с таинственным помощником. Но там никого не было.

... По моей задумке, свадебное платье должно было сработать как своеобразный якорь. В маминых пометках под репродукцией было сказано, что демон Калмаши ставит на невестах метку в тот момент, когда они впервые отражаются в зеркале-артефакте, и снимает ее, когда они переходят из статуса претенденток в статус официальных невест. С чем-то подобным я сталкивалась сама, когда Галада натравила на меня беса. Проблема была в том, что душа Алисы была уже частично захвачена миром низших демонов. Она оставила в нем свое отражение.

К моему великому облегчению, мама упоминала и об этом. «*Маг, поставивший своей целью извлечение души из лап Калмаши, должен создать образ-слепок с его жертвы. Затем на жертву накидывается магический полог. Долго он не продержится, но на одно погружение хватить должно. Нужно совершить подмену, дожидаться, когда демон засвидетельствует присутствие тринадцатой невесты, и вынырнуть. Тогда Калмаши не сможет отыскать избранницу в несвед-мире. Зеркало нужно разбить, осколки отправить на Глубину*».

Со слепком и пологом я худо-бедно справлюсь. Знаний хватит впритык. А остальное... решим на месте. Лишь бы демон меня

«одобрил».

Я стояла перед зеркалом в доме Алисы и любовалась своим отражением. Платье пришлось немного утянуть на спине. В руках был листочек с памятками из маминого гримуара.

— Вам идет, — устало заметила Алиса, присев на край кресла.

— Красивый фасон, — согласилась я.

— Я не надену его больше. Никогда.

— И правильно, — одобрительно кивнула я. — Купите другое.

— Вы думаете... — девушка немного помолчала, — ... что все получится? Моя жизнь станет прежней, мы с Ваней сможем пожениться?

— Ваша жизнь никогда не будет прежней, — лучше уж честно сказать, чем скрывать. Я не посвящала Алису в подробности разделения миров на магические и немагические, скорее, манипулировала догадками, которые и так имеются у каждого несведа: «возможно, мифы и легенды — это не просто сказки» и «у каждого в жизни хоть раз случается что-то мистическое, чему не найти рационального объяснения». — Вы узнали о существовании иного измерения. Такое просто так из памяти не вычеркнешь.

— Что же мне делать? — тихо спросила Алиса.

— Радуйтесь. Думайте о тех людях, кто так и не получил помощи. Вам повезло больше. Когда все будет кончено, отправляйтесь в путешествие, куда-нибудь подальше. Никому особо не рассказывайте. У нас в стране не очень уютные психушки.

— Как мне вести себя с Анной?

— А вот с ней вам стоит вести себя... никак, — я хищно улыбнулась своему отражению в зеркале. — Скажу больше: постарайтесь сделать так, чтобы в ближайшие три недели ни ваш жених, ни вы не имели с ней никаких контактов. Остальное я беру на себя. Просто ничему не удивляйтесь. Не жалейте Анну. Она знала, на что шла, когда начала использовать зеркало.

— Но... зачем?

— Анна выглядит моложе своих лет? — предположила я.

— Намного. Я не поверила, когда Ваня сказал, что она на шестнадцать лет старше него. Ей никогда не дашь пятидесяти.

— Вот вам и ответ. А еще, возможно, она очень любит своего брата и считает, что ни одна девушка не сможет быть достойна статуса

его супруги. Вам нужно уехать.

— Я мечтала о некотором дауншифтинге, — задумчиво произнесла Алиса. — Снять дом на Бали, там живут мои однокурсники. Научиться серфить — всегда хотелось. Рисовать каляки-маляки маслом: небо, песок, море. Раньше друзья все время звали меня к себе в гости, потом перестали. Я слишком заработалась.

— Анна о них знает? О ваших друзьях на Бали?

— Нет, точно нет. Я даже Ване о них не рассказывала, просто забыла, если честно.

— Свяжитесь с ними, — посоветовала я. — И заодно закажите билеты на самолет. Если жених не сможет — летите одна.

— Он сможет, — убежденно сообщила Алиса. — Он фрилансер. А еще заядлый дайвер. Просто мы ждали медового месяца.

Чуть позже я заглянула в спальню девушки, та лежала на кровати и мирно посапывала. Вот и хорошо.

Приближалась полночь, время усиления темной магии. Спать не хотелось, от волнения меня бросало то в жар, то в холод. Стоя перед зеркалом, я слышала, как поскрипывает под ногами иней. Накинула фату...

... Я попала не в зал, который описывала Алиса, а внутрь круга из палаток, напоминающих вигвамы. Вокруг горели костры. Откуда-то доносились глухие удары барабанов и ржание лошадей. Над поляной светила яркая оранжевая луна. Похоже, я оказалась во сне о жизни американских индейцев. На мне было не свадебное платье, в котором я нырнула, а этническое одеяние: широкая юбка и грубая, но яркая блуза из замши, кожаные мокасины и широкополая шляпа, украшенная перьями.

Я запаниковала: в чей сон меня утащило? Но воровато оглянувшись, поняла, что не промахнулась. По левую и правую руку от меня сидели девушки примерно в таком же наряде, отличавшемся лишь цветом вышивки, украшавшей одежду. Вдоль ряда прогуливались низкорослые женщины в яркой одежде, с кривоватыми острыми рожками чуть выше лба. Асури, помощницы демона, вспомнила я.

Чуть дальше прямо на земле сидел целый оркестр — люди со свирелями и длинными барабанами. Нет, не люди. Один из них обернулся — я увидела волчью морду вместо лица. Шаманы. Именно

такими они предстают перед людьми во снах. Они сомноходцы. Вся их магия построена на путешествии во снах или трансе. И это очень опасно. Транс вообще штука коварная. Никогда не знаешь, на какие глубины тебя может унести.

Я тихонько обратилась к сидящей слева невесте:

— Где мы, не знаешь?

Ответа я не получила. Заглянув девушке под шляпу, я поняла, что она меня не слышала. Она находилась в трансе, как и другие невесты. Зазвучала музыка. Свирели хрипели, а ритм барабанов путал сознание. Я терпела, опасаясь строить вокруг защитный полог. Привлечь внимание шаманов я боялась гораздо больше, чем демона и его помощниц асури.

Выяснилось, что своим «концертом» музыканты встречали самого Калмаши. Он появился из одной из украшенных вышитыми лентами палаток. Это был невысокий и грузненький мужичок, гордо несущий впереди себя аккуратное брюшко. Он ни капли не был похож на свое величественное и жутковатое изображение в древнем волюме. Разве что клыки нелепо торчали из-под верхней губы. Впрочем, я не собиралась его недооценивать: раз это недоразумение с неправильным прикусом так долго продержалось вне поля зрения демоноборцев, потенциал у него немаленький.

Калмаши прошелся вдоль ряда невест, одобрительно кивая. Уф! Технически, после этого мне можно было бы покинуть «вечеринку», по-английски, не прощаясь.

Нам с Алисой повезло: мы поменялись местами как раз в ночь свадьбы. Будь на моем месте сама Алиса, после обряда ей намного сложнее было бы вырваться. Благодаря маминым подсказкам я могла бы всплыть в любой момент. Это прервало бы связь Алисы и демона, ведь Калмаши признал меня своей невестой. От своей метки я бы избавилась с помощью простой перестановки потоков (я изучила эту тему в библиотеке после случая с глубинной бестией).

Затем я по душам поговорила бы с Анной, уничтожила зеркало и навсегда закрыла одну из дверей, через которые демон не только чаровал женщин, но и вербовал себе помощников. Но я почему-то тянула. Если я уйду, что случится с остальными двенадцатью девушками? И ведь будут новые невесты.

Калмаши произнес приветственную речь. Мол, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались. И если кто-то имеет что-то сказать против ритуала, пусть говорит сейчас или замолчит навеки. Я оценила следование традициям, затем прокашлялась, подняла руку и выразилась в том смысле, что я, собственно говоря, как раз против:

— Простите, мне очень неловко прерывать церемонию, но позвольте усомниться в том, что ваши действия законны и...

Калмаши даже подпрыгнул. Казалось, демон несколько секунд не мог поверить ни своим длинным беличьим ушам с кисточками на концах, ни круглым и выпуклым, как крупные бусины, глазам. Он вгляделся под полы моей шляпы и мелко заморгал. Рассмотрел и нахмурился. Зато шаманы медлить не стали – начали приближаться со всех сторон, замыкая круг.

— Сюда ее! — Калмаши задумчиво щелкнул пальцами.

Асури-помощницы подхватили меня под руки и выволокли в центр поляны. Я не собиралась сопротивляться, но подкачивала теплую энергию в пальцы, готовясь всплыть в любой момент. Адекватный план, как вызволить девушек и самой зазря не пропасть, так и не пришел в голову. Поэтому я решила импровизировать.

— Говорит? — удивленно уточнил демон, потыкав в меня пальцем.

Асури растерянно развели мохнатыми лапами: как есть говорит, видать, ошибочка вышла, господин.

— Не помню такую. Кто привел? — поинтересовался Калмаши.

Помощницы принялись удивленно переглядываться и кивать друг на друга. Некоторые начали азартно скалиться и огрызаться. Темные, невежественные существа.

— Сама пришла, — пояснила я.

Калмаши заметно напрягся.

— Как-так «пришла»? У нас «сама ушла-пришла» не бывает! — с непередаваемым восточным акцентом сообщил он. — Что это тебе, цирк, что ли? Как чары сняла?

— Демоноборцы научили.

Калмаши нахмурился и сложил лапы на круглом животике:

— Ну, положим. А путь кто подсказал? Пути сюда никто не знает. Даже демоноборцы.

— Вы не поверите! — с чувством сообщила я. — И вы даже не представляете, насколько неправы.

— Говори... — демон сбился, — ... что-нибудь говори! Всё говори! Не мутит воду. Голову мне не морочь. Иначе шакалятам скормлю.

— Вот напрасно вы так, — попеняла я ушастику, — я ведь со всем уважением, одна пришла, пока с предупреждением... в устной форме. Ваша, с позволения сказать, церемония является незаконной. Более того, вы похитили и держите в неволе....

— Не... — сделав надлежащий вывод, Калмаши грустно помотал головой. — Не наша она. Я бы такую не выбрал. Съешьте ее!

— От имени магического сообщества выражаю протест против насильственного навязывания и противоправного ...! — успела прокричать я, увидев, что шаманы, оборотившиеся в волков, готовятся к прыжку.

— Стойте! Минуточку, — Калмаши поднял руку. Ласково поинтересовался: — От кого-чьего имени? Визарда? Академия Баланса?

— Ага. Отомстить за меня придет весь студенческий и преподавательский состав!

— Ешьте, — махнул лапкой демон.

... Я оказалась перед зеркалом в доме Алисы. В том же свадебном платье с фатой. Часы показывали второй час ночи – время на Глубине тянулось дольше.

Топнула ногой. Вот же досада! Теперь мне можно только надеяться, что этот хитрый, как лис-кумихо, демон поостережется проводить церемонию сегодня. Возможно, я выгадала несколько дней, даже недель.

Все, что я видела, – мастерски созданная иллюзия для девушек. На Глубине нет ни прерий, ни саванн. Если Калмаши хоть немного поверил в то, что о его деятельности известно в магическом сообществе, а я – в контакте с демоноборцами, хитрому демоняке потребуется время, чтобы создать новую иллюзию. Он ведь отлавливает людей в несвед-мире, а им нужно зацепиться разумом за узнаваемые вещи, иначе психика не выдержит. Или Калмаши просто любит земные пейзажи и интерьеры.

Ему нужна энергия. Он высасывает своих невест. Разумеется, никакого дворца с павлинами и фонтанами там и в помине нет – одна фантомность.

Подбадривая себя рассуждениями, я переоделась и пошла... на кухню. Там меня и застукала сонная Алиса.

— Простите, — виновато пробормотала я, чавкая. — После погружения у меня всегда страшный аппетит. Влезла в ваш холодильник, словно воришка.

— Угощайтесь, — засуежилась девушка, — вот... паштет, и сыр, и... давай я тебе кофе сварю.

... Я рассказала о своем погружении и добавила:

— Мне кажется, я узнала одну из девушек, ту, что сидела рядом. Теперь смогу проверить, сработала ли моя угроза. Если Калмаши побоится проводить ритуал, невест ему придется пока отпустить. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Мне трудно было поверить, но теперь я верю, — пробормотала Алиса. — Я себя совершенно по-другому чувствую. Словно свалилось что-то с души. Я ощущаю... радость! Хочу танцевать, петь, обнять Ваню, сказать, что теперь все хорошо.

Я покачала головой:

— Не впадай в эйфорию. Это еще не конец. Уезжайте.

Домой я унесла сумку с подарками (комплект постельного белья и разнообразными хозяйственными мелочами) и конверт с деньгами. Деньги брать не хотела, но Алиса буквально мне их всучила.

Ночь в доме прошла тихо. Я вычистила диван в гостиной и выпалась на новом белье, в теплой ночнушке. Фантом не появлялся, но и обитатель подвала (или обитатели) на контакт не шел.

Утром я отправилась за покупками в магазинчик в Перпедыжах. Все, абсолютно все на моем пути – и дачники, которых стало больше вместе с солнышком и местные – уже явно знали, кто я такая и где живу. Продавщица, кусая губы, обслужила меня с таким выражением лица, будто не знала, на что решиться: упасть мне в ноги или обрызгать святой водой.

Никаких полуфабрикатов или чего-то, что можно было бы приготовить по-быстрому, в сельпо не имелось. Пришлось приобрести

малый продуктовый набор сельского жителя: хлеб, крупы, макароны, тушенку, овощи, растворимый кофе и печенье «Земляничное».

Дома (я начала привыкать, что это странное место – мой дом) я разложила продукты на столе. Живот жалобно заныл. Ему не хотелось ждать, пока закипит на неуверенном баллонном газе вода и сварятся макароны.

Рука сама потянулась к банке тушенки. Съем с хлебом, запью молоком. Орудую старым консервным ножом, я горько вздохнула:

— Эх, Ржанка, Ржанка, тебя бы с твоими пирогами сейчас сюда, — подумала и на всякий случай (чем бес не шутит) позвала домовушу в третий раз. — Ржанка?

— Ну наконец-то, сообразила да додумалась, хозяйка! — ехидно произнес знакомый тоненький голосок.

Глава 10. Кто в теремочке живет?

— Эх, жалко, что нельзя в особняк-то Громовский смотаться, — со вздохом произнесла Ржанка, оглядывая заставленный тарелками стол. — Мукички там хорошей по коробкам наскрести, ягод сушеных, сальца...

— Ты что? — я чуть не подавилась. — Ты и так наготовила... яств.

По мне, стол просто ломился. Из небольшого набора продуктов, умудрившись подключить старую духовку, Ржанка приготовила полноценный обед с десертом. Она использовала очищающую магию и волшебный огонь. Только вместо обычных тарелок на столе были бумажные, купленные мной в сельском магазине.

— Творог у вас нехорош, — пригорюнилась домовуша, — суховат. А изюм – смех один. И суп – из консервов.

— Отличный супец! И десерт, — я подняла кусочек творожной запеканки с изюмом на уровень глаз и влюбленно в него всмотрелась, — моя прелесть. А почему нельзя смотаться? Ты же только что сказала, что магии домовых граница между мирами не помеха.

— Не помеха, — подтвердила Ржанка. — Испокон веков домовые между мирами путешествовали. Вот только, — домовуша замялась, левитировала стул и уселась на него, свесив крохотные ножки, — мы с вами все за еду, за еду, а новости-то у меня не из приятных.

— Так, — я отложила запеканку в сторону. Ждала, когда Ржанка поведаст мне о доме все то время, пока она хлопотала над плитой и старательно переводила разговор на другие темы. — Выкладывай все и без утайки.

— Надежда Александровна наша... — выдохнула Ржанка. — Беда с ней. Министерство шибко вами заинтересовалось, а эта, прости господи, колдовка во всем обвинила бабушку вашу, мол, она вашему бегству поспособствовала и Илью в измену вовлекла. Его, кстати, ищут, а Надежду Александровну...

Сердце у меня тревожно забилося. Я предполагала, что бабуле не простят «предательства». Мои опасения подтвердились.

— Что с ней? — непослушными губами проговорила я.

— В тюрьме она, в особой, для нарушителей законов магических и врагов государства. Пока разбирательство идет, потом — суд. Батюшка ваш выхлопотал ей хорошие условия, пытается смягчить обвинение, да только...

Ржанка шмыгнула носом.

— И он до сих пор с Галадой?! — руки мои налились холодом, недоеденный суп в тарелке покрылся ледяной коркой.

— Конечно. Удивлены? Будто вы ее не знаете, — домовуша хмыкнула. — Она все так провернула, что сама чистенькая. Да и приворожен Сашенька, помяните мое слово — так приворожен, что комар носа не подточит. И никто ничего не докажет. Главная ведьма Ковена... хо! — Ржанка закатила глаза к потолку. — Нечто ей такая магия не по зубам?

— Я давно это подозревала, — кивнула я.

— Батюшка ваш выборы выиграл, — сообщила домовуша с новым вздохом.

Ясно. Теперь отец — премьер-министр. Галаде теперь будет где развернуться. Я, конечно, не особо разбираюсь в политике даже сейчас, но вполне возможен такой вариант, что Громов публично отречется от своей матери. Такое частенько встречалось в истории, даже в магической, насколько мне известно из учебников. Это решило бы многие проблемы Галады.

— Ржанка, — сказала я, кое-что вспомнив, — бабушка грозилась, что натравит на ведьму дом Громовых, что она объявит их чужаками.

— Не успела она, на ритуал этот время нужно. Оса и папа ваш до сих пор в правах, что Надежда Александровна им передала.

— И ты... до сих пор подчиняешься Галаде? Потому боишься возвращаться? Чтобы не привлекать внимания? Но тебе придется вернуться, верно?

Домовуша грустно кивнула.

— Она ведь что-то делала с тобой? — накинулась я на нее. — Она тебя как-то мучила?! Пытала!

— Цветы у нее, — сжавшись в комочек, призналась Ржанка, — ядом брызжут, жгутся. Но хуже всего... это... електричество статическое. Нам, домовым, от него очень плохо. Палочки у нее есть такие — как потрет их, они искрами сыплют. Страсть как колются и рассудка лишают.

Я вспомнила тот день, когда Сливка и Пшенка тащили на воздух полубезумную Ржанку, слабую, со вставшей дыбом шевелюрой.

— Вот же...! — у меня чуть не вырвалось ОЧЕНЬ грубое слово. Руки опять стали холодными — усилием воли я заставила себя успокоиться. — Пусть эта тварь не думает, что я все так оставлю. Ладно. Какие еще новости.

— Вас ищут. И в Магистеррениуме, и в несвед-мире.

Я фыркнула и впилась зубами в кусок запеканки. Это не новость.

— Многие студенты из Академии тоже в розыск объявлены.

А вот это неожиданно!

— Кто? Не знаешь?

— Имен там много, припомнить бы, — Ржанка задумалась и вдруг хлопнула себя по коленкам. — Вот же глупая! Я ведь газету сегодня в гостиной из корзины прихватила, пока все сборами занимались. В узелок себе бросила, чтоб почитать попозже. Нам, домовикам, политические события тоже интересны. Особливо теперь, когда мы в министерский дом переезжаем.

Домовуша щелкнула пальцами. Из угла прилетел узелок из платка в красный горошек. Из него спланировал на стол сложенный вчетверо «Вестник Октоберона».

— Спасибо, потом почитаю и верну.

— Можете себе оставить, хозяйка. Мы с девочками енту враку от корки до корки посмотрели.

У меня аж пальцы зачесались развернуть газету и начать поиски имени Юда, но Ржанка вдруг неодобрительно проговорила:

— Если вы демона своего там искать будете – так нету его имени в списке. И вообще...

Я, разумеется, тут же сделала стойку. Домовуша сначала отнекивалась, а потом, отводя взгляд, подробно рассказала, почему считала Юджина «плохим кавалером для молодой хозяйки». Я с изумлением узнала, что некоторое время тому назад Сальди ухаживал за Леони, дочерью Галады. Мол, увивался за ней, несмотря на протесты мадам О'Мэйли – так и эдак клеился.

— Потом скандал был. Галада дочери запретила с демонякой встречаться. Очень поссорились они тогда... Ада Александровна, а вам никак все равно?

— А? — я вышла из задумчивости. — Нет! Мне не все равно! Но теперь все части головоломки встали на свои места! Юд ухаживал за Леони! Он делал это намеренно, по поручению! Вот почему он тогда сказал, что...

— ... этого потребовала семья.

Мы с Ржанкой дружно подскочили на стульях, а домовуша чуть не свалилась на пол. У дверей кухни таял портал, в центре него прорисовывалась фигура Ильи. Я вскочила и составила пальцы для пасса, но Ржанка закричала:

— Не надо, Адочка! Свой он! Это я на условленном месте маячок оставила!

— А я почувствовал ваш переход и пошел по следам, — кивнул молодой человек. — Я действительно... свой. По-моему, я вам уже это доказал. Вы в безопасности, Ада. Я никому ничего не сказал, поскольку сам нахожусь в розыске. Я даже не знаю, куда попал. Кстати, где мы?

Я осторожно опустила руки. Все же я не до конца доверяла этому странному парню. С другой стороны, Юд упоминал, что Илья – его давний друг, а друзья Юда – мои друзья.

— Вы у меня дома, — пояснила я. — Это мой дом. Мне его в Академии выдали. И это очень... странный дом. Он стоит на каком-то непонятном источнике. И в нем кто-то живет... кто-то невидимый и подозрительный. Он устраивает всякие... розыгрыши: подсылает

призраков, пугает... Но и помогает, — признала я нехотя — уж очень хотелось по-детски пожаловаться.

Илья внимательно осматривал кухню, ловя пальцами потоки энергии. Ржанка тоже принялась оглядываться.

— Батюшки мои, неужто это тот самый...? — домовуша всплеснула ручками.

— Тот самый что? — воскликнула я.

— Хозяйка, не сам ли старик Серениус этот дом вам в собственность передал?

— Да! И еще несколько человек из попечительского совета! И Хранители!

— Тогда все сходится! — с довольным видом заключила Ржанка. К нашему с Ильей изумлению, она вложила в рот два пальца и оглушительно свистнула: — Выходите, олухи! Живо покайтесь, почто хозяйку свою пугали!

... Пред нами предстали крошечные «коллеги» Ржанки: четверо домовиков и четыре домовушки. Семеро домовиков переминались, выстроившись рядком и тяжело вздыхая. Восьмой старательно прятался за спины остальных.

— Стожок, — Ржанка укоризненно покачала головой, — а ну выходи вперед. Ты ведь тут за старшего?

Домовики вытолкнули вперед «застенчивого» Стожка. Тот старательно отводил взгляд. Выглядел он солидно: одет был в серый кафтан и аккуратные лапти.

— Это вы меня повешенной пугали? — догадалась я. — Очень неплохой фантом у вас получился.

Стожок мрачно дернул плечом, показав, что вины за собой не чувствует.

— Ага, — возмутилась Ржанка. — На пакости горазды, а помочь... Вам магистр Серениус что велел?

— Дом охранять, — огрызнулся Стожок.

— А насчет хозяйки нечто не предупреждал?

— А нам почем знать, кто тут хозяин? Дом старый, горем истерзанный, вечно пускает разных проходимцев. Один Петр-алкаш чего стоит! Странная она! — гаркнул Стожок. — Силами темной и

светлой играет, словно игрушки то! Не затем нас Серениус из Академии вывел да спрятал, чтобы опять донницам на зубок попасться!

— Да какая ж она донница?! — всплеснула руками Ржанка. — Колдовки за талантом Ады охотятся, подчинить его хотят, а ты тут войну устроил!

— погоди, Ржанка, — вмешалась я. — Господин Стожок мне как раз помог, он открыл гримуар мамы. Без него я бы не справилась.

— Мамы? — хрипло проговорил домовик. — Та книга матери твоей?

— Да. А вы... что-то о ней знаете?

— Ничего не знаю, не ведаю, — домовик снова отвел взгляд. — Скажу только, что книга великой визарде принадлежала, я сразу то почуял, а ты ей кто, еще неизвестно.

— Ну вот опять! — взвыла Ржанка.

Предчувствуя продолжение свары, я громко произнесла:

— Господа домовые, наверное, голодны после... хм... заточения в подвале. Давайте все поедим и попьем чаю.

...Меньше всего мы сейчас хотелось распивать чаи с домовиками. Но поскольку мы с ними теперь плыли в одной лодке (домовиков, персонал Академии, и впрямь спрятал тут от донниц-диверсанток Серениус), требовалось наладить терпимые отношения. Больше всего мне хотелось допросить с пристрастием Илью. После чаепития он и сам кивнул мне, приглашая поговорить тет-а-тет.

Пока Ржанка строила на кухне провинившихся домовят, мы с Ильей перешли в гостиную. Я с благодарностью и восторгом приняла из лапок Стожка чашку крепкого кофе. Я надеялась, домовик все-таки принял во внимание мои слова о его помощи, и наши отношения улучшатся.

В ответ на моё восторженное «О боже, кофе, спасибо!» Стожок буркнул:

— Из личных запасов.

Когда он ушел, я обратилась к Илье с кратким:

— Юд.

— Устраняет последствия вторжения Бурой Топи на юге близ земель светлых эльфов. Были призваны все визарды, прошедшие

военную подготовку.

— Все так плохо? — прошептала я, ужаснувшись.

Илья наклонил голову в кивке:

— Бурая Топь отреагировала на дисбаланс. Юджин с рождения входит в Особый Отряд Короны. Это организация, которая тайно занимается поддержанием Баланса. А что касается семьи... Тот наш разговор на балу был подслушан, верно? Я говорил не о семье Юда.

— О своей семье, — выдохнула я. — Ты третий принц?

— Да. Как ты догадалась?

— С этой прической ты очень похож на своего отца, на портрете, во дворце. Ты Инфинум?

— Один из первых, кого определил магистр Филентьев, — подтвердил Илья. — Профессор предсказал появление нового типа людей. Он и твоему отцу пытался это сказать, но в ту пору ему никто не поверил. Кроме моей матери. Мой отец поверил позже: когда я потерял магический дар... и обрел его вновь.

— Громы знали, что ты королевская персона?

— Только твоя бабушка, — Илья улыбнулся, — она с пониманием отнеслась к просьбе взять меня к вам на работу, но не слишком вдавалась в подробности. Теперь она тоже верит, что ты Инфинум. Но прежде всего, что ты ее внучка, истинная наследница Громовых.

— За что она и пострадала, — мрачно добавила я. — Илья, ты можешь ей помочь?

Молодой человек помолчал. Я предугадала его ответ и испытала острое разочарование.

— Это не в моих силах. Дело Надежды Александровны рассматривает очередной недавно созданный Комитет при Министерстве. Королевская власть в этой стране давно носит декоративный характер, — сказал Илья слегка виновато. — У вас такое тоже имеется, если не ошибаюсь.

— Царствовать, но не править, — я процитировала принцип британской монархии. — Но это не мешало тебе действовать на свой страх и риск.

— Я тоже член Особого Отряда. Как и старшие принцы. Мы стараемся работать там, где есть намек на нарушение Баланса. У меня руки развязаны больше, чем у моих братьев — меня с детства скрывали от взглядов общественности.

— Вы следили за Галадой?

— И за тобой, когда поняли, что она ищет Инфинумов.

— А... Юд?

— А у Юда, — Илья лукаво улыбнулся, — первоначально было совсем другое задание — очаровать Миледи. Но тут вмешался его отчим, он отправил Юджина в Академию, чтобы заставить его быть поближе к дочери будущего министра.... Ада, — Илья сделал паузу, — я понимаю, что у тебя есть основания сомневаться в Юде, но если бы ты знала его, как знаю я, ты всем сердцем поверила бы в его чувства. У высших демонов Сальди есть одна особенность...

— Я помню, — проворчала я, с трудом скрывая эмоции под недоверчивой миной. — Проклятье, орхидеи, любовь до гроба — дураки оба... Я очень хочу его увидеть! Буря Топь так опасна?

— Мой отец так и не пришел в себя после того, как попал в ее гущу.

Я сочувственно кивнула. Потоки, в которых нарушался баланс теплого и холодного, могли очень долго находиться в смешанном состоянии, но затем иногда происходило что-то, отчего энергия приобретала разрушительный характер. Любой, кто попадал в Топь, подвергался жесткому «взбалтыванию». Выживали немногие, а те, кто выжил, годами восстанавливали ауру.

Илья пообещал, что постарается провести бабушку, узнать новости о Юде и найти способ выволить Ржанку из лап Галады. Я же уселась в кресло и попыталась делать несколько дел одновременно: читать газету, переживать о женихе и искать способ вывести на чистую воду пособницу демона Калмаши — Анну. Я смогу считать дело завершенным, а довольно приличный гонорар отработанным, только когда уничтожу зеркало.

Но по мере того, как я вчитывалась в статью в «Вестнике», другие тревоги отступали на второй план.

— ... не подчинились требованию покинуть стены Академии Баланса... Магистру Серениусу предъявлены обвинения в моральном растлении несовершеннолетних магов, использовании запрещенных методик обучения. Его ожидается поддержка представители светлых и некоторых темных эльфийских родов, а также такие печально известные своими радикальными взглядами семьи, как Кроффы из Лакардии, Реметы из Бариона и, к удивлению

общественности, темные визарды из рода Стариновых. Впрочем, предательство последних как раз неудивительно, поскольку их негативное отношение к прогрессивным тенденциям известно еще со времен противостояния у Морозной горы... Стариновы, — убитым голосом проговорила я.

Я подняла глаза. Вокруг стояли домовики. Вид у них был печальный. Им больше некуда было возвращаться. Да и мне тоже.

Однако все мы поспешили отвлечься на хорошее. Дом преобразился. Домовушки притащили из подвала свои запасы: консервированные овощи, ягоды и фрукты, сушеную рыбу и вяленое мясо. На кухне и в других помещениях закипела работа. Я тоже приняла участие в уборке на втором этаже. Стожок как раз разгребал там мусор с помощью своей магии. Часть обвалившегося потолка выглядела уже не так страшно. Мы какое-то время работали молча, а потом домовик неохотно заговорил:

— Это лишь сегодня Дом нам позволил порядок навести, раньше не давал — начинал лестницы шатать да стенами потрясать. Прости, хозяйка, виноват я, перестраховался.

— Ничего страшного, — сказала я. — Ваш фантом меня здорово развлек. Но кто жил здесь до меня? Колдовка?

— Дева, — коротко сообщил Стожок. — Ее только Моркоша помнит. Она одна из нас не из Академии, а тутошняя.

Я припомнила седую домовушу, самую неторопливую из «команды». Сколько же ей лет, если она выглядит пожилой?

— Под триста, должно быть, — предположил Стожок, — она еще времена помнит, когда всяк дом в округе домовых одаривал, молоком, яйцами, пшеном да хлебом. А потом война началась, сначала деревни пустеть стали. Моркоша без хозяев осталась, вот ведьма-то к себе ее и позвала, в этот дом. Горевала та визарда сильно. Вроде как сослали ее или сама она от кого-то бежала. И вроде как с семьей ее разлучило. Хочешь — спроси сама. Старушка рада будет поболтать да старое припомнить.

— Обязательно поговорю с Моркошей, — пообещала я.

— А как вы открыли гримуар моей мамы? — я, наконец, смогла повторно задать домовому мучающий меня вопрос. — Вы ее знали? Мою маму.

К моему глубочайшему разочарованию Стожок ответил:

— Не знал. Но почувствовал, что владелец гримуара использовал частичку нашей магии, домовушной. Не всякий визард на то способен. Твоя мама, видно, владела домовушным волшебством и смогла запечатать им гримуар.

— Но почему вы мне помогли?

— Так я... — Стожок смущенно почесал в затылке, — подслушивал и подглядывал. Понял, что за дело ты задумала. Подсобил. А остальное гримуар сам все сделал, на нужной странице открылся.

— Понятно, — я вернулась к работе и с ожесточением попыталась отвлечься на нудный домашний труд.

Зато ночь я провела на втором этаже, в небольшой уютной комнате, на кровати, полностью очищенной бытовой магией от пыли и грязи. Домовуши вернулись к себе на чердак. Преображенный уборкой, он превратился в свежее, пахнущее деревом и травами пространство. Спали домовые на самодельных матрасиках на полу и на потолочных балках, объяснив мне, что предпочитают иметь постоянный, близкий контакт с домом.

Следующий день мы тоже планировали провести за уборкой. Но наши планы неожиданно изменились.

... Мы как раз собрались на кухне, чтобы обсудить меню на день, когда в гостиной вдруг засвистело и загрохотало. Все мы устремились туда на шум.

Там один за другим открывались порталы. В них медленно проявлялись очертания человеческих фигур. Я даже пассы строить не стала, понимая, что не смогу противостоять такому количеству людей даже с поддержкой слабенькой оборонительной магии домовых. Если пришли за мной, я проиграла. Однако первым из портала в гостиную высунулся Илья.

— Ада! — закричал он. — Это свои! Помоги! Левый слабый! Я отвлеку погоню!

Илья исчез. Я бросилась к упомянутому им portalу, цвета изумруда, появившемуся у окна слева. Оттенок перехода свидетельствовал о том, что энергии в нем было крайне мало. Он и открывался очень медленно, в отличие от других... из которых в комнату вывалились Шан, Ора, профессор Аровская и мастер Авар. Не говоря ни слова, все визарды кинулись помогать мне вливать в портал

силу, и вот, наконец, в нем появились две мужских фигуры. Через несколько секунд в комнату шагнул мастер Уиллард, наш преподаватель по бестиологии. Он был не один. Профессор придерживал под плечо окровавленного Юджина.

... Уже поздней ночью, когда состояние Юда немного стабилизировалось, а Илья вернулся в Дом, успешно оторвавшись от погони, профессор Уиллард заставил меня отойти от постели демона.

— Худшие раны обработаны и защиты, легкие — затянутся сами, он все-таки высший демиург. А тебе нужно отдохнуть, поспать. Здесь есть, кому позаботиться о визарде Сальди.

— Я не смогу, заснуть, зная, что он...

— Бурая Топь, — преподаватель покачал головой. — Даже Ора и Инга бессильны перед ней.

Темная эльфийка мрачно кивнула, на миг оторвавшись от измерения пульса раненого. Именно она зашивала раны Юджина особой магией. Ее знания в области эльфийской медицины были поразительны. Профессор Аровская, в свою очередь, боролась с интоксикацией — Юд лежал под капельницей с приготовленным сиреной особым физиологическим раствором.

— Нам остается лишь надеяться, что Юджин вовремя вырвался из омута, — продолжи Уиллард. — Он успел активировать артефакт переноса и оказался в нашем убежище. К сожалению, по его пятам шли дознаватели министерства. Наше укрытие обнаружили. Нам пришлось импровизировать.

— Я рада, что Илья привел вас сюда, — твердо сказала я. — Как хорошо, что у нас есть, где спрятаться. Мне кажется, что магистр Серениус все предусмотрел, что он... предчувствовал такой поворот событий. Подарил мне это место, отправил сюда домовушек.

— Не удивлюсь, если это так, — согласилась Аровская, подходя к нам. — Я проверила твой дом, Ада. Из Магистеррениума его не отследить, как и из несвед-мира. Сюда можно попасть только по желанию и приглашению владельца. Ты ждала Илью с новостями от друзей, поэтому Дом пустил и нас. Полагаю, здесь рядом было когда-то древнее капище истинных ведьм, тех, кто практиковал смешение потоков.

Как рядом с домом моего детства, подумала я. Какая-то мысль вспыхнула и погасла — странная мысль, слишком невероятная, чтобы в нее поверить.

— Нам действительно нужно отдохнуть и подумать, что делать дальше, — сказала Инга, когда мы вышли в коридор. — Нам придется тут задержаться. Нужны ресурсы.

— Места здесь хватит всем, — подхватил встретивший нас на кухне Авар Дебрис. — Мы с мистером Кроффом немного расширили пространство. Теперь в нашем распоряжении еще десять комнат, копии самой большой и хорошо обставленной. Подождем остальных.

— Тенет тоже скоро сюда явится, — объяснил Шан. — Его семью гонения не коснулись, поэтому он забрал Малыша.

— Малыш у Арчи? — с облегчением переспросила я. — Хоть одна приятная новость. Но почему дознаватели устроили охоту на Юда?

— Это логично, — хмыкнула Ева. Старинова вызвалась помогать на кухне. Как я успела выяснить, ее родители были в бегах, а сама она, очень рискуя, присоединилась к бунтующим против закрытия Академии визардам. — Они узнали, кто его невеста.

— Все из-за меня, — я без сил опустилась на стул.

— Глупости, — строго сказала Инга. — Во всем этом виноват тот, кто возомнил себя чуть ли не богом и спасителем визард-мира. Лучшие маги неоднократно повторяли, что рождение меньшего количества магов связано как раз с разделением энергий, а не наоборот, но эта, простите меня, неадекватная особа построила целую теорию заговора и почти убедила в ней весь магический мир.

— Галада похищала и убивала несведов, — подхватил мастер Дебрис. — Подкупала чиновников и угрозами вынуждала некоторых магов свидетельствовать против светлых. А все потому, что в юности у нее было некоторое видение. Никто не знает, что видела юная О'Мэйли, однако она великая колдовка, и это пророчество, вне всякого сомнения, истинно. Я долго искал убийц моих друзей, Стефани и Питера Даркроуз, и теперь знаю, что их смерть связана с видением Галады.

— Родителей Минни и Джеймса? — ахнула я.

— Да. Ада, ты не будешь против, если я перенесу Джеймса и Минни в твой дом? Они у моих друзей под присмотром Круфуса, но

там теперь стало небезопасно.

— Буду просто счастлива снова увидеть юных Даркроузов! — с жаром воскликнула я. — Я так соскучилась! Минни ведь тоже инфинум?

— Тоже. Причем в отличие от тебя и Ильи, ее способности никогда не исчезали. А у Джеймса они проявились лишь недавно. Нам пришлось очень нелегко. Трудно спрятать от окружающих таланты двух непоседливых детей. Круфус говорил мне, что ты обо всем догадалась, но я не мог в это поверить. Если бы я знал...

— Я сама тогда не понимала своей природы.

— **Я** должен был догадаться еще в тот день, когда ты подняла воду из ванны. И твое гадание... Ты по-прежнему можешь управлять погружением на разных уровнях?

— Да, но это так непонятно. Я, как слепой котенок, тычусь куда ни попадя и получаю себе проблем на... короче, влезаю в разные приключения.

Я рассказала о проблемах контроля над холодом и своих незабываемых ощущениях во время сражения с Галадой.

— Тебе нужен наставник! — хором сказали преподы.

— Попробуй применить свои новые знания к лечению Юда, — задумчиво проговорила Инга Аровская.

— И в гримуар загляни, — посоветовал из угла Стожок.

Глава 11. Обращусь я к друзьям...

Я сменила Ору у кровати Юджина. Казалось, он просто спит. Лишь созданная Аровской магическая линза пульсировала красным над головой раненого и свидетельствовала о том, что аура Юджина на грани разрушения.

По совету Стожка я принесла с собой гримуар. Но долго не могла читать из-за слез.

Я решила поговорить с Юдом, взяв его за руку в уверенности, что он все слышит и чувствует. Магическая линза, отражающая состояние ауры, пугала меня. Если еще несколько часов назад красная дымка в ней находилась в центре, то теперь алый туман подступал к краям.

Начала говорить, решительно справившись со слезами. Рассказала о том, как сбежала от Галады, о бабушке, демоне Калмаши и его невестах. В какой-то момент мне показалось, что я занимаюсь

ерундой. Лучше поскорее начать искать решение в гримуаре. Я замолчала и в этот же миг почувствовала, как на плечо легла рука. Незаметно вошедшая в комнату сирена прошептала, указывая на линзу:

— Не останавливайся, он слышит.

Я подняла глаза. Красный туман сократился в размерах, стянув свои щупальца к центру. Приободренная, я принялась лихорадочно придумывать темы для разговора. Сад, гримуар, домовые — новостей пока хватало. Если это поможет, я буду говорить всю ночь.

Однако по мере того, как я рассказывала новости, крошечный гримуар в руке становился все тяжелее. Я поспешно высвободила его из заклинания уменьшения и с замиранием сердца раскрыла. На этот раз не возникло необходимости прибегать к помощи домовых — мамина магия меня признала. Магический волюм сам перелистнул несколько страниц и замер.

«Кессонная болезнь?» — прочитала я. На этот раз мама вклеила в гримуар обычный листок в клеточку. На нем она в нескольких словах описала болезнь водолазов и дайверов, возникающую из-за поступления в кровь пузырьков азота при быстром всплытии из глубины. «ИЗ ГЛУБИНЫ», — написала мама большими буквами. — В нашем случае это смешивание различных видов магии. Бурая Топь нарушает границы энергий. Их свойства изменяются. Тепло стремится вверх, забивает магические каналы. Процесс выделения тепла продолжается несколько часов. В лучшем случае — временное повреждение каналов, в худшем — полная потеря целостности ауры, пробои, болезнь, смерть. Больного сможет спасти повторное погружение на ЧИСТУЮ большую Глубину. К сожалению, обычно люди, прошедшие БТ, уже не способны пользоваться магией. Опустить же раненого на девятый-одиннадцатый уровень, увы, не в состоянии никто. Это противоречит самой теории погружения».

— Противоречит? Знакомое слово. Когда оно меня останавливало? — пробормотала я.

Я попыталась нырнуть раз-другой. Погружалась я довольно глубоко... но взять с собой Юда не могла. Мама была права.

— Я знаю, что решение есть, — сказала я Юджину. — Прошу, потерпи, пока я его ищу. Если не получится пойти напрямик, найдем обходной путь. Главное, решение есть!

Но красный туман в линзе снова начал разрастаться. Я принялась пересказывать Юду свое детство. Говорила, не особо стараясь быть последовательной. Одна часть моего сознания искала решение. Оно было где-то рядом. Ближе-ближе. Вот оно! Я перевернула страницу гримуара и увидела там подтверждение своей догадки. «*Бесы!*» — было написано на следующем листке.

— Зеркало! — заорала я, выскочив в коридор.

Домовуши, как раз устраивающие гостей на ночевку, изумленно переглядывались и старались убратся с дороги. Я с топотом слетела вниз. И так и сяк вертелась перед своим отражением, пытаюсь воззвать к Калмаши. Пузатый демон был моим единственным «близким» знакомым в мире дна и придонья. Но похититель девушек не отзывался.

Услышав шум, мои друзья спустились на первый этаж. Меня внимательно выслушали. Профессор Уиллард надолго задумался. Я с надеждой наблюдала, как он ходит взад-вперед по гостиной. Преподаватель бестиологии лучше всех разбирался в глубинных тварях. И да, его совет оказался точным и полезным:

— Если Калмаши отпустил невест, остался только один путь — артефакт. Звони той девушке... Алисе.

Я написала в мессенджер и ждала, кусая губы. Алиса не спала и откликнулась почти сразу. Она даже вопросов не задавала — просто дала мне адрес Анны, сестры жениха.

— Ора, я и Шан пойдем с тобой, прямо сейчас, — тон Уилларда не оставлял места для споров. — Инга позаботится о Юде. Он сильный. Эту ночь он переживет.

...Всех интересовал вопрос, на чем мы полетим. Насколько сильными должны быть потоки, чтобы удержать всадников на четырех метлах в несвед-мире? Ах, нет — на трех метлах. Шан предпочел ржавый велосипед из сарая.

Уиллард искал решение. И нашел его. Профессор собрал домовых и соорудил что-то вроде кристалла-накопителя... из комка слежавшейся соли. Домовуши минут двадцать качали в него Силу. А потом, едва стоя на ногах, отправились спать на свой чердак. Преобразовывать энергию домовых в темную поручили нам с

Кроффом, поскольку мы владели светлыми потоками, к которой была близка бытовая магия.

— Вот так, из фигни и палок, и рождаются шедевры магического изобретательства, — меланхолично заметил Шан.

— О да! — с восхищением согласилась я.

Ночной полет, сначала над лесом, потом над поселками и пригородом, был фееричным. Правда, скрип педалей велосипеда Кроффа будил всех окрестных собак, пока Уиллард не велел Шану поставить звукопоглощающий экран. Шан подчинился с заметным сожалением. Его как всегда привлекали всякие странные штучки из несвед-мира.

Где находится дом Анны, я знала. Рядом с ним располагалась библиотека, в которой я готовилась к поступлению в техноложку. Возник вопрос, как попасть в квартиру. Ора предложила заклинание, которое могло бы растворить оконное стекло, но я вспомнила визит магистра Серениуса к моей тете Рите и решительно произнесла:

— Мы не воришки. Мы позвоним в дверь.

Уиллард кивнул, Ора хмыкнула. Пока мы поднимались по лестнице, я с грустью вспоминала нашего ректора. Академия закрыта, однако магистр, с формулировкой «за былые заслуги», официально приглашен в Совет Магов при новом правительстве. При этом все понимают, что это отвлекающий шаг и скоро за Серениуса возьмутся дознаватели. Такого влиятельного человека точно не оставят на свободе. Обвинений против него предостаточно.

Звонок не работал. Мы постучались. Никто не открывал. Я была уже готова признать, что напрасно пошла на принцип, но за дверью раздались шаркающие шаги.

Женщина, открывшая дверь, была мало похожа на молодящуюся, ухоженную Анну с фото в телефоне Алисы. Но это была она, сестра Ивана. Анна посмотрела на нас из-под неопрятной, сальной челки и без всякого удивления бросила:

— Входите, я вас ждала.

Конечно, мы выглядели эффектно: черноглазая Ора, Шан в своем любимом «халате» и покрытый шрамами хромой профессор Уиллард. Последний не стал уточнять, насколько много Анна знает о магическом мире, и просто велел:

— Зеркало.

Женщина кинула равнодушный взгляд через плечо и медленной неловкой походкой двинулась в сторону окна. Там стояло нечто большое, прикрытое тканью. Анна стянула ткань. По кивку преподавателя бестиологии к артефакту подошла Ора. Ее непроницаемые черные глаза засветились серебристым. Зеркало ничего не отразило, но Ора вгляделась в его глубину.

— Портал, — сказала эльфийка. — Глубина больше восьми уровней. Запечатан временной печатью. Можем взломать, но далеко вряд ли проникнем.

Артефакт находился в стазисе, и я не чувствовала его энергии, но даже «потушенным» он внушал необъяснимый ужас.

— Убьете меня? — спросила Анна, без всякого выражения повернувшись к профессору Уилларду.

— Желаешь смерти? — спросил тот холодно.

— Сил нет больше. Сама бы... себя, — выдохнула женщина, — да страшно. Вдруг они и ТАМ меня найдут.

— Те, кого ты погубила?

— Да.

— Найдут, — кивнул преподаватель. — Но у тебя есть шанс частично искупить вину. Ты сильная донная ведьма, хотя сама об этом не знаешь. Ты ведь получала молодость и красоту, долго получала, раз сейчас так подряхла. Что отдавала взамен?

— Души, — выдавила Анна. — Власть над человеческими телами, сосуды для тех, кто со мной говорил. Они все время со мной говорили... голосами. С тех пор, как я нашла это зеркало. Оно само меня позвало... тот голос был первым.

— Сколько тебе лет?

— Много.

— Иван - ваш сын? — вырвалось у меня.

Анна повернулась ко мне с улыбкой, от которой у меня заledenела кровь. Я видела бесов и ужасных монстров из других миров на тренировочном полигоне, но никогда еще мне не было так жутко.

— Правнук, — прошептала Анна. — Первый мальчик в роду. Я его берегла. Я просто берегла его. Женщины коварны. Он должен был найти девушку с даром, а ему попадались лишь вертихвостки. Но я... раскаиваюсь. Спасите меня. Я больше так не могу. Они приходят. Не дают спать. Они... шепчут, забирают силы и зовут за собой...

— Много ли демонов говорило с тобой? — спросил Уиллард.

— Да.

— У тебя еще есть над ними власть?

— Да... соглашения... многие в долгу передо мной... но не могут помочь теперь... души зовут меня...

— Призови того, для кого ты ставила метки на женщин, — велел Уиллард, встав сбоку от артефакта. — Того, кто собирает гарем из тринадцати девушек. Скажи, что у тебя есть для него новая невеста. Ада, иди сюда.

... Анна подошла к зеркалу и всмотрелась в него. С ее губ слетели уже знакомые мне слова:

— Махирах. Хади. Агхора.

Женщина повторяла их снова и снова.

— Что она говорит? — едва слышно спросила я у Уилларда.

— Она призывает проводника, — ответил преподаватель, — говорит, что уполномочена просить об аудиенции. Это древний язык, когда-то на нем говорили бесы-асуры. Тише, кажется, есть контакт. Да. Теперь она разговаривает с демоном мысленно.

Через некоторое время Анна отступила от артефакта и повернулась к нам. На ее болезненно-бледном лбу выступили капли пота. Поверхность зеркала пришла в движение. На нем вздувались пузыри густой лаково-черной массы. Это было похоже на бурление газа в грязевых источниках.

— Он не открывает проход. Боится. Его что-то напугало, — устало сказала Анна.

Я смущенно наморщила лоб под укоризненным взглядом Шана. Мне уже сделали выговор. Но что еще я могла сделать? Оставить девушек на поругание?

— Продолжай разговор, — жестко велел Анне Уиллард. — Скажи, что это сестры-сироты. Что их никто не будет искать.

Анна снова уставилась в зеркало. Артефакт реагировал — бурление усилилось.

— Он согласен, — сказала Анна. — Пусть девушки войдут.

— Платок какой-нибудь, — подсказала Ора. — Он узнает Аду.

— Они в любом случае должны быть одеты как невесты, — объяснила Анна. — У меня есть подходящие платья.

— Как предусмотрительно, — сухо сказал профессор бестиологии, заставив донницу сжаться под строгим взглядом. — Анна, поставьте на Аде и Шане донные метки.

— На Шане? — вытаращилась я.

— Отпускать тебя одну слишком опасно. Инга нужна у постели Юда, Ева истощила резерв, Ора —слишком нечеловек. Из нас двоих Шан наименее маскулинен. Я вряд ли сойду за женщину.

Крофф одобрительно кивнул. Переодевание его ничуть не смущало. Я вспомнила, что на любительских постановках «Лунной Лиги» Шан довольно часто играл девиц. Вот бы хоть раз посмотреть, как он выступает на сцене. Впрочем, именно это мне сейчас и предстоит.

Я переоделась в белое платье до колен с пышными рукавами и глубоким вырезом, Ора накинула мне на голову легкий полупрозрачный шарфик, пахнувший дорогими духами. Анна провела рукой вдоль моего плеча, и выше локтя что-то кольнуло. Шану достались платье подлиннее и газовый шарфик. Он действительно казался девушкой, высокой, широкоплечей, но вполне женственной. Перехватив мой взгляд, Крофф усмехнулся и кокетливо подвигал бедрами. Если бы я не знала точно, что он стопроцентный натурал (его романтические победы над первыми красавицами курса ни для кого не были секретом), подумала бы...

— Теперь ждите, — проговорила донница. — Он сам вас затянет. Долго ждать не придется. Калмаши потерял весь гарем и голоден.

Ага! Значит, предыдущие девушки уже не у него. Знать бы, что они не в коме.

— Когда будете рядом с Калмаши, привяжите к нему магический маячок, — подсказала Ора. — Пометить вас мы не можем – артефакт может почуять постороннюю магию при прохождении портала и не пустить вас – войти вместе с вами тоже. Глубина слишком велика, чтобы мы нашли Калмаши путем обычного магического поиска. Нам нужна привязка. Все правильно, профессор?

— Молодец, Ора, — Уиллард кивнул. — Можешь считать, весенний зачет по бестиологии у тебя в кармане. Ни во что не встревайте, ждите нас. Используйте теплый резерв против ледяной магии Глубины. Помните: вы должны выгадать нам с Орой немного

времени на Погружение. С демоном я разберусь сам, а вы просто меня прикроете.

Легко сказать: привяжите маячок, не встревайте! В прошлый раз на мне сразу повисли служанки Калмаши.

Но больше всего я боялась проходить через хлюпающую поверхность артефакта. А когда безо всякого перехода мы оказались в полутемном зале, лишь слегка освещенном светом лампад, облегченно выдохнула. И тут же выпрямилась, безвольно опустив руки вдоль туловища. Я под воздействием донной магии, не нужно об этом забывать.

Мой наряд изменился: вместо традиционного европейского платья на мне оказались широкие восточные шаровары, открывающие пупок и расшитые по низу золотой нитью, и короткая кофточка из блестящей ткани. Все это великолепие прикрывалось полупрозрачной вуалью с обильной вышивкой. Я слегка потянула ее в сторону, чтобы несколько причудливых золотых цветов прикрыли лицо. Шан был одет в нечто подобное, только шаровары оказались коротковаты, и из-под них торчали жилистые лодыжки.

В огромном зале с низким, подпираемым колоннами потолком было довольнолюдно: сам Калмаши возлежал на возвышении, застеленном шелками, в гуще парчовых подушек. Вдоль стены расположились музыканты. Перед ложем демона танцевали крутобедрые девушки с полуприкрытыми лицами. Одна из них скользнула к нам, внимательно всмотрелась в мое лицо через вуаль. Я ответила ей равнодушным взглядом, но успела заметить рыбы глаза и чешую на лбу. Это не асури. Это... я мысленно пробежалась по страницам учебника по бестиологии... это гажи, водные вампирессы. Везет мне. Вот так и выучу весь каталог тварей на практике. Что ни визит – то знакомство с новыми бестиями.

Такого же внимания удостоился и Шан. Гажи не подняла тревоги. Я бы на ее месте тоже не догадалась – миловидный Крофф идеально подошел на роль девицы.

— Подойдите, — протянул Калмаши со своего ложа.

Мы медленно пошли вперед. Перед моими глазами порхали невесомые рукава танцовщиц. Демон оторвался от кальяна и внимательно нас рассматривал. При этом его левая нога в остроносой

туфле свесилась с возвышения и подергивалась в такт музыке, а ушки шевелились.

— Как зовут?

— Аделаида, — сонно ответила я.

— Шана, — сладким голосом протянул Крофф.

— Красивые имена. Ближе.

С удовольствием.

Шан словно случайно задел меня локтем, дав знак, и я незаметно выпустила маячок. Он опустился у демона на пятке притопывающей ноги, с которой сползла туфля. Еще со времен Ахиллеса известно: пятка – лучший объект для диверсий.

— Снимите фату.

Мы медлили. Даже если маячок успел отправить координаты, не факт, что подмога прибудет вовремя. Погружение на такую Глубину требует времени.

— В чем дело? — Калмаши нахмурился. — Подчиняйтесь.

Я медленно подняла руки. Передо мной мелькнуло злое лицо гажи – девушка-рыба сорвала вуаль сначала с меня, затем с Шана.

— Здрасьте! — радостно сказала я, наблюдая, как вытягивается физиономия демона. — Да, это опять я. И не одна, а с другом, как и обещала. Есть минутка?

— Съешьте ее! — завизжал Калмаши.

— Повторяетесь, — попеняла ему я.

— Съешьте их!!!

Вокруг нас с Шаном закружили, примериваясь для атаки, гажи. С их трансформирующихся лиц слетали шелковые вуали. Раскрывались усеянные мелкими зубами-крючками рыбы пасти, а между пальцев с перепонками выплеталось донное колдовство. Шан изящно развернулся вокруг оси, пуская в гажи сгустки горячей магии. И еще один разворот с пируэтом. Шан оторвался от пола в прыжке и как будто завис над ним, раскидывая кипящие шары энергии. Светлые волосы волной вспорхнули над плечами. Тут, пожалуй, засмотрелся даже Калмаши, что уж обо мне говорить.

Я добавила пару сгустков от себя. Меня боевая магия слушалась не очень хорошо, однако посеять немного паники удалось. Пользуясь численным превосходством, гажи теснили нас к демону. Сам Калмаши

нападать не спешил, лишь громко верещал, потрясая пузом. Как я успела заметить, он вообще предпочитал загребать жар чужими руками.

И тут сработала метка на пятке у демона. Калмаши подскочил и взвыл, как ужаленный. В зале возникли Уиллард и Ора. Девы-рыбы, громко шипя, устремились к ним навстречу. Если Оре еще перепало покидать магией в нескольких свирепых танцовщиц, то Уиллард просто раскидал своих гажи по стенам.

Преподаватель бестиологии беспрепятственно пронесся через зал, взбежал по ступенькам и оказался перед Калмаши, грозно над ним зависнув.

— Профессор Уиллард! Как я рад! Какая встреча! — радостно воскликнул демон, мелко трясась.

— Вижу, что узнал меня, асур, — удовлетворенно констатировал бестиолог.

— Конечно, друг мой! Сколько лет, сколько зим!

— Андунский перевертыш тебе друг, — холодно произнес преподаватель. — Собирайся. Идешь с нами.

... — Назад мы вернулись прямо через зеркало в холле Дома (Уиллард заранее поставил на нем метку). Профессор сказал, что поручил Анне вызвать еще нескольких глубинных обитателей. Она пообещает им человеческие жертвы, а визарды из Сопротивления обеспечат им теплый прием.

— Если все пройдет хорошо, — невозмутимо проговорил преподаватель, таща скулящего Калмаши за шкурку по коридору, — мы спасем тех, кто «застрял» на Глубине. Всех... кого сможем.

— Нереально крут, — восхищенно прошептала я, когда Уиллард с демоном скрылись в комнате Юджина.

— О да, — Ора опустила затрепетавшие ресницы и слегка покраснела.

Меня к Юду не пустили. Там и так находились Уиллард, Инга и Илья, вернувшийся из Магистеррениума. Все трое следили, чтобы Калмаши выполнил свою часть договора. Ему пообещали амнистию, если он согласится сотрудничать с магами.

Третий принц с волнением выслушал объяснения по поводу погружения на Глубину жертв Бурой Топи.

— Почему прежде ничего не было известно об этом методе? — спросил он.

— На самом деле, о нем знали, — озабоченно проговорила Инга Аровская. — Имелись свидетельства выздоровления людей при содействии демонов. Однако ты должен понимать, что Глубина — это другое измерение. Параллельный мир, подсознание Вселенной, и существа, которые в нем обитают, не слишком склонны сотрудничать с визардами. Аде повезло с талантом. И с мамой.

— И с друзьями, — добавила я.

Инга кивнула:

— Если бы Ада не была инфинумом, если бы не Стожок, если бы гримуар не открылся... шанса заменить Алису, а потом выплыть с такой глубины у Ады бы не было.

— Мой отец... — пробормотал Илья. — Есть ли надежда?

— Все зависит от того, вылечится ли Юджин, — сказала сирена. — Однако надеяться стоит. Твой отец тоже сильный визард. Насколько я знаю, он до сих пор не потерял связь с Поверхностью. Шанс есть.

— Если папа придет в себя, — взгляд принца похолодел, — он разгонит весь этот... шабаш. Посмотрим тогда, кто царствует, а кто правит.

... Авар Дебрис привез Минни и Джеймса за полночь, так что увиделась я с ними уже утром. Джеймс налетел на меня, словно вихрь, а за ним меня робко обняла Минни.

— Мы научились готовить в мультиварке! — радостно проорал Джеймс. — И привезли ее с собой!

— Глупый, — Минни фыркнула. — Разве это важные новости?

— Важные, — улыбнулась я. — Домовые обрадуются. Им скоро потребуется помощь. Нас становится все больше.

— Домовые? — заинтересовалась Минни.

— Ага. Настоящие. Кстати, Круфус с вами?

— Конечно. Он наш семейный дух. Он осматривает дом. Ты же помнишь, какой он жутко подозрительный! — воскликнул Джеймс. — Ему везде чудятся враги и колдовки.

— Помню. Отлично! У меня к Круфусу серьезный разговор. Но потом. Мне пора идти. Помните демиурга Юджина? Он болен. Мне нужно его проведать.

— Твой дружок? — Минни хитро улыбнулась.

— Да, — твердо сказала я. — Почти жених.

Минни захлопала глазами. А Джеймс показал большой палец.

... Инга, Ева и Ора сделали из комнаты Юда настоящую больничную палату: с предбанником, дезинфицирующей лампой и плотными прозрачными занавесками. Вот только Юд болеть больше не собирался. Я шла к умирающему, а попала во вполне живые (и крепкие) объятья демона.

Когда я надела белый халат, вошла и устояла на пустую кровать, подлый Сальди подхватил меня на руки и закружил.

— Юд! — пропищала я. — Ты очнулся?! Как же я рада! Юд, опусти меня! Немедленно в постель – тебя еще не осмотрели!

Меня неохотно поставили на ноги, а мой гнев был немедленно нейтрализован поцелуем.

— Соскучился! Думал, больше никогда тебя не увижу. Обидно было умирать так... глупо. Святая Глубина, Ада! Я волновался! Вести о тебе получал через Илью, было большим облегчением узнать, что ты в безопасности! После закрытия Академии меня в тот же день отправили защищать земли демиургов. Влад, — демон вдруг нахмурился. — Со мной был Влад! Его нашли?

— Да, — проговорила Аровская, входя в комнату. — Его доставили домой, без сознания. Мастер Дебрис отправился к Турнаевым. Попробует переправить Влада сюда, даже если ему не разрешат.

— Вы сделаете с ним то же, что сделали со мной? Вылечите его? — взволнованно спросил Юджин.

— Попытаемся. Твой кузен в опасности не только из-за ран – за вами охотятся дознаватели министерства. Вы оба теперь в розыске.

— Нас подставили. Все светлые, солнечные эльфы, ушли из окрестностей нашего поместья, — пояснил Юд, поворачиваясь ко мне. — В двух поселках начались энергетические аномалии. Меня и Влада как военнообязанных отправили выяснить, что происходит. Мы выяснили, что Топь возникла там не случайно – кто-то заставил эльфов уйти под угрозой истребления. Когда мы с Владом добрались до последнего поселка, бесы вырвались из Глубины и окончательно сдвинули баланс в сторону хаоса. Нас ждали. Бесы были там не сами

по себе, а в сопровождении дознавателей министерства. Я сумел активировать артефакт перехода в наше секретное место, но не смог взять с собой Влада. Да еще и выдал всех.

— Не переживай, — сказала я. — Все, что ни делается, — к лучшему. Зато мы узнали, как сбалансировать ауру, взбаламученную Бурой Топью.

— Это было странно, — Юд покачал головой. — Демон пришел в мой сон и предложил прогуляться. Выглядел он, прямо скажем, не слишком довольным, но старательно тянул меня все ниже и ниже. А потом — Глубина, такая страшная... нечеловеческая. И... я очнулся здесь. Осталась пара царапин. Спасибо всем вам.

— Калмаши не сбежал? — заволновалась я.

— Нет, — Инга фыркнула. — Сидит на чердаке в пентаграмме. Его охраняет Моркоша, весьма свирепая домовуша. Дар у нее не слабее профессорского. Пару раз стукнула демона своей клюкой — тот и притих, а до этого каждый час требовал еды, вина и девственниц. Ладно, визарды. Пять минут вам посекретничать. Юджин, приготовься к осмотру. Ада — тебя зовет Моркоша.

Щедро подаренные пять минут мы потратили на поцелуи.

— Странно, — задумчиво произнес демон. — Аровская какая-то... другая.

— Да, более красивая и женственная, чем раньше, — согласилась я. — Кажется, кое-кто почти справился с проклятьем. И я даже догадываюсь, кто ей в этом помог.

Глава 12. Подарок из прошлого

Демон в пентаграмме закатил глаза и демонстративно отвернулся. Видимо, я больше не привлекала его ни в качестве еды, ни в качестве девственницы. Даже немного обидно стало.

Моркоша с грозным и гордым видом сидела на крошечном стульчике у пентаграммы и вязала носки. Увидев меня, она кивнула и щелкнула пальцами. Из взметнувшихся в воздух искр сформировалась... еще одна Моркоша.

В мою голову закралась догадка, что Моркошей домовушу называли не только в честь вкусного овоща, но и благодаря ее таланту создавать достоверные копии себя самой. Морок спокойно продолжил вязание, а настоящая домовуша с помощью двух спиц и намотанных на них нитей быстро соорудила летательное устройство, похожее на

больничные носилки. Она взлетела на нем над полом и взяла меня за руку.

Обнадеженный заменой стража Калмаши пошел на таран пентаграммы, очевидно, что не в первый раз. Однако Моркоша-морок ловко и метко огрела его клюкой, тоже с заметной сноровкой. Посыпались искры. Демон взвыл и вконец обиделся.

— Идем, девица, — пропела домовуша, — покажу тебе чтось. Пора тебе увидеть.

Моркоша повела меня по чердаку. В конце огромной мансарды виднелась небольшая дверка, а за ней, как выяснилось, хранился всяким хлам. Мы вошли в довольно просторный чулан, заваленный пыльным старьем и затянутый паутиной.

— Там смотри, — велела домовуша, ткнув клюкой в самый дальний угол, а сама, скрестив ножки, принялась наблюдать за моими действиями из-под седых ресниц.

Чихая от пыли, я покорно принялась отодвигать от стены доски и странные конструкции на рамах. И только перевернув одну, ахнула. Черно-белые фотографии, собранные в коллажи под стеклом! Разные люди, смеющиеся дети, природа. Судя по одежде позирующих людей — довоенное время. Детвора в коротких штанишках на подтяжках, женщины в легких платьях и с короткими стрижками, мужчины в шляпах. Много солнца и улыбок. Фоном — дачные домики, колодец, заборчики и река.

— Очень она любила фотографировать, — прошамкала Моркоша. — Утром встанет — и на реку. Комната у нее была, внизу, темная, токмо лампа красная. Все снимала. Жалела, что нечисть на карточках не обозначается. Все повторяла: «Ты, Моркоша, така красивая, в историю бы тебя».

— Ваша хозяйка? — уточнила я, аккуратно расставляя находки вдоль стен.

— Она. Марьяша ее звали.

Сердце у меня глухо стукнуло и оборвалось куда-то вниз.

— Там и ее фотокарточка быть должна, ищи, — велела домовуша. — Большая, как картина. Хозяйка как раз перед тем, как войне случиться, позировала.

— Она воевала?

— Они все воевали — ведьмочки, — грустно проговорила домовуша. — И никто не смотрел, за какой-такой магией числишься. Победили демона, победили — потому что вместе, всем народом. Кто-то не вернулся, но хозяйка моя воротилась. Большие люди ее тут навещали, всем пророчества хотелось. Пока один приезжий ее не увез. Иностранец. Очень сильно влюбился. И она благоволила. Уезжать шибко не хотела. Все ждала, что ее найдут, все перед отъездом повторяла: «Малышка моя вырастет и найдет меня. А если уеду — потеряется след». И тут напроорочествовала. Нашла ведь. Хоть и не так... как хозяйка надеялась.

Мне стало тяжело дышать. Как будто во сне я потянулась к последней в стопке раме у стены. Стряхнула пыль, перевернула, уже зная, кого увижу. Вгляделась в родные черты на фото... и отключилась.

... Очнулась я от того, что меня... вылизывали. Старательно, шершавым языком.

— М-м-м... — простонала я и получила смачный «лизь» в нос. — Малыш? Малыш!

— *Хозяйка Ада*, — басовито протянул зверь у меня в голове. — *Опять потерялась. Не плачь. Кто тебя обидел? Скажи — поймаю и загрызу.*

— Это все летучие мыши, — прошептала я, впиваясь пальцами в шерсть зверя и роняя на нее слезы.

— *Где? Где эти твари?* — встрепенулся Малыш. — *Я всех их в порошок сотру! У-мя-я-яр!!!*

— *Да уж*, — сквозь слезы засмеялась я. — *Мой отважный защитник. Я так соскучилась!*

Села в кровати. Оказывается, меня перенесли в «больничную палату». В ней прибавилось коек, а пространство было явно магически раздвинуто. Рядом под линзой лежал Турнаев. Влад дышал спокойно и ровно. Я с радостью отметила, что полусфера над ним светится слабым зеленым. Значит, его вытащили из Топи! И даже успели нормализовать его состояние!

Это сколько же я без чувств провалялась? Вспомнила, от чего потеряла сознание, и задохнулась от волнения. Попыталась сбросить одеяло. Нужно бежать... нужно что-то делать! Времени нет! Хотя, постойте, времени у меня как раз хоть отбавляй.

— Но-но, — грозно проговорил кто-то рядом. — Лежим, дышим, бессмысленно улыбаемся. Иначе меня линчует твой несносный высший демиург. А Юджин, как известно, обещания держит.

— Тенет? Это ты?

— А кто же еще, ребенок? Кто еще мог доставить сюда твоего драгоценнейшего кота? Если бы ты знала, как он мне надоел, капризный монстр. Он перетянул на себя все внимание моей семьи, которое принадлежит мне по праву рождения! *Сюси-пуси! Ах, киса! Ах, лапочка!*

— *От сюси-пуси слышу,* — Малыш лениво прищурился и пару раз стукнул хвостом по одеялу. — *Целое утро выбирать себе поводок на шею... Ум-р-ряу...*

Я с трудом сдержала хихиканье. Хорошо, что Арчибальд не может слышать моего фамильяра.

Арчи вальяжно развалился в кресле у окна. Он был одет в элегантный темно-зеленый костюм и обут в сияющие лаком ботинки с узкими носами. «Поводок», то есть модный галстук в крапинку, был завязан щегольским узлом.

— Великолепен, как всегда, — улыбнулась я.

— Совершенство – мое имя, — согласился Тенет, наклонив голову.

— А где сам несносный демиург? — спросила я, покосившись на спящего Турнаева.

— Помогает перевозить раненых в укромное место. Магистр Серениус объявился.

— Ректор?!

— Угу, только не радуйся раньше времени. Магистра ищут дознаватели. Бывших студентов Академии отлавливают по одному и обвиняют в сговоре против Министерства. В Октобероне паника, в трех местах образовались прорывы глубинных бесов. Кто-то выпустил рабочих големов из шахт. Колдовки вышли на улицы и требуют равных прав с визардами. Они разгромили магазин амулетов и теперь обладают огромным запасом магии.

— Ничего себе! Им мало милостей от Галады?

— Им всегда всего мало. Как дела у тебя, ребенок? Что ты успела натворить в мое отсутствие?

— Я нашла маму, — выпалила я. — Ну... как бы нашла. Арчи, она не погибла при пожаре! Она каким-то образом перенеслась в другое время!

... — Сестры и их дети. Потенциал. Пробуждение в год Тиары, — пробормотал Арчи, когда я закончила свой рассказ о фотографии мамы и углубилась в более ранние воспоминания. При этом пытаюсь связать вместе все ниточки. — Именно это ты слышала?

— Именно. Галада рассказывала своей дочурке, а я подслушивала. Кто эти сестры, понятия не имею. У мамы была только одна сестра — тетя Рита, но у нее нет детей.

— Ошибаетесь, юная леди. У вас куда более обширное семейное древо.

Мы с Тенетом повернулись на голос. Сквозь стену в комнату медленно просочился полупрозрачный Круфус. Вид у дворецкого семьи Даркроузов был торжественный и... растроганный. Клянусь, на левой щеке Круфуса таяла призрачная слеза.

Попав внутрь, дворецкий обрел плотность и не выдержал — всхлипнул в кружевной платочек.

— Со мной все хорошо, хорошо, — сказал он, отмахиваясь от нас рукой.

Мы же с Арчи ошеломленно молчали, я — более ошеломленно, потому как ни разу не видела Круфуса в проявлении каких-либо эмоций, отличных от ворчливости. Арчи — потому что он вообще призрачного дворецкого ни разу не видел.

— Это Круфус, дворецкий мастера Дебриса, — представила я гостя приятелю. — Это Арчибальд Тенет, мой друг.

Круфус наконец прорыдался и продолжил:

— Я только что говорил с домовушами. Они рассказали о твоей находке и... Я видел фото! Это... неожиданно и так... невероятно. Мой господин столько лет искал сестру леди Стефани. И нашел ее здесь, в этом доме. Одно лицо с мистресс Стефани, бедняжкой! Мэри Даркроуз, разлученная со своей семьей, жила тут, в другое время, в другом мире...

— Нет, — недоумеваю, проговорила я. — Это моя мама жила в этом доме. И она не Даркроуз, а Бартеньева. И не Мэри...

— ... а Марьяна, — Круфус кивнул и шумно высморкался. — Сменить имя было вполне логичным.

— Мою маму все-таки удочерили? — вырвалось у меня.

— По соглашению с Даркроузами, — с явным волнением подтвердил дворецкий, присев на края кровати. Малыш вежливо подвинулся, Круфус поклонился и ему, сказав: — И вас я рад видеть, потомок Деборы. Так звали нашу кошку. Полагаю, это была ваша мама, господин Малыш... Итак. Пророчество о годе Тиары, суть в нем. Маги-пифии выдали его Даркроузам в день, когда родились Стефани и Мэри. По традиции пророчество было представлено обществу, как и оценка магического уровня сестер. Никто тогда толком ничего не понял. Какие-то перемешивания потоков, пробуждение уникального магического таланта у будущих детей девочек... Всех больше волновало отсутствие сильного дара у одной из двойняшек и наличие его у другой — такого прежде еще не случалось. Пророчество пифий посчитали результатом магических помех, на которые был богат тот год. Тем временем видение об инфинумах повторилось у колдовки с высоким потенциалом Глубины, девочки из несвед-мира, которую некоторое время обвиняли в убийстве всей семьи.

— Галада, — прошептала я.

— Она росла в очень религиозной семье, и ее родители искореняли в ней «бесовское» побоями и унижениями. Девочку преследовали видения. После одного из них она узнала о существовании иного мира, магического мира. Другое видение заставило ее уничтожить свой дом и всех, кто в нем находился. В нем ей также якобы сообщили, что мир будет стоять на пороге гибели, что она спасительница и что ключом к спасению являются дочери двух сестер. Девочку заметили, забрали в Магистеррениум, но вскоре бросили на произвол судьбы, уж слишком она была... дикой и странной, непохожей на других детей. Кэйтлин, так на самом деле звали девочку, попала под покровительство придонных ведьм. Так началось ее восхождение. Она рассказала о видении наставницам, и те начала искать фигурантов пророчества, привлекая других придонниц. Кое-какие слухи достигли ушей Даркроузов. Они очень испугались. В отличие от общественности, они всегда всерьез воспринимали пророчество пифий. Маленькую Мэри отправили в другую семью, проживающую в несвед-мире. Это были слабые темные маги, у

которых родилась дочь с довольно высоким уровнем. Бартеньевым... теперь я знаю их имя... хорошо заплатили, их дочери пообещали место в Академии магии, и они дали клятву вырастить девочку. Особого таланта у Мэри тогда не было, никто не знал, что она тоже инфинум с отдаленным пробуждением. Сестры были слишком малы, чтобы помнить..., а я дал клятву о неразглашении. Родители мистресс Стеф пострадали от воздействия Бурой Топи, когда ей было пятнадцать. Я воспитывал ее до полного совершеннолетия. Она довольно рано вышла замуж, родились Минни и Джеймс. По традиции наследования потенциалов мастер Питер взял фамилию жены. Мистресс Стеф и ее муж тщательно скрывали местонахождение своих детей. А дальше... ты знаешь. Стефани и Питер погибли. Их убили. Мастер Авар взял на себя заботу о детях. Ему я уже смог все рассказать, и мы начали поиски убийц моей хозяйки и семьи ее сестры. Поиски вывели нас на Галаду. Однако доказательств ее причастности мы так и не нашли. Донницы пытали мистресс и мастера, пытаюсь узнать, где прячут Минни. А молодые Даркроузы... они предпочли умереть, но не выдать местонахождения детей. Что случилось с Мэри... с Марьяной?

Хотя мне не терпелось увидеть Юда, Минни, Джеймса, мастера Авара и сообщить всему миру, что у меня появилась родня и надежда увидеть маму, я подробно поведала Круфусу о знакомстве мамы с Громовым, моем рождении, нашем бегстве от отца и дне, когда я полагала, что потеряла маму навсегда.

— Думаю, она ничего не знала о своем происхождении, — предположила я. — Просто однажды начала чувствовать магию. И поскольку та магия сильно отличалась от традиционной, не спешила о ней рассказывать даже возлюбленному.

— Это судьба, — Круфус вздохнул. — Видимо, так нужно было, чтобы ты росла, не зная о существовании магического мира, чтобы пробудилась естественным путем... и, в конце концов, все-таки выжила.

... Секретари разложили на столе папки. Александр Громов не спешил занять свое место по правую руку от кресла Его Величества Филиппа Третьего. Министры избранного кабинета возбужденно кучковались по залу для совещаний в ожидании прибытия короля. Его всегда привозили в инвалидной коляске. Пока у Филиппа двигалась

рука и сохранялась относительная реакция, он подписывал утвержденные кабинетом документы.

От окна и от двери до премьер-министра доносились обрывки фраз:

— ... *магическая сигнализация в три часа ночи...*

— ... *проникли во дворец...*

— ... *король в добром здравии, то есть... в своем обычном здравии...*

— ... *принц Айван отрицает факт вторжения...*

К Громову приблизился его помощник.

— Что-то выяснили? — с нетерпением спросил премьер-министр.

Помощник покачал головой:

— Ничего нового. Ночью сработала особая сигнализация, определяющая глубинных бестий. Разработчик, молодой маг, утверждал, что какая-то тварь проникла во дворец. Судя по свечению, не ниже демона седьмого уровня, а то и повыше уровнем, пониже глубиной, — мужчина довольно улыбнулся собственной шутке. —

Самые большие помехи были в покоях Его Величества. Однако, когда мы обыскали спальню короля и дворец, не нашли ничего. Его Величество как обычно встали и извоили позавтракать. Принц Айван утверждает, что сигнализация отреагировала на... его остаточные эманации, дескать, он только что вернулся с ликвидации очага Бурой Топи и пошел навестить отца. Ему поверили.

— А ты, значит, не веришь? — Громов прищурился.

— Я сам проверял работу той магической штуковины. Вряд ли это были остаточные сполохи. Господин Громов, леди О'Мэйли права — нам пора переходить к решительным действиям. Принцы что-то скрывают. Никто так и не показал общественности третьего наследника. И теперь еще это...

— Тише, — велел Громов.

Он сел на свое место, открыл папку, пытаясь сосредоточиться на сегодняшнем проекте. Но мысли о ночном происшествии почему-то тревожили его все больше.

... Все это обсуждалось и не раз. Галада давила все сильнее.

— Монархия обременительна. Она — преграда на пути процветания Магистеррениума, — повторяла Гэл, нервно расхаживая

по спальне. Полы ее алого пеньюара расходились, обнажая прелестные ноги, но Александр вдруг понял, что никакого отклика в нем это не находит. — Король недееспособен, его сыновья слишком подчиняются букве устаревшего закона.

— Все так, Гэл, однако народ пока не готов от отказа от власти короля. Люди любят Филиппа и его сыновей. Они ждут выздоровления короля.

— Король практически мертв! Никто нас не осудит! Власть должна перейти к парламенту! Такого удачного момента не будет больше никогда! Если мы его упустим, если сумеем собственными силами победить расползание Топи, докажем, что в нем виноваты светлые...

— Ты прекрасно знаешь, что в нем виноваты не светлые! — резко осадил любовницу Громов. — Признайся: мы перегнули палку! Вековой баланс энергий нарушен! Альвы покидают Вечные Рощи. Солнечные эльфы-наблюдатели вышли из состава Комитета по предсказаниям! Многолетняя настройка работы пифий сбита! Они не могут производить пророчества без потоков, производимых лунными эльфами! Которые тоже ушли! В знак протеста! Ты понимаешь, к чему мы идем?! К хаосу! Где твое обещанное оружие?!

— Дорогой! — Галада бросилась к нему, опустилась возле кровати на колени. Зачастила с тревожной улыбкой, ловя взгляд любовника. — Ты преувеличиваешь! Да, все... нехорошо, но не настолько, чтобы бить тревогу. Времена перемен всегда несут некоторые неудобства. А оружие есть, это...

— Только не говори, что это моя дочь, — раздраженно отозвался Александр. — Даже если ее найдут, что она может?

— Ты не понимаешь! В моем видении она запустит цепную реакцию. Инфинумов больше, намного больше, чем мы можем представить. Многие просто не знают об этом. Достаточно показать Аду людям — инфинумы начнут раскрываться. И поскольку Ада — дочь человека, занимающего столь высокий пост...

— Этот человек сам хотел бы увидеть свое дитя. Где она может скрываться, где? Без денег, без поддержки, — Громову показалось, что его надтреснувшим голосом говорит уставший старик.

В ответ Галада фыркнула:

— Такая, как Ада, приспособится к чему угодно. Но думаю... нет, я уверена... что она в несвед-мире.

— В несвед-мире выжить еще сложнее, — возразил Александр.

— Это тебе так кажется. А Ада прожила в нем большую часть жизни, без денег, как ты выражаешься, и без поддержки. Свою странноватую свояченицу ты помнишь, верно? Такую школу жизни нельзя не учитывать. Поисковая магия в несвед-мире не действует. Зато там живут придонницы и донницы, которые знают все чудненькие местечки, где может спрятаться маг. Нам нужно искать место с магией и скопление людей. Необычное скопление.

— Почему?

— Твоя дочь притягивает людей. Это свойство инфинумов, если верить трудам Филентьева. Я уже дала задание Леони. У нее есть помощница, Света. Хорошая девочка со способностями к магии связи. Не переживай так, милый! Скоро Ада будет у нас.

... Дверь открылась. Камердинер Филиппа вкатил его кресло. Король сидел, опустив голову на грудь. Седая голова слегка подрагивала. Все, как обычно.

Громов прокашлялся и объявил собрание открытым. Он вкратце изложил суть нового проекта. Изменения касались школ и технических курсов. Отныне преподавателям, владеющим светлой магией, *рекомендовалось* покинуть место по заявлению, зарегистрироваться в специально созданном Управлении и ожидать дальнейшего распределения. Всем, по какой-то причине скрывшим суть своего волшебства, грозило тюремное заключение. Начальству, покрывающему подчиненных с теплой магией, полагался огромный штраф.

После короткого обсуждения и нескольких поправок, министры поставили под документом свои подписи. Проект лег на стол перед королем. Филипп взял в трясущиеся руки перо... и твердо, размашисто перечеркнул лист слева направо и наоборот. Скомканный документ полетел на пол.

— Совсем распоясались в мое отсутствие, голубчики? — негромко проговорил король.

В наступившей в кабинете гробовой тишине Филипп поднял на министров глаза. Его взгляд сразу же устремился к Громову. Премьер-

министр почувствовал себя рыбой, сначала выброшенной на берег, а затем попавшей на горячую сковороду. Король смотрел на него с насмешкой, презрением... и этот взгляд говорил о том, что он полностью находится в здравом уме. Затем Его Величество потянулись и поудобнее сели в кресле. Филипп все еще был бледен, и его левый глаз подергивался. Но судя по лицам министров, никто из них не сомневался, что король вернулся из небытия.

Глава 13. Время принять ...

— Я представляю, что это наша мама, — тихо сказал Джеймс.

— И я, — печально вздохнула Минни. — Они ведь были сестрами.

Я молча притянула детей к себе. Малыш сочувственно положил лапу на колено Джеймса. Мы сидели на полу перед расставленными у стен фотографиями моей мамы, Марьяны Бартеньевой, вернее, Мэри Даркроуз.

У меня появились кузен и кузина. И еще... надежда найти маму. Бабушка, брат и сестра... Я больше не была одна. От всего этого поочередно хотелось то смеяться, то плакать. Иногда мне казалось, что на меня обрушилось столько эмоций, что я перестала их отслеживать и просто плыла по течению. Слезы скорби? Отлично. Радость? Прекрасно. Время от времени получалась дикая смесь того и другого.

В комнату заглянул Юджин, а когда я радостно вскинулась, показал жестом: «не срочно, спускайся вниз, когда освободишься». Демон выглядел уставшим, его щеку прочертила свежая царапина. Ну хоть живой! Это мне теперь каждый раз за него так волноваться?

До меня донесся шум с первого этажа. Кажется, в доме опять гости.

— Ты теперь будешь жить с нами? — с надеждой спросил Джеймс.

— Или вы со мной, — пошутила я.

— Нет, — авторитетно заявила Минни. — Мы вернемся в Магистеррениум, когда злых колдовок победят и нам больше не нужно будет прятаться. Я так устала прятаться! Мы всё время переезжаем. Мы все устали. Авар говорит, я не виновата в смерти родителей, но иногда мне кажется... — голос девочки стал совсем жалобным.

— Мастер Дебрис совершенно прав, — твердо сказала я. — Виноват тот, кто устроил эту отвратительную охоту на тебя, на меня... на нас. Мы не знаем, кто еще пострадал. Столько судеб было покалечено, столько семей разбито. Это война, Минни, и у нас общий враг.

Девочка кивнула и немного приободрилась. В этом помог и Малыш. Мой фамилляр сочувственно лизнул Минни в щеку, и та рассмеялась сквозь слезы.

Мы вышли из комнаты, и дети побежали к лестнице, опередив меня. На первом этаже царило невероятное оживление. Домовуши носились взад-вперед. У лестницы колдовали Ева и еще слабый, но страшно довольный Влад Турнаев — ребята снова расширяли пространство. Возле входа в гостиную появилась еще одна арка, она вела в длинный коридор. Я с любопытством туда заглянула и насчитала шесть дверей. Интересно, у магии расширения есть предел?

— С таким Источником? Нет, — хором важно сказали гордые своей работой Ева и Влад.

Они ушли на кухню, а я услышала голоса из нового коридора и решила полюбопытствовать, кто еще явился к нам в гости. За мной, приняхиваясь, шел Малыш.

За первой дверью, слегка приоткрытой, разговаривали двое, мужчина и женщина. Мне не послышалось? Это правда...?

— Старый дурак! — несколько раз сердито повторила женщина. — Я могла прекрасно отсидеться в тюрьме! Ты усугубил свою вину перед новой властью!

— Наденька, — с легкой иронией в голосе прогудел в ответ мужчина. — Мое положение и так хуже некуда. Новая власть твердо намерена от меня избавиться, она просто еще не нашла способ, который не вызовет общественного резонанса.

— Поздравляю, Максимиан! Моим освобождением ты ей его подсказал! Ладно! Хорошо! Спасибо! Мне действительно было несладко в тюрьме: мне не давали нормально спать, еда была паршивой, а в камере дуло из окна. Но ты перенес меня сюда, в убежище Ады! Нас могли отследить!

— Боюсь, Наденька, наше местонахождение рано или поздно обнаружат и так. Здесь не работает маячковая магия, но донные и

придонные ведьмы отслеживают все слухи и упоминания о необычных явлениях. Такую большую компанию визардов скрыть будет сложно.

— Что ты предлагаешь? — уже спокойнее спросила бабушка Громова.

— Есть только одно место, способное принять всех желающих и защитить их от преследования — Академия, — ответил магистр Серениус. — Сейчас многие опальные студенты нашли убежище на Морозной горе, у Стариновых. Там создан госпиталь для лечения раненых, но скоро власть возьмется и за него. Лишь Академия Баланса может приютить нас в это сложное время.

В щелку двери просочился крошечный рыжий комочек. Малыш издал радостное «Мря-я-я!». Фамильяр магистра, бельчонок Сквирус, запрыгнул к коту на спину и принялся возбужденно носиться по ней, ероша шерсть лапками и ныряя в нее, словно в густую траву. Малыш громко заурчал.

— А! — весело проговорили у меня над ухом. — Вот и Ада. Проходи.

Серениус поманил меня в комнату. Я влетела и с чувством расцеловала бабулю. Отодвинулась и посмотрела на нее с тревогой:

— Ты выглядишь больной.

— Я очень устала, детка, — бабушка махнула рукой и снова притянула меня в свои объятья. — Постоянные допросы, которые они называли «беседами». Беседы, как же! От долгого сидения на холодном железном стуле у меня выкручивало ноги. Я не так молода, чтобы пользоваться неудобной мебелью.

— Тебе срочно нужно к мистресс Аровской! У нее есть чудесные мази!

— Ты права, Адочка. Больше всего мне сейчас хочется прилечь и избавиться от боли.

— Спасибо вам, магистр, — тихо проговорила я, обращаясь к ректору. — За бабушку... и за все. Я вас случайно подслушала. Нас действительно могут найти?

— Боюсь, что да, — Серениус развел руками. — Однако время у нас еще есть.

— Сколько?

— Думаю, неделя или две. Профессор Уиллард рассказал мне о ваших открытиях, однако мне хотелось бы выслушать эту историю от

тебя, Ада. С вашим демоном-асуром я уже познакомился. Мы даже провернули с ним одно очень полезное дельце, правда, чуть не попались, кхе-кхе...

— Они вывели из Топи Его Величество Филиппа, — бабушка наконец позволила себе довольно улыбнуться. — А потом явились за мной. Этот старый дурак и молодой демон Сальди.

— Илья, наверное, на седьмом небе от счастья! — воскликнула я.

— Это точно, — магистр благодушно фыркнул в бороду. — Зато кое-кто другой в шоке.

Взгляд бабули стал несчастным:

— Саша сам виноват, — сказала она с горечью. — Сейчас он или продолжит подчиняться этой безумной интриганке, или прислушается к голосу разума. Посмотрим, что он выберет. Надеюсь, кровь Громовых подскажет ему правильное решение.

— Калмаши отправили в госпиталь на Морозной горе, — добавил Серениус, — там у него будет много работы. Государь собирается прибегнуть к праву королевского вето. Боюсь, это может привести к открытому противостоянию монарха и Парламента, но иного выхода нет.

Я невольно поежилась. Война?

— Один молодой человек жаждет тебя увидеть, Ада, — виноватым тоном продолжил магистр. — Однако ему придется подождать. Отведем Надежду Александровну к целителям, и ты изложишь мне все новости, мне нужен твой... непредвзятый взгляд. Я знал, что ты поймешь, куда отправиться в случае необходимости. Рад, что ты нашла общий язык с Домом и его обитателями.

— Нашла, — кивнула я. — Спасибо, ректор. Да, мне есть, о чем вам рассказать.

... Почти под конец моего рассказа (когда я изложила, все, что знала, о спасении мамы), бабуля сослалась на невыносимую боль в ногах и, прихрамывая, вышла из комнаты. Малыш «сказал», что отведет ее наверх. Мы с магистром Серениусом посмотрели ей вслед и понимающе переглянулись.

— Ты простила бабушку, Ада? — мягко спросил ректор.

— Да, магистр.

Я подтвердила слова кивком. Такой уж я отходчивый человек — легко забываю обиды. Надежда Громова была против брака мамы и отца, и это по ее указке отец так легко от нас отказался. Слишком легко. Когда люди действительно любят, они не слушают запреты.

Но это было давно. И я не сержусь на шпильки и сарказм Надежды Громовой. В отличие от леди О'Мэйли она никогда не пыталась причинить мне вред чем-то иным, кроме слов. Быть может, нас с бабушкой и свел общий враг — Галада, однако в трудную минуту мне помогла именно бабуля.

— Разумный поступок, Ада. Надя любит тебя... так, как умеет.

— Ради меня она пошла против Галады и моего отца.

— Я хорошо знал прежнюю Надежду Александровну, — продолжил Серениус. — Сейчас она совершенно другой человек, и ей стыдно за прошлые ошибки. Отдавая тебя в руки Громовых, я тем не менее был уверен, что при всех своих недостатках и предубеждениях, Надя — человек чести. Однако я и предположить не мог, насколько изменятся ее убеждения из-за глупых поступков твоего отца.

— Вы с бабушкой старые знакомые?

— Да, Ада. Я к ней сватался. Просил ее руки, когда мне было двадцать четыре. Это было очень давно.

— Вы? — я раскрыла рот от изумления.

— В то время, когда я был ветреным, свободолюбивым юношей, на Надежде уже лежал груз ответственности за репутацию рода, чистоту крови, — ректор невесело усмехнулся, — и прочие глупости, которые люди выдумали в попытках хоть как-то упорядочить жизнь. Мы с Надей учились в Академии Баланса, когда она еще была Академией Высшей магии для темных. Я уже тогда мечтал разрушить навязанные нам ограничения — создать учебное заведение, в котором на равных обучались бы светлые и темные визарды. Мои идеи не встретили у семьи Надежды понимания, мне отказали, и Надя как послушная дочь вышла замуж за твоего дедушку.

— Выходить замуж по требованию семьи — дикость, — пробурчала я. — Все эти браки по договоренности, помолвки с детства. Все ради старой крови. У вас мужчины даже фамилию жены берут.

— Да, когда кровь жены старше и сильнее магически, — кивнул Серениус. — Считается, что имя тоже несет магию, звуковую, и она

отзывается в детях.

— В доме отца я все время повторяла, что не Громова, а Бартеньева. Получается, я...

— ... невольно заявляла о магическом превосходстве по материнской линии, — подтвердил ректор. — Судя по гримуару твоей мамы и ее записям, так оно и есть.

— Я могу забрать ее книгу себе и продолжать в ней записи?

— Конечно. Трудные времена минуют, мы вернемся в стены Академии, и мамин гримуар очень тебе пригодится. Ты ничего не слышала о своей тете?

— О Рите? Нет, ничего. Зато я теперь понимаю, откуда растут ноги у всей ее ненависти к маме. Уж Рита-то наверняка знала, что мама — приемыш. По сути, они были совершенно чужими людьми. И в плане маминой одаренности она явно что-то подозревала. Магистр, почему маму перенесло в прошлое? — не выдержала я. — Ведь она тоже была инфинумом, знала различные заклинания и могла оперировать сразу двумя видами магии.

— У меня есть одна версия, — с некоторым сомнением проговорил Серениус. — Я, конечно, могу ошибаться, однако осмелюсь предположить, что роковую роль там сыграл пожар. Огонь — особая субстанция. Светлую магию он усиливает, темную ослабляет. Кроме того, ты упоминала, что вы жили возле древнего капища. Не удивлюсь, если это был жертвенник истинных ведьм, по преданию, они как раз практиковали смешение потоков, как инфинумы. Возможно, пытаясь вырваться из огня, твоя мама задействовала какие-то сложные композиции, и они были искажены внешней магией. Искажение было настолько сильным, что возник временной проход. Увы, Ада, об управлении временем мечтают не только несведы, но и маги — но только мечтают. Существует целая магическая наука — темпороведение. Кстати о времени. Юджин Сальди уже стер своими сапогами ковровую дорожку перед дверью. И как бы мне не хотелось верить в невозможное, его интересуется не беседа с ректором Академии, а некая молодая особа девятнадцати лет. Мы еще поговорим, Ада. А сейчас иди, мне нужно подумать.

— Хорошо, — я послушно встала, пошла к двери, но потом резко развернулась, подбежала к магистру и порывисто его обняла. — Спасибо! За все-все!

Юд действительно ждал в коридоре. Демиург затащил меня в какую-то нишу с раскидистым фикусом (Ева и Влад предусмотрели в коридоре элементы экологичного декора) и пылко поцеловал. Потом почему-то взял меня за руку, приложил мою ладонь к своему лбу и закрыл глаза. Его рука слегка дрожала.

— О-о-ох, — растроганно проговорила я. — Это так мило. Что с тобой? Тебя трясет. Это потому, что ты скучал?

— Нет! — рявкнул Юд на весь коридор, раскрыв глаза и полыхнув алым взором. Малыш, появившийся было в арке, прыснул куда-то в сторону. — Это потому, что я дико зол! Мне только что рассказали, как ты помогала несведке! Девушке, утянутой демоном! Одна помогала! Я-то думал, вы ходили на Глубину единственный раз и целой командой! А ты успела прогуляться туда в одиночку!

— Конечно, — виновато втянув голову в плечи, пробормотала я. — Как бы я выяснила, что Калмаши...

— Ты хотя бы чуть-чуть осознавала, насколько это опасно?!

— Я...

— Так! Сейчас идешь за мной! В сад! И мы тренируем боевые пассы! Я все равно не смогу отговорить тебя от...

— ... поиска приключений на задницу, — услужливо подсказала я запнувшегося в поиске подходящего определения демиургу.

— Именно! — проревел он. Малыш крадучись добрался почти до середины коридора. Его вынесло за арку вместе с вцепившимся в шерсть Сквирусом. — Но хотя бы научу как следует защищаться!

— Меня учили Тенет и Кро...

— Отставить Тенета и Кроффа! За мной, кадет! Ать-два!

— Ладно, ладно, — покладисто согласилась я, цепляясь за руку Юджина. — Как скажете, мой генерал. Все в сад.

... В саду было... людно. Аровская и Дебрис, Ева и Влад, Уиллард и Ора, Тенет и... Крофф и даже Минни и Джеймс — все были заняты возведением защиты. Маги разгуливали вдоль забора и чиркали пассами по воздуху. Повинуясь движению их когтей, вокруг участка уплотнялся воздух.

— Магический экран. Как вокруг Академии. Магистр Серениус считает, что мы не настолько в безопасности, как хотелось бы, —

озабоченно проговорила Ора, взмахивая рукой.

— Но мы же в несвед-мире, — пробормотала я. — Кто может найти нас здесь, у черта на куличках, в дивном местечке под названием Перпедыжи?

— Визард Сальди, — демона подозвала сирена, — помоги мастеру Авару.

Юджин бросил на меня встревоженный взгляд и пошел к учителю. Дебрис немедленно привлек его к «магически сложному участку», а Инга присоединилась к нам с Орой.

Вот и потренировалась. А я уж собиралась уговорить Юда на поощрительный поцелуй после каждого удачного боевого пасса.

— Не забывай о донницах и придонницах, — напомнила мне Аровская. — Они знают все места силы, наверняка и это местечко у них на примете.

— Да уж, верно, — нехотя признала я, вспомнив разговор бабушки и ректора. — Будет ужасно, если этот дом пострадает. Это... мой Дом! И память о маме.

— В случае нападения мы здесь не останемся, — сказала мистресс Инга. — Нам никогда не превратить это место в неприступный бастион. И хотя здесь тоже есть источник силы, он недостаточно силен для долгосрочной подпитки. Однако и всякой-разной швали безобразничать тут мы не позволим, — Аровская усмехнулась и добавила какой-то заковыристый пасс.

Ора отошла к своему обожаемому профессору, а я украдкой шепнула сирене:

— Ваше... проклятье непреодолимой притягательности. Кажется, оно больше не действует.

Аровская вздрогнула и потянула меня к яблоням:

— Вот, Ада, обрати внимание! — громко сказала она. — Как специалист по Предотвращениям могу сказать, что деревья вполне неплохо ... — и понизила голос: — Ада, на мне больше нет морока.

— Что? — изумилась я.

Пристально вгляделась в сирену. Хороша: изящна, большеглаза и с завораживающе прекрасной фарфоровой кожей. Волосы поменяли цвет на светло-русый, больше не висят паклей, но и не вьются нереальными локонами. Фигура очень привлекательная, но от давящей сознание стати богини остался лишь гибкий силуэт. Инга не

сногшибательна — просто красива. В стиле «мегеры» сохранились безобразные очки, они немного скрывают изменения.

— Как ты думаешь, все заметят, если я и их сниму? — спросила Аровская.

— Они же не видели вас без морока, — убежденно заявила я. — И скорее всего, забыли, как выглядит Аровская-жуть... извините. Люди просто скажут, что любовь преображает. Но... как?

— Суть проклятия была в том, что меня должны полюбить в образе «чудовища», — мило краснея, сообщила мистресс Инга. — Я никогда не думала, что это случится, и просто смирилась. Скрывала свой реальный вид, потому что от него было огромное количество проблем, ты даже не представляешь, каких.

— Дуэли? Серенады? — шутливо поинтересовалась я.

— Дуэли, серенады, — без тени улыбки ответила сирена. — Три попытки самоубийства, одна успешная.

— Ох. Кто вас проклял?

— Ты не поверишь — Галада, — процедила сирена. — Однажды я перешла ей дорогу. Так что у меня к ней личные счета.

— Вот это да, — ошеломленно пробормотала я. — Наш пострел везде поспел.

— Да уж.

— Но теперь ведь все хорошо? Он вас любит! Иначе проклятие не спало бы. А вы? Вы любите масте...?

— Тише, — умоляюще прошептала Инга. — Мы с Аваром еще не обсуждали наши... чувства. Скажу только, что мастер Авар самый благородный и добрый визард из всех, кого я встречала.

— Тут и обсуждать нечего. Авар Дебрис смог разглядеть вас за мороком, — уверенно рассудила я. — Он говорит... и смотрит не как равнодушный мужчина. А вы стали такой красивой!

— Но я светлая, а он темный. Нам нельзя быть вместе.

— Гадание. Предсказание, — я хлопнула себя ладонью по лбу. — Ну конечно. Знаете, мистресс Аровская, учитывая последние события... может, это уже неважно, а?

— Возможно, — сирена слабо улыбнулась и огляделась. — Прекрасное место. Я бы погостила здесь подольше, но нас ждут в Магистеррениуме.

После обеда (нам пришлось увеличить как стол, так и столовую) я подошла к Юджину и вкрадчиво поинтересовалась:

— Ты отдохнул?

— Почти восстановился.

— Как себя чувствуешь?

— Отлично.

— А золотые пуговицы с мундира все продал?

Демиург рассмеялся:

— Я их за всю жизнь не потрачу, у нас в семье огромный запас пуговиц и аксельбантов. Только я ведь на осмотр деревень без мундира отправился.

— Тогда возьмем мой кулон, — поразмыслив, решила я. — Вдруг я ошиблась, и это была не она. Не напрягайся. Продавать твой подарок я не собираюсь.

Я посвятила Юджина в свои планы. Мы выбрали демону неброские джинсы, простую футболку и бейсболку в магазине у станции и добрались до города на электричке.

Ломбард работал, но за прилавком была другая девушка.

— Простите, — обратился к ней Юд. — Мы у вас уже были. И вот хотели узнать насчет вашей сменщицы...

— Вари?

— Да.

— Так она болеет, — нехотя проговорила консультант. — Вот недавно совсем на поправку пошла.

— Да что вы!

Девушку обаятельный Юд постепенно разговорил, даже не понадобилось отвлекать ее кулоном (который мне, честно говоря, не хотелось отдавать в чужие руки даже на секунду). По мере того, как консультант ломбарда с упоением рассказывала о последних событиях, потрясших небольшую контору, я понемногу успокаивалась.

Да, именно работницу скупки, которой мы в прошлый раз сдали золотую пуговицу, я видела в числе невест Калмаши. Сменщица рассказала, что Варя по необъяснимой причине впала в кому, а потом так же неожиданно из нее вышла. Все в шоке.

Значит, Калмаши сдержал слово, вернее, вынужденно подчинился, и девушки на свободе. Словно камень с души упал.

Выйдя из ломбарда, я уговорила Юджина немного погулять:

— Я так соскучилась по моему родному городу! Ну Ю-ю-юд. Ну пожалуйста. Это абсолютно безопасно! Магический поиск здесь не действует, ведь донницы ищут места, а не людей! А у меня такое прекрасное настроение! Давай погуляем!

— Ну хорошо, — сдался демон. — Но только недолго.

Я выбрала парк в самом центре города. Солнце садилось, и на асфальте играли золотые тени. Было тепло и... спокойно. Но недолго. Сначала словно обручем стиснуло виски. Я охнула и покачнулась. Затем меня затошнило, перед глазами запрыгали пестрые пятна. Они то складывались в знакомые черты, то распадалась на кляксы.

Встревоженный Юд посадил меня на скамейку и попытался выяснить, что я чувствую. Я попробовала описать.

— Похоже на ментальный прорыв! Не поддавайся.

— Я и не... поддаюсь! Но у меня сейчас голова лопнет! Юджин, когда я закрываю глаза — вижу лицо тети Риты. Это она пытается пробиться? Ох, больно же!

— Похоже на то. Твоя тетя сильный маг?

— Я не знаю! Она ушла из Академии — это все, что мне о ней известно. Юд, опять!

— Ты ее слышишь? Что она говорит? — настойчиво проговорил демон, присев передо мной на корточки.

— Она говорит «пожалуйста, Ада». И еще у нее очень испуганный вид.

— Это может быть ловушкой.

— Я понимаю. Но это моя тетя. Вдруг с ней что-то случилось! Или она сможет рассказать мне о маме.

На нас оглядывались редкие прохожие. Юджин сел рядом и прижал меня к себе. Теперь он выглядел как парень, утешающий расстроенную девушку.

— Я никогда раньше не сталкивалась с этой... ментальной, — морщась, пробормотала я. Боль немного стихла.

— Менталистов среди визардов мало, это редкая магия. Просто не отвечай ей. Держи защиту, — резко велел Юд, зорко оглядываясь, словно стараясь разглядеть в кустах донных ведьм. — Когда станет легче, потихоньку двинемся на вокзал. Дома тебя посмотрит профессор Уиллард.

— А если я не выдержу? — простонала я. — Ну вот, опять! С тетей Ритой что-то случилось, Юд!

Но голос, который я услышала в голове следующий момент (заглушивший опасную магию) был совершенно другим:

— *Хозяйка! Что с тобой? Тебе плохо? Я иду к тебе!*

— Малыш! — вскрикнула я, подпрыгнув на скамейке. — Юд, я слышала Малыша! *Малыш, это ты? Я в порядке! Со мной все хорошо!*

— Что он говорит? — в глазах у демона появилась надежда.

— *Хозяйка, я уже тут. Я промахнулся! Много деревьев и травы! Позови меня. Голосом.*

— Он говорит, что он тут и промахнулся. Малыш!

— *Я здесь!*

Кот вылетел из кустов, напугав женщину с крошечным шпиком. Малыш сделал круг почета вокруг обескураженной собаченции, явно доселе не видавших столь корпулентных представителей семейства кошачьих, и весело рванул к нам по дорожке. У хозяйки шпика на лице появилось то же ошеломленное выражение, что у её питомца. Оставалось только надеется, что она примет Малыша за особо крупного мейн-куна.

— Уф, — Юд вытер пот с лица. — Кажется, твой дебордер наконец-то научился пробивать пространство. Значит, и нас отсюда вытащит.

Глава 14. ... и простить

Я чесала Малыша между ушами и постепенно успокаивалась. Парк опустел.

— Как нам воспользоваться магией Малыша? — спросила я у Юда. — Мы такое еще не проходили, а у Тенета и Кроффа фамильяров нет.

— Все дебордеры разные, — уклончиво сообщил Юд. — Это... индивидуальная магия.

— А, ты тоже не помнишь.

— Вроде что-то припоминаю, но... про котов — увы, — Юджин снял бейсболку и задумчиво поскреб лоб. — У нас в Университете дебордеров вообще считали псевдонаучным явлением.

Малыш фыркнул:

— *Почеши ему морду, хозяйка Ада, у тебя это лучше получается. Вам не нужно волноваться. Я хорош во всем! Я прекрасен!*

— Знаю, знаю, — сказала я. — Но что нам делать?

— *Просто оставайтесь рядом. Я иду! Я рассекаю пространство... Ну, что застыли? За мной!*

— Малыш говорит, что мы должны идти с ним, — я передала слова кота Юду.

— Значит, встаем и идем, — рассудил демон. — Одно я знаю точно: дебордеры используют другую магию, совершенно отличную от потоковой.

Мы действительно двинулись по аллее парка, я слева от Малыша, Юд — справа. Постепенно свет фонарей становился тусклым и рассеянным, очертания деревьев расплылись, и вот мы уже не видели плитку под ногами. Это было похоже на туман, но при этом я понимала, что мы уже не в парке.

Каблучок моей босоножки звонко цокнул. Малыш остановился, а с ним застыли и мы. Нас окружала золотистая дымка, в ней закручивались искристые водовороты.

— *Мы на месте,* — торжественно сообщил Малыш.

— Да, но где? Скользко. О боже!

Дымка яростно закрутилась и потянулась в разные стороны. Мы с Юдом оказались в холле незнакомого роскошного дома. Но я смотрела не на его убранство, а на алую лужицу под ногами. В полуметре от моей ноги лежала бесчувственная окровавленная Пшенка.

Я бросилась к домовушке, упала перед ней на колени, трясясь от ужаса:

— Пшенка, милая... что же это?! Юд!

Демон был уже рядом, он осторожно и сосредоточенно обвел пассаами тельце служанки. Малыш устремился под лестницу:

— *Здесь еще двое,* — сообщил он оттуда. — *Маленькая тетенька из кухни. Я ее помню.*

— Малыш нашел Ржанку, — прохрипела я. — И, видимо, Сливку.

— Ада, знаешь это место? Где мы? — спросил Юд.

— Думаю, мы в новом доме отца. Он переехал в апартаменты возле министерства. Ни разу здесь не была.

— *Вы там, где нужнее всего,* — важно произнес Малыш. — *Я молодец?*

— *Ты самый лучший*, — рассеянно отозвалась я.

— Пшенка жива, но потеряла много крови, — встревоженно проговорил Юджин. — Малыш, ты ведь и временем управляешь?

Я повторила слова демона коту.

— *Я дебордер!* — гордо напомнил тот.

— Можешь отправить домовушу в стазис?

Малыш напряженно повел ушами с кисточками на концах. Пришлось быстро объяснить ему, что имел в виду Юджин.

— *Время? Немного притормозить время? Тяжело. Могу.*

Пшенку окутало зыбкой дрожащей пленкой стазиса. Малыш, громко мурча, повторил тот же ритуал со Сливкой. Я воочию видела, как его мурчание расходится звуковыми волнами и оседает вокруг домовушек зыбкими «пленками». Однако Ржанка вдруг вздрогнула и открыла глаза:

— Бегите, Ада Алекс...андровна. Бегите.

— Почему?! Что случилось?!

— Оса... все-таки ужалила... хозяин...

— Папа?! Что с ним?!

— Оставьте нас... бегите...

— *Не бойся, хозяйка Ада. В доме только один человек. Он наверху.*

Мы с Юдом переглянулись. Демон огляделся, стянул с ближайшего кресла плоскую подушку и аккуратно уложил на них домовушек. Я уже стояла на первой ступеньке. У меня хватило благоразумия не побежать наверх сразу, а сначала прослушать и подготовить свой резерв. Все в порядке, все каналы работают. Но покрытие лестницы все же слегка покрылось изморозью.

Юд подошел и одобрительно кивнул, отметив мой невиданный самоконтроль. В его руках зазмеился призрачный кнут, а за плечами выросли нетопыриные крылья. Я почувствовала под рукой мягкую спину Малыша. Мы начали осторожно подниматься.

... Александр Громов лежал в кабинете слева от лестницы. Он был одет в форменную министерскую мантию, которая набухла от крови. На нем не было одной туфли и носка. Ступня была покрыта мелкими порезами.

Я пошатнулась: мне показалось, что отец мертв.

— Жив, — коротко бросил Юд. — Большая кровопотеря. Здесь были глубинные твари. Кто-то материализовал их совсем недавно, здесь еще смердит болотом.

— Галада, — выплюнула я.

Мне было страшно, очень страшно. Малыш деловито замурчал. На этот раз потоки стазиса формировались медленно, словно неохотно.

— *Много плохой энергии*, — прокомментировал этот момент Малыш. — *Как от летучих мышей, фу!*

Я коснулась щеки отца дрожащими пальцами.

— Пап?

Он распахнул глаза так резко, что я вздрогнула и всхлипнула.

— Ада? Ты была права, — прошептал папа. — Я рад, что увидел тебя перед смертью. Пусть так... пусть ты всего лишь мне чудишься... Могу сказать тебе... что виноват... Ты услышишь... поймешь...

— Нет, папа, я здесь! Я не видение. Мы тебе поможем.

— Она была зла на меня... что я уступил, подписал... король... вето... я понял, что так нельзя... мама... домовуши...

— Пап, не говори ничего, — умоляюще прошептала я. — Бабушка в порядке. Домовушки... тоже. Потом. Все потом.

— Она... вышла из-под контроля... жертвы... будут жертвы... нужно остановить.

Наконец, магия Малыша подействовала, и лицо Громова застыло. Над ним затрепетал экран магического вызова. Через светящиеся полосы пробивалось разбитое на полосы лицо. Тетя Рита.

— Ада! Ада, это ты?! Я пыталась с тобой связаться?! Что с Сашей, Ада?!

— Все... под контролем, — выдавила я. — Мы доставим его к врачам.

— Ада, милая, поспеши! — тетя Рита прижала ладонь к губам, давая рыдания. — Он со мной связался, а я уже не успела, ни с кем, только с тобой! Слава Глубине, ты меня поняла! Будь осторожна! В городе происходит что-то ужасное. Кто там с тобой?

— Друг.

— Вы в Октобероне? — спросил Юд.

— Да, я... — изображение померцало, но, к нашему облегчению, восстановилось.

— Где именно?

— В гостинице недалеко от парка Роз. Здесь все мерцает! Что-то горит вдалеке! Слышны крики! Какие-то люди врываются в дома!

— Уходите. Сможете добраться до Академии Баланса?

— Это недалеко. Я попро...

Магический экран потух.

— Я понесу твоего отца, — бросил Юджин. — Ты бери домовушек. От парка Роз до здания министерства час быстрым шагом, а на метлах — минуты. До Академии мы не доберемся, у нас раненые. Уходим в несвед-мир. Малыш?

— *Я готов. Мря-я-у...*

— Подожди, — сказала я демону, напряженно вспоминая один из своих визитов в покои Галады. — Скажи, у нас есть еще пара минут?

Юджин нахмурился, но ответил:

— Раненые в стазисе. Шума с улицы пока нет. Нужно учесть, что Малышу потребуется какое-то время, чтобы открыть проход в несвед-мир. Если хочешь что-то взять, поспеши.

Малыш по-прежнему утверждал, что в доме нет посторонних. Мы поднялись на второй этаж, разделились и быстро прошли по коридору, толкая все двери подряд. Юд нашел комнаты Галады, а я с радостью увидела, что колба с хищными орхидеями на месте. Если я правильно запомнила, из «слюны» бархоток можно было сделать лекарство для заживления ран.

Демон аккуратно снял флорариум с подставки.

— Галада, по всем признакам, ушла из дома налегке, — пробормотала я, осматриваясь.

Юджин хмыкнул и кивнул на низкий столик в изножье роскошной кровати с балдахином:

— Вряд ли ей теперь понадобятся комнатные туфельки с помпонами. Нельзя приручить тигрицу... или змею. Твой отец слишком поздно это понял. Надеюсь, с ним все будет хорошо, — демон, обладающий более тонким слухом, чем я, вдруг насторожился: — Что-то движется в квартале отсюда. Быстрее, вниз!

Умница Малыш, оставшийся присматривать за ранеными, начал свою магическую «песенку», не дожидаясь приказа. Как и в прошлый раз, пространство вокруг затянуло дымкой. Когда мы уже шагнули на дорожку в саду возле нашего убежища в несвед-мире, Юджин, вглядывающийся в клубящийся позади туман, изменился в лице.

— Что? Что там было?! Что ты видел?! — накинулась я на него уже в доме, ярко освещенном и еще более шумном, чем когда мы его покинули.

— Мне кажется, я видел несколько глубинных бесов, — отдышавшись, выдавил Юд. — Неужели колдуны и колдовки используют их в качестве ищеек?

— Если это так, — рядом прогудел встревоженный голос магистра Серениуса, — у нас не так много времени, как мы думали. И все же оно есть.

Какие-то совершенно незнакомые мне парни и девушки в мантиях и эмблемах университета целительства на воротниках без лишних вопросов приняли у нас отца и домовушек и потащили раненых наверх. Я уже не удивлялась новым лицам. Опальные визарды? Добро пожаловать в Перпедыжи. Кстати, вот вам хищные орхидеи. Не захотят делиться лечебным ядом — позовите меня, начнут плевать как миленькие.

Магистр Серениус выслушал подробности нашего рассказа на кухне. Почему-то длинные столы в гостиной не прижились, и вся огромная компания собиралась поближе к чайникам и холодильнику. Разумеется, Ева и Влад раздвинули пространство.

Послушать нас собрались все. Юд закончил свой рассказ в гробовой тишине.

— Итак, — резюмировал Дебрис. — Планам Галады помешало выздоровление короля. Кстати, у нас новость, — мастер Авар создал над столом голографическое изображение газетной передовицы, — Его Величество представил общественности своего третьего сына, принца Элиаса, мы знаем его как Илью. Впрочем, газета вышла утром, что сейчас происходит в Октобероне — неизвестно.

— Я знаю, что в магическом мире у вас остались семьи, но прошу присутствующих не покидать дом в ближайшие нескольких дней и не выходить на связь с близкими и друзьями, — к собравшимся за столом визардам, заметно приунывшим от последних известий, обратился магистр Серениус. — Все мы здесь беглецы и знаем, как важно сохранить тайну. Нас, несомненно, скоро обнаружат, однако к переходу в Октоберон мы пока не готовы. Министерство создало вокруг здания Академии мощное ограждение, а все магические существа на полигонах погружены в стазис. Чтобы пробиться внутрь, нам нужны

накопители, хотя бы самые простые, солевые. Прошу вас поделиться резервом, студенты и преподаватели...

— ... и всем, что можно обменять в несвед-мире на местные деньги, — со вздохом договорил за ректором Влад. — Нам нужна еда. А еще медикаменты и хозяйственные мелочи. Можно, конечно, совершать набеги на хранилища несведов, однако на это требуется много магии, которая сейчас на вес золота. Нам и так придется перевозить припасы ночью по воздуху. Защита вокруг дома имитирует тишину и запустение внутри, но местные магазины наши потребности удовлетворить не смогут.

— Нам токмо продукты, — стесняясь, тихим голосом произнесла одна из домовушек. — Магия у нас своя, справимся и кристаллы зарядить поможем. Круп нам, муки, сковородок бы... парочку, тарелок. Ложек, чашечек там... — девочка окончательно стушевалась от всеобщего внимания и спряталась за Стожка.

— Составьте список, хозяйюшки, — предложила Ева. — А мы уже соображать будем. Я в несвед-мире жила, помогу с закупками.

— И я, — кивнул Влад. — А где возьмем деньги?

— Ломбарды, — с видом опытного несведа важно подсказал Юджин.

Турнаев кивнул и вынул из кармана несколько золотых «гнезд».

— Убери, мальчик, — сухо проговорила бабушка Надя. — Я уже попросила Илью перекинуть нам сюда кое-что из моих безделушек. Не хмурься, Максимиан, посылочку из королевского дворца им вряд ли удастся отследить. К счастью, Илюша выпотрошил мою ячейку в банке раньше, чем началась вся эта заварушка.

«Посылочку» бабуля получила на следующее утро и тут же вручила нам массивную золотую цепочку. Весила «безделушка» прилично. Мы продали ее скупщикам золота на большом городском рынке, где у нас не потребовали документы. Затем мы дождались вечера и накупили продуктов в супермаркете. Никто бы и не подумал, что четверо самых обычных на вид молодых людей (я, Юджин, Ева и Влад) приобретают запасы для магов, скрывающихся от колдуний.

Мы брали крупы, макароны, муку, свежее мясо, посуду и средства гигиены. Рыбой нас обещал обеспечить Стожок. Яйца и молоко можно было купить на станции. В конце концов, мы решили показаться местным вчетвером, в том же составе, что ходили за покупками. По

нашей легенде к «ведьме» приехали друзья. Кто-то из дачников все равно мог слышать шум из дома или увидеть движения в окнах — любопытных в округе болталось достаточно, та же поселковая ребятня в поисках страшилок. А так все можно было списать на шумные студенческие развлечения.

Пришлось взять у супермаркета несколько тележек взаймы. Мы спустились на подземную парковку, слегка поколдовали с камерами наружного наблюдения и, используя накопители, переправили покупки в Перпедыжи по воздуху.

Когда мы вернулись, я немедленно побежала к дверям импровизированного госпиталя на втором этаже.

— Как он? Как они? — волнуясь, спросила я у выходящей из палаты Оры.

— Им повезло. Они будут жить, — улыбнулась лунная эльфийка.

... Однако утром папа и домовушки находились в прежнем тяжелом состоянии. Мы по-прежнему были отрезаны от магического мира. К счастью, в доме имелось достаточно медицинского оборудования — Аровская предусмотрела подобное развитие событий, а Илья помог с доставкой приборов.

— Как отец? — спросил меня с утра Юд.

Он ждал меня у медицинской комнаты, почему-то в своей заштопанной и отстиранной домовушами военной форме. Я с содроганием заметила на ней крошечную заплатку, где ее прорвало льдом Топи.

— Ему перелили кровь. Инга говорит, с ним все будет в порядке.

— А домовуши?

— С ними сложнее. Но Моркоша знает всякие травы и заклинания, на нее вся надежда. Магия домовых — она ведь особенная.

— Вот видишь. Угрозы нет. Почему тогда такой убитый вид?

— Юд, я не смогла его переубедить, — я хлюпнула носом, — папу. Ничего этого не было бы, если бы он мне поверил. Мне нужно было больше стараться, хотя бы записать разговор Осы с дочерью. Как я могла так сглупить? Вела себя... легкомысленно! Я ведь видела Галаду насквозь. Ну... не насквозь, но подозревала всякие гадости. Я и

в доме у них согласилась пожить, чтобы понять, не Галада ли за мной охотилась, уж больно все вовремя произошло: нападение беса, метла... Понимаешь, у Даркроузов мне показалось странным, что Круфус так переживает за Минни и все время говорит об угрозе со стороны колдовок. А потом... потом...

Юд повертел головой, схватил меня за руку и втащил в пустую гостиную. Обнял и положил ладонь мне на щеку, заставляя поднять голову.

— Ты ни в чем не виновата. Твой отец не хотел верить. Он бы в любом случае обвинил тебя во лжи. Вот платок. Утри слезы. Не могу видеть, как ты плачешь.

Платок был казенный, с анаграммой Королевской гвардии Магистеррениума в уголке. Я встрепенулась и с тревогой спросила:

— Почему ты в форме?

— Хочу поговорить с магистром. Илья прислал сообщение. Было плохо видно и слышно, но суть картины мы поняли. В городе всеобщая мобилизация. Ночью колдуны и колдовки атаковали несколько кварталов, где больше всего квартир чиновников и госслужащих. Они использовали глубинных тварей, много раненых и погибших. Гвардия выступила как раз после того, как мы с тобой вернулись в несвед-мир. Бунтовщиков удалось изгнать с центральных улиц, но они отступили на окраины. Я давал присягу, Ада. И мне сейчас сложно решить, где я должен быть. Нет, — демиург аккуратно отцепил от воротника мои скрюченные пальцы. Я цеплялась со всей силой, однако Юд был неумолим. — Не надо делать мне еще больше. Это мой долг. Там мои друзья, они гибнут. Слышишь? Ректор проснулся. Пойду поговорю с ним.

Думаю, не надо упоминать, что во время разговора я расхаживала под дверьми комнаты магистра Серениуса. Мне не стоило бы больших усилий порвать своей теплой магией холодную защиту ректора, поставленную им от подслушивания, но это был не тот случай.

— Ну что? — накинулась я на Юда, когда тот вышел. — Что он сказал?

Демон выглядел озадаченным.

— Я остаюсь, — ответил он. — С сегодняшнего дня в Академии сформирован отряд самообороны, а я его командир.

— Ура! Ты остаешься! Я люблю вас, ректор! — обрадованно пропищала я в сторону двери. — И с чего ты начнешь?

— Организую Штаб. Наша первейшая задача – подготовить массированный прорыв блокировочного экрана над Академией. Несколько магов вчера уже пробились вокруг, так что твоя тетя и дюжина других визардов, застигнутых на улице отрядом колдунов, в безопасности, но магам пришлось залатать прореху изнутри: колдовки тоже пытаются проникнуть внутрь, для них это скорее дело чести, чем военной стратегии. Донники отступили, однако они оставили големов на стенах Академии. Гвардия не стала связываться с этими тварями – присутствие военных требуется за городом. Значит, големы на нас.

— Все равно придется воевать, — вздохнула я. — Но я хотя бы буду рядом.

— Даже не мечтай, — демон прищурился. — Слышишь?

— Сам же говорил: меня легче убить, чем контролировать.

— У меня другая идея, — грозно процедил Юд. — Уговорить Малыша временно поместить тебя в стазис. Разморозим, когда все закончится. Ты будешь сладко спать, а я воевать.

— Ты не сможешь уговорить Малыша, — нагло заявила я, скрывая, что немного струхнула. — **Я** его хозяйка!

— А я за ним ухаживал, пока тебя ловили... то есть искали, — напомнил Юд.

Мы немного поспорили и сошлись на том, что я буду подавать патроны, то бишь заряжать из безопасного места кристаллы.

Очень быстро пролетела еще одна неделя. В доме все были заняты, дело нашлось для каждого. Дядя Петя разнес по округе известие о том, что к «молодой ведунье» приехали друзья-студенты. Пусть теперь кто-нибудь скажет о том, что девахе на самом деле сто лет в обед – нормальная она, и друзья у нее хорошие, уважительные, дяде Пете сразу на пиво дали, за все услуги платят. А то, что бабке Женьке у реки леший привиделся, так то бабка Женька, курица слепая, корягу-притопыша за нечисть приняла и испугалась. А если уж начистоту говорить, чудеса в Перпедыжах завсегда встречались. Уникальное место, феноменальное.

Все бы хорошо, но напряжение нарастало. От того, несмотря на изнурительные тренировки, каждая минутка в доме казалась раем: мир, друзья, вкусная еда, нормальный сон. Все мы знали, что просто

копим силы и вырабатываем стратегию. А что нас ждет в Академии? Вряд ли что-нибудь хорошее.

Юджин все-таки доверился Тенету и Кроффу. Арчи и Шан начали отрабатывать со мной боевые пассы, причем темный Тенет – холодные, а теплый Крофф – поверхностные. Мое тело отвыкло от больших физических нагрузок, мышцы ныли, но горячая ванна творила чудеса, а вездесущая Моркоша дала какую-то замечательную мазь.

Начались дожди. Ева и Влад добавили еще один этаж с залом для тренировок, а на самом верху хитрым архитектурным решением добавили к чердаку мансарду. Я сразу же столбила для себя комнатку – перешла в спальню с одним узким окошком в стене и другим, горизонтальным прямо в крыше. Ночью по нему шуршал дождь.

Однажды вечером я вернулась с ужина и обнаружила в своей комнатке Юда, сидящим на моей кровати. Я застыла в дверном проеме, настороженно глядя на парня. В последнее время между нами происходило что-то... странное, томящее мне душу. Дальше поцелуев дело не заходило, но и те становились все чувственнее.

Однако Юд в тот вечер не походил на решительного влюбленного, покорившего последние бастионы застенчивой барышни. Демон выглядел задумчивым. Он сидел, сложив руки на коленях. И когда я вошла, поднял на меня глаза и сказал:

— Обещай, что не полезешь в самое пекло.

— Обещаю, — сказала я. — Теперь, когда ты просишь так... я обещаю. Есть новости?

— Големы на стенах Академии проснулись и начали разрушать кладку. Ора заметила донницу вчера над рекой.

— Здесь?! — ужаснулась я.

— Да. Судя по описанию, она видела Леони. Миледи – заметная девушка. Впрочем, скрываться она не собиралась. Скорее, намеренно показала Оре во всей красе. Это было предупреждение. Леони вообще любит устраивать шоу, сейчас мы этому только рады. У нас один-два дня, может быть, три. Нам должно хватить, чтобы заготовить достаточное количество соляных кристаллов.

— Но люди в деревне...

— Мы поставили защиту, никто не должен пострадать. К тому же ведьмы сами не дуры, никто из них не станет сражаться в несвед-мире,

где они довольно уязвимы. Нет, если они нападут, то на дом, где есть Источник.

— Мне так жаль мой дом! — вырвалось у меня. Из глаз ручьем потекли слезы. — У меня никогда не было дома. И... и... и появился. И его хотят разру-у-ушить!

— Боги, Ада, иди ко мне. Вот, сядь рядом. Не плачь! Только не плачь! Ты ведь помнишь, что мы приготовили для колдовок? Правильно, парочку сюрпризов, им не понравится, поверь. С домом все будет хорошо. Ведьмы не знают, что мы просто тянем время, они думают, мы здесь прячемся. Поняла?

— Угу, — пробурчала.

— Смешная, — протянул демон, глядя в окно.

— Я?!

— Да. Ты ведь до сих пор считаешь меня чем-то вроде друга. Ты любопытная и жадно изучаешь жизнь вокруг. Но ты не знаешь, что такое любовь.

— Нет, Юд! Я тебя...

— Тс-с-с... — Юджин коснулся пальцем моих губ, и по моему телу пробежала дрожь. Но демон этого не заметил и задумчиво продолжил: — Не надо. Ведь можешь пожалеть. Ты ведь в курсе, что у меня нет особой альтернативы. Я буду любить тебя... хм... он с улыбкой поднял глаза к потолку... пока жив.

— Это проклятье демиургов... — запинаясь, проговорила я, — его можно как-то снять?

— А зачем? — Юд снова ухмыльнулся. — Меня все устраивает. Я же не сказал, что буду сидеть сложа руки. Я просто тебя завоюю. Шаг за шагом, поцелуй за поцелуем. Мужчины моего рода всегда приручали женщин заботой и лаской.

Приручали?!

Юд беззаботно засмеялся, и гневные слова так и остались несказанными. Я не поняла, пошутил он или сказал это всерьез. Демон вышел из комнаты, пожелав мне спокойного сна и еще раз напомнив об обещании не лезть в пекло поперек батьки. Я же осталась наедине со своими мыслями и... громким стуком сердца. Вот же... демоняка! И почему мне так жаль, что он... не остался?

Глава 15. Нападение

Все началось прекрасным летним вечером, когда тягостные ожидания, казалось, отступили, и уже чудилось, что все и дальше будет хорошо.

Мы с Тенетом и Кроффом тренировались в саду. К моему удивлению, Шан, при всей своей внешней мягкости и деликатности, оказался более жестким учителем, чем Арчи. Если Тенета мои стоны и всхлипывания еще могли разжалобить (подозреваю, причиной была все же врожденная лень темного визарда), то Крофф был неумолим. Когда подходила очередь тренировки теплых каналов, Шан жестко гонял меня «по плацу».

Мы тренировались уже час, руки болели, на запястьях вздулись вены, и я начала уныло подвывать. Еще меня весьма сильно отвлекал силуэт Юда в окне второго этажа, там в очередной раз проходило совещание командиров.

— Шан, ты же мой друг! За что?! — скорбно пыхтя, вопрошала я.

— Я твой друг, — соглашался Крофф, — именно потому.

— Когда-нибудь, это тебя спасет, ребенок, и ты еще вспомнишь нашу доброту, — флегматично добавлял Арчи.

Первым наострил уши Малыш, а за ним во тьму сада принялся вглядываться Тенет.

— Что там? — напряженно спросил Шан.

— Ты не видишь? — Арчи хмурился.

— Мое ночное зрение хуже твоего.

— Ветки.

Я тоже посмотрела на деревья. Ветки как ветки, темные листья шевелятся на ночном ветерке. Или это не листья?

— *Летучие мыши!* — оглушительно завопил Малыш у меня в голове. — *Злобные гадкие шпионы! Ух, я вам задам сейчас!*

— Это нетопыри, — подтвердил Шан, догадавшийся о причинах внезапного волнения дебордера..

Фамильяр с громким ревом рванул к деревьям. Летучие мыши облаком поднялись над садом и начали кружить вокруг крыши. Малыш скакал по саду и щелкал зубами.

— Отзови его, — велел мне Арчи. — И быстро в дом!

Малыш подчинился с неохотой. Но мы уже поняли, что вслед за шпионами-мышами к нам с минуту на минуту явятся донницы.

В доме уже начали готовиться к эвакуации. У меня болезненно сжалось сердце: сейчас мы все уйдем в Магистеррениум, а мое убежище останется без защиты. Что бы там ни обещал Юд, мне страшно.

Визарды толпились в холле, все с увесистыми рюкзаками на плечах. Несколько человек сустились вокруг носилок с ранеными. Авар Дебрис громко раздавал последние указания:

— Берегите резерв, прибегайте к накопителям, если нет другого выхода. Помните: мы ограничены в запасах магии. Нас сразу же засекут. Ставьте щиты. Приготовьтесь отражать атаки сразу с внешнего периметра и со стен. На стенах кишат големы, будьте осторожны. Светлые, големы на вас. Они сделаны из льда и тают при...

Я напряженно вслушивалась, отмахиваясь от Малыша. Тогда дебордер, расстроенный тем, что ему не дали поохотиться на нетопырей, просто рявкнул мне ментально:

— *Хозяйка Ада! Выслушай же меня, наконец!*

У меня слегка зазвенели мозги, словно внутри головы ударили в колокол. Выслушав Малыша, я ощутимо хлопнула себя по лбу (что добавило звона, зато привело меня в чувство окончательно) и подбежала к профессору Уилларду, который помогал заворачивать солевые накопители в вощеную бумагу. Уиллард в свою очередь окликнул Дебриса, а тот – ректора и Аровскую. Пока преподаватели совещались, а удивленные визарды переминались с ноги на ногу, я нервно прошептала Малышу:

— Я ты уверен, что справишься? Посмотри, как нас много.

Малыш ответил мне взглядом в духе «*Обижаете, мадмуазель*».

— Ребят, — Наконец, с посветлевшим лицом обратился к нам Дебрис. — Планы меняются. Мы переместимся прямо внутрь Академии.

Собравшиеся в холле «друзья молодой ведуньи» изумленно загомонили.

— А что, так можно было? — громко спросил Влад.

— Сами в шоке, — весело ответил мастер Авар. — Нас проведет Малыш. Оказалось, что он не только может разрывать пространство между мирами – ему еще и щиты нипочем.

Было странно видеть, как присутствующие по очереди «растворяются» в пространстве. Вместе со студентам, помахав мне на прощание, ушли обрадованные приключением Минни и Джеймс. С ними удалился Круфус, привязанный к домовому камню, кусочку серой плитки, что Даркроузы всегда помещали под порог нового дома. Папу и домовушек аккуратно перенесли на носилках.

Малыш пел свою песенку, расхаживая кругами. При этом он не уходил по своей «тропинке», а оставался с нами: мной, Юдом, Тенетом и Кроффом. Я нервно грызла ногти. Вдруг что-то пойдет не так: коту не хватит сил или кто-то заблудится. Или... о ужас!... вместе с беспомощными во время перехода визардами в Академию проникнут донники! Не было никакой возможности проверить, как работают чары Малыша, но кот говорил, что все в порядке.

С основной группой ушел профессор Уиллард. Он единственный вернулся в дом посредством солевого кристалла и отчитался: все прошло хорошо, все переместившиеся попали в Академию, под защиту ее стен и магии, часть визардов обеспечит защиту, пригодятся неизрасходованные накопители. Источнику, на котором стоит Академия, требуется некоторое время, чтобы «проснуться». Теперь очередь за домовыми. Далее две группы во главе с командирами должны выступить к стенам и уничтожить големов.

Юджин коснулся моей щеки губами и исчез в тумане, созданном чарами Малыша, ну да, долгие проводы – лишние слезы, а у демиурга моего приказ.

Домовые устроили целую церемонию прощания с причитаниями и целованием пола на кухне. Но вот отправили и их. Остались только мы с Малышом, Арчи и Шан. Я с удивлением прислушалась: Дом со скрипом вернулся к своим прежним размерам: некому было теперь поддерживать дополнительные помещения, да и к чему?

— Уходим через шесть минут, — Тенет посмотрел на свои золотые карманные часы, извлеченные из жилетного кармана.

— Я успею сбежать на чердак, — встрепелась я. — Заберу фотографии и рюкзак.

— Только быстро, — велел Арчи. — Здесь сейчас будут все донники несвед-мира.

— *Я видел Клауса, — обиженно наябедничал Малыш. — Ушастый предатель! Я же говорил, что он следит за нами, а мне*

никто не верил!

— Летучую мышь Велемиры? — рассеянно переспросила я. — Почему я не удивляюсь?

Я поднялась наверх, вынула мамины фотографии из рамок и сложила их в тубус. Неизвестно, когда я сюда вернусь, пусть память сохранится. Рано или поздно я выясню, как вытащить маму из прошлого. Все остальные вещи были давно собраны, осталось забросить в рюкзак пару кофт и джинсов, подаренных Алисой. Я думала, что моя комната в мансарде исчезла вместе с другими магически созданными помещениями. Но мансарда осталась на месте, возвышаясь над чердаком. Спасибо, домик!

Закончив все дела наверху, я не удержалась, бросила взгляд в окно... и похолодела. Дом был окружен донницами. Ведьмы висели над ним, сидя на метлах, и осыпали сад ледяными бомбами. В некоторых местах защитный экран пытались прогрызть клубки глубинных тварей, однако они один за другим вспыхивали и сгорали в теплых потоках, поставленных светлыми магами. Присмотревшись, я заметила, что за колдуньями поднялся второй экран, закрывший их от поселка.

Самым страшным было то, что происходило это все совершенно беззвучно. Я заворуженно следила, как донницы пробивают экран. Рано или поздно он должен был прорваться... и он прорвался. Жуткая картина обрела слышимость. Я почти оглохла и ослепла от воплей и грохота, когда колдовки устремились к дому — показалось, что они вот-вот уничтожат его своими заклятиями.

— Ничего у них не выйдет, — проговорил над ухом спокойный Шан. — Вот как раз мой любимый финальный момент.

Из-под фундамента брызнули ослепительные лучи. Визжа и ругаясь, колдовки отлетели ко второму слою защиты. Многих перевернуло на метлах, некоторые попадали на землю.

— Все. Даже если у кого-то есть накопители, их расплавил, — Крофф улыбался до ушей.

— А поселок?

— Туда им хода нет. Там нет магии. Мистресс Аровская и мастер Дебрис заблокировали ВСЁ! Да и база военная неподалеку, кому ж охота подставиться под оружие несведов? Ты закончила? Все вещи собрала?

— Да-а-а, — протянула я все еще под впечатлением от увиденного.

— Ведьмы улетают. Идем, нам пора.

Внезапно перед мансардным окошком возник чей-то силуэт.

— Светка! — ахнула я.

Моя бывшая соседка по комнате зависла перед окном и, ухмыляясь, показала мне неприличный жест. Ее волосы, подсвеченные сиянием, развевались в теплых потоках. Выглядела Светка инфернально. В общем, мне ее вид очень не понравился.

Светка сделала пасс, и окошко распахнулось. На меня пахнуло отвратительным амбрэ, в котором отчетливо выделялся запах паленых волос. Донница начала демонстративно медленно формировать в руках ледяной ком. Похоже, она о сих пор считала меня необученной несведкой. Шан невозмутимо стоял за моей спиной в тени комнаты, с руками за спиной, и явно не собирался вмешиваться. «Ага, экзамен в боевых условиях», — догадалась я.

Я встретила ледяной шар, разлетевшийся на острые иглы, потоком жара. Моя магия растопила «подарочек» от бывшей подруги и достигла саму Светку. Донница взвизгнула, перевернулась вниз головой и медленно сползла с метлы. Когда она канула в зарослях шиповника, Шан одобрительно заметил:

— Молодец, Ада.

Мы переместились на пожухлые лужайки Академии. Вокруг царил неприятная, тревожная, давящая на уши тишина — экран гасил и внешние звуки, и как-то воздействовал на акустику под куполом. Я несколько раз тряхнула головой, но это не помогло. Я слышала свой голос так, словно в ушах были плотные наушники.

Свет горел только в высоких готических окнах галереи, да кое-где во дворе перед общежитием мелькали магические огоньки. В общежитии мы обнаружили беженцев. Моя комната оказалось занятой. Я поискала тетю Риту и поспрашивала о ней у измученных нападением колдовок людей. Кто-то сказал, что видел в толпе спасшихся похожую на нее женщину.

Среди царящей повсюду суеты Шан выцепил несколько своих одnogруппников, светлых визардов, и отправился с ними к стене, истреблять проснувшихся големов. Мелкие юркие твари из пыли, льда

и уличного булыжника, поспешно слепленные донниками, пробивали серый камень Академии.

Мы с Тенетом отправили Малыша к магистру Серениусу (на случай, если кому-то срочно понадобится перемещение), сели на метлы и полетели к клеткам с магическими животными. Лететь пришлось через всю территорию. По дороге Тенета переманили в восточной стене, помогать с укреплением защиты, и до вольеров я добралась в одиночестве.

Магические животные находились в стазисе. Я с содроганием прошла вдоль клеток. Внутри они были магически расширены, имитируя естественную среду обитания, и некоторые животные находились в глубине. Единорог, прикорнувший у камня в лесу, уходящем далеко вдаль, меня умилил, а вот огненная виверна, застывшая в гнезде неопытным чучелом, не вызвала желания пообщаться поближе. В любом случае, зверей нужно было пробуждать, иначе внезапные энергетические возмущения могли их ранить.

Я неуверенно подняла руку и прикоснулась когтем к середине ладони, создавая поток, как нас учили на бестиологии. Воздух у вольеров дрогнул и пошел волнами. В соседней клетке гнусаво взывала невидимая за пустынными барханами тварь. Такой рев мы еще не проходили, но можно было догадаться, что он вряд принадлежит какому-нибудь травоядному пушистику.

— Боится, — ядовито пробормотали у меня над головой.

— Трусиха, — подхватил другой хрипловатый голос.

— Слабый поток создала, — зевнул Правый.

— Ох уж эти визарды-недоучки.

— Ничего им доверить нельзя.

— У нее там в шестнадцатом загоне беременный самец ацилоптуса, роды скоро, а она тут резину тянет. Между прочим, стазис для беременных животных — штука бесполезная.

— Я тоже скучала, — скрипнув зубами, сказала я. — Если вы такие умные, может, сами и разберетесь? Вас-то они не сожрут. Тут у некоторых вольеров дверей нет.

— А что? — произнес Правый, выступив из серого камня прямо возле клетки с виверной. — Может, и разберемся. А ты иди пока, ворожи своей нетрадиционной магией. Скоро здесь жарко будет.

— Сначала выпустим тех, кто в бою пригодится, — начал деловито перечислять Левый, — гипогрифов, василисков, виверн, клинозубых мышей.

— Мышей? — с сомнением уточнила я.

— Неуч, — в очередной раз заклеил меня Левый. — Мыши — хитрые, опасные твари. Попадет такая за шиворот — станет не до войны. Ступай, ступай к своим, недоразумение. Расскажешь потом, где шлялась целый месяц. Если жива останешься... кхе-кхе.

Я только бессильно покачала головой. Ну что взять с этих каменных морд? Жизнь человеческая для них — предмет для шуточек.

— Если тебя укокошат, — серьезно добавил мне вслед Правый. — Мы будем плакать. Честно.

— Несомненно. Всплачем, — подтвердил Левый, картинно хлюпнув кривым носом.

И на том спасибо. Я уселась на метлу и взмыла в воздух над подсобными помещениями. Осторожно пролетела над рощицей живых деревьев и огородом с опытными культурами. Большинство растений увяло под экраном, маги успели спасти только животных.

Бой на стенах пока шел вяло, студенты, владеющие теплыми потоками, успевали растворять основу големов, магический лед, а остальные ребята развевали остатки тварей.

Тишина давила на уши. Вот вспыхнул алый свет обратного теплого заклатья, обычно сопровождаемый гулом, — и ничего, лишь земля дрогнула под ногами.

Ни один голем не проник во двор, но их разрушительная активность тревожила. Сколько серых камней они успели выбить и вобрать в себя?

Юд, которого я нашла у западной части ограды, выглядел озабоченным.

— Разведчики сообщили, что со всего города сюда стекаются донники и донницы. В открытую выходят из укрытий и прорывают гвардейский кордон. Все те улицы, что получилось отвоевать накануне, потеряны. Жители укрылись в домах и квартирах, но армия Галады их, к счастью, не трогает.

— Армия Галады? — голос мой дрогнул.

— Да. Маски сорваны. Король пытался выгадать время, вызвать Верховную ведьму на переговоры. Однако выяснилось, что

договариваться уже поздно. Ковен больше не сотрудничает с Высшим советом магов, ведьмы вышли из-под контроля. Они никогда под ним и не находились. Хуже всего, к ним присоединились многие представители радикальных групп, а также те, кто сразу поддержал инициативы партии твоего отца.

— Она ведь была так близка к победе, — прошептала я. — Стоило чуть-чуть потерпеть...

Юджин покачал головой:

— Король пришел в себя, это спутало ей все карты. Филипп — дипломат до мозга костей, но тут или он, или она. Верховная донница рано или поздно лишила бы его трона. После того, как твой отец принял сторону короля, Галаду сорвало. Леони рассказывала, что ее мать вспыльчива, как дьявол. Когда-то она уничтожила собственную семью в порыве гнева. Да, это была инициация, но все могло бы обойтись без жертв. Скажу тебе больше: на Галаде много крови. И еще больше: когда король подвергся воздействию Бурой Топи, поговаривали, что к этому приложили руку донники. А ведь многие из событий запустила ты, Ада, — внезапно заявил Юд. — Ты вытащила Калмаши из Глубины. Хитрый асур так старался избежать наказания, что у него дым из ушей валил от старания.

— Это совпадение, — вздохнула я. — Нам просто повезло, что разум Его Величества не пострадал и Калмаши смог его благополучно погрузить, не убив и не покалечив. Но, Юд, почему Академия? Почему не королевский дворец? Это было бы логичнее.

— Здесь Серениус — человек, чье имя сейчас связывают с Сопротивлением, — серьезно объяснил демиург. — Здесь твой отец, Галаде наверняка об этом известно, мы оставили следы в доме премьер-министра. И здесь... ты. А еще многие светлые маги, которых она ненавидит. Малыш приводит под купол людей с Морозной горы, лесов, куда удалились лунные эльфы и много еще откуда. Скоро экран истончится и лопнет.

Так и случилось. Одновременно с последней фразой Юджина раздался звук, от которого заложило уши. Небо словно рвануло к земле, став ясным и звездным. Тягостная тишина прорвалась, наступило долгожданное облегчение. Однако во двор со стены тут же посыпались десятки големов. Я присоединилась к отряду Шана, а Юд бросился к вернувшимся с облета улиц разведчикам.

Это были Ева и Влад. Ева была ранена, Турнаев соединил их метлы и придерживал Старинкову, аккуратно опускаясь. Тут и там вспыхивали магические окна связи. Кто-то уже вызвал врачей. Еву, бледную, с окровавленным плечом, уложили на носилки. Судя по ране, она попала под рассекающие ледяные иглы.

Влад, которого тоже зацепило, успел сообщить: ближайшие улицы заполнены донниками. Колдуны и колдуньи ведут с собой донных бесов. Отряды королевской гвардии отступили, им на помощь идут регулярные войска, перетянутые в город из земель, где власть захватили повстанцы-донники. Они войдут в город не раньше утра.

Не успел Влад договорить, стена дрогнула. В ней образовалось несколько пробоин. Донники всаживали ледяной таран в выеденные големами пустоты и расширяли его за счет притока холодной магии. Камни трескали, этот звук внушал ужас.

Несколько групп нападавших на метлах (и кольях, на которых предпочитали летать колдуны-мужчины), попытались прорваться через защиту поверх стены. Выше уровня земли держался экран, созданный визардами и самим магистром Кревием. Однако протянуть его ниже не удавалось, там копошилась донная масса бестий и бесов.

Время от времени через стену, пробив экран, перелетали ледяные бомбы. Они вспыхивали холодным пламенем, и их немедленно принимались тушить несколько добровольцев из гражданских, укрывшихся в Академии во время налетов. Экран тут же затягивался — магистр Кревий бегал вдоль стены и, ругаясь, чинил защиту.

Все, кто был в Академии, кроме врачей и раненых, вышли к стенам и встали в ряд, напряженно вглядываясь в темноту. Остатки ледяных бомб освещали их голубоватым пламенем. Мы все понимали, что не сможем контролировать всю стену, даже если Малыш сможет привести сюда больше людей.

С громким грохотом часть стены обрушилась во двор, через нее хлынули донники. Первой моей реакцией был шок. Я так и застыла на дорожке под липой, глядя на троих мужчин, стремительно направляющихся ко мне явно не с дружескими намерениями. Я не могла оторвать взгляда от их лиц. Мне показалось, что ко мне движутся ожившие манекены.

У живых людей не может быть таких неподвижных черт и пустых глаз. Что Галада с ними сделала? Донники уже тянули ко мне руки

(никто из них не выстрелил, я даже подозревала, почему, наверняка, Галада велела взять меня живой), как вдруг меня подняло в воздух. Очнулась я уже над землей. Я висела в мощной руке серокожего великана. Это был бореал, парень с нашего курса. Когда-то он пытался за мной ухаживать, помнится, в те дни вся Академия узнала, что я дочь Громова.

— Спасибо, — прохрипела я.

Бореал кивнул, опустил меня на землю за деревьями, а сам отправил в нападавших волну ярчайшего сияния.

Немного придя в себя, я тоже вступила в бой. Толку от меня было не так уж много, я, скорее, больше пользовалась своими быстрыми ногами и не находила ничего постыдного в том, чтобы бросить в донников теплым заклятием, вывести их на пару секунд из строя, отбежать подальше и дать более опытным визардам закончить дело.

Оглядываясь вокруг, я с трудом верила в реальность происходящего. Картина была ужасной и одновременно завораживающе удивительной. Многие визарды воспользовались помощью выпущенных из вольеров магических животных, кто-то призвал фамильяров.

Вот профессор Уиллард, по уши покрытый копотью, управлял бриарским псевдодраконом. Зверь подчинялся неохотно и норовил избавиться от невидимых магических пут, временами посылая шары пламени не во врагов, а в преподавателя бестиологии. Профессор с ангельским терпением и оскалом на закопченном лице мягко выговаривал непослушному зверенышу. Вот Ора, увеличив своего фамильяра, изящного фламинго, носилась на нем среди нападавших. Птица яростно клевала и топтала донных бестий.

И в следующий момент я заметила тетю Риту. Она стояла возле догорающей ледяной бомбы, с ног до головы покрытая инеем, и отбивалась от десятка глубинных бестий. Именно таких натравила на меня когда-то Галада в доме Громовых. Я отправила огненный шар тете под ноги. Сама удивилась, что попала именно в тварей. Рита подняла голову, увидела меня и кивнула. Я кивнула в ответ. Ну что ж. Будем считать это первым шагом к восстановлению добрых семейных отношений.

Никто толком не понял, когда донные твари клубками откатились к забору, а колдуны и колдовки перестроились и отступили за ними. Внезапно стало тихо, с обеих сторон стих обмен заклинаниями, и только немногочисленные светлые маги, ценные как никогда, стряхивали с одежды сосульки.

Я видела Шана, как всегда невозмутимого. Одно его плечо было скованно ледяным наростом, лед медленно таял, стекая по кожаной куртке.

Большинство защитников Академии воспользовалось паузой как возможностью отдышаться, но, судя по лицам, ни у кого и мысли не возникало, что мы победили или хотя бы добились перевеса в свою пользу. Все ждали. Это было затишье перед новой бурей.

Визарды попытались вынести раненых с поля боя. Их было много, куда больше, чем мне показалось. Я также с ужасом разглядела в дыму носилки, тела на которых были накрыты плащами с головой.

Однако несколько крупных заклинаний ударили по тропинкам перед спасателями, вынуждая их остановиться. Нам дали понять, что наши возможности ограничены. Удары производились сверху, со странных клыкастых тварей, парящих над Академией. Это были темные гарпии, существа полудонные и крайне недружелюбные. Донники разметали защитный экран в клочья. Лишь небольшие заплатки цвета бирюзы светились то там, то здесь.

Галада вошла в дыру в заборе с той же непринужденностью, с которой она появлялась на светских приемах и балах. На Верховной ведьме отлично сидел плотный брючный костюм с кожаными латками. Широкие каблуки высоких сапожек взрывали опаленную почву. За спиной колдовки маячила ее дочь, Леони, окруженная отрядом ведьм в остроконечных шляпах. Светку я среди них не увидела, видимо, бывшая соседка еще выбиралась из зарослей шиповника.

Галада оглянулась, прищелкнула языком и сокрушенно покачала головой.

— Я расстроена! — громко заявила она. — Столько старой магической крови потеряно навсегда. Столько юных жизней исковеркано ранами и потрясением. Да, это был ваш выбор. Однако каждая жизнь имеет значение! — леди О'Мэйли воздела руки к небу. — Сейчас, когда мы тут с вами говорим, взбунтовавшиеся поселки донников уничтожают остатки королевской гвардии. Все кончено,

грядет иное время! Я лично возглавила осаду Академии, чтобы предотвратить ненужные жертвы. Господа, я призываю всех к перемирию! Еще не поздно вступить вместе в новую эру, эру равноправия и справедливости, где каждый получит свой шанс, независимо от происхождения и дара!

Колдовка взволнованно оглядела наши поредевшие ряды. Ответом ей был шорох догорающих пульсаров и потрескивание тающих ледяных шаров. Большинство визардов смотрело на Галаду недобро, исподлобья. Однако я замечала и мечущиеся, полные отчаяния взгляды.

— Дара? — с горечью спросил из первого ряда третьекурсник с факультета целительства, рыжеватый светлый эльф по прозвищу Норри. — Вы изгнали с родных земель всех светлых, нарушили равновесие. В моей семье от Бурой Топи пострадало трое! И вы еще что-то говорите о справедливости?

— Ты прав, мой мальчик, — Галада прижала руки к груди. — Мы совершили ужасную ошибку, нарушив баланс. Вот почему, узнав об осаде Академии, я немедленно полетела сюда. Нельзя допустить, чтобы визарды и дальше гибли! Вы будущее Магистеррениума! Простите нас! Дайте шанс все исправить! Уверяю вас, наши цели изменились! Свержение монархии, всеобщее равноправие, долой сословные ограничения — вот то, ради чего мы воюем! Никакого больше деления на светлых и темных, визардов и донников! Четкий устав Погружения и пользования Глубиной и Поверхностью, места в учебных заведениях, работа после окончания...

— Мы здесь не на предвыборный митинг собрались, — холодно проговорил Влад Турнаев. — Вы обещали универсальное оружие. Где оно?

— Оно есть! Это вы сами! — лицо Галады осветилось улыбкой. — Среди вас появились Инфинумы, люди с двойным даром. Они способны погружаться на немыслимую глубину и брать силу с поверхности. С каждым годом их будет становиться все больше и больше. Бурая Топь им не страшна, у них сверхэластичные каналы и способность к быстрому наполнению резерва. Их дети унаследуют новые качества. Но только я могу защитить Инфинумов от нечеловеческой жадности аристократов, дать им свободу, способность выбирать образ жизни, образование и супругов. Ада, признай, что я

права! — Верховная ведьма обратилась ко мне, а за ней в мою сторону с перешептыванием развернулись все присутствующие.

Я почувствовала холодные взгляды зачарованных донников и растерянные — визардов, по коже пробежал холодок. Эта женщина все так же мастерски владеет искусством очаровывать толпу. Все мои аргументы, выскажи я их сейчас, потонут в ее проповеди. Что толку говорить о том, скольких людей она преследовала и убила? У меня нет доказательств. Их нет ни у кого, даже у мастера Авара.

Дебрис стоял в первом ряду. На его лице пылала неприкрытая ненависть. Рядом, опираясь на его плечо, покачивалась изнеможенная Инга Аровская. Одна ее рука в разорванной куртке была воспаленной, багрово-красной.

Я молчала, беспомощно наблюдая, как Галада плетет свою паутину и затягивает в нее слушателей.

— Вся твоя жизнь, Ада Бартеньева, — пример того, какими жестокими бывают сильные мира сего, так называемые аристократы старой крови. Сначала тебя выбросили на обочину, как ненужную вещь, затем использовали в своих целях.

Я раскрыла рот, чтобы уточнить, *кто именно, помимо отца*, решил использовать меня в своих целях, но заметила гримасу Леони. Заметив, что я на нее гляжу, дочь колдовки выразительно повела глазами. Я проследила за ее взглядом и тут же почувствовала порыв холодного ветра. Это взмахнула крыльями гарпия на крыше галереи. Ее всадник держал в руках ледяной шар, он целился не в меня — в носилки с ранеными. Я проглотила стремящиеся наружу слова.

— Тебя пытались разлучить с любимым, а ты всего лишь хотела счастья! Тебя забрали из Академии, оторвали от фамильяра! — с пафосом продолжала Галада. — Тебе не верили! Твой голос ничего не стоил!

Вот же... стерва! Я снова посмотрела на гарпию и ее всадника. Донник многозначительно ухмыльнулся.

— А мой голос что-то решает? — прозвучало из задних рядов.

Это был Серениус. Он появился из знакомого всем нам межпространственного тумана. Рядом с ним гордо вышагивал Малыш. Из дымки рядом выступило несколько визардов, преподавателей и студентов.

— Магистр, — Галада улыбнулась змеиной улыбкой. — Рада вас видеть. Я вижу, вы привели друзей. Право, не стоило.

Глава 16. Что может быть проще времени?

— Пожалейте детей, магистр, — пафосно проговорила Галада после небольшой паузы, во время которой студенты и преподаватели подвигались все ближе к Серениусу и Кревию.

Через некоторое время мы сгрудились вокруг магистров, и только небольшая группка визардов топталась на дорожке, растерянно переводя взгляд с защитников Академии на Верховную ведьму.

— Дети ни в чем не виноваты. Позвольте им сделать выбор, — продолжала вещать Галада.

— Сдается мне, они его уже сделали, — мягко проговорил ректор. — Юности свойственно быть сильной. Уж мы с тобой это знаем, Кэйтлин.

Судя по тому, каким бледным, одновременно несчастным и злым сделалось лицо Верховной ведьмы, магистр назвал ее именем из давнего, болезненного прошлого.

— О да, — прошипела леди О'Мэйли. — Я знаю. Лорд Максимиан, — похоже, Галаде тоже было известно имя ректора из его прошлой жизни, — вы ведь осведомлены, что в детстве у меня было видение. Как и то, что у меня дар пифии и сомневаться в моих пророчествах, редких, но сильных, нет причины.

Магистр Серениус благодушно кивнул. У него были опалены его длинные волосы, а у магистра Кревия сожгло полбороды. Магистры смотрелись рядом весьма уморительно.

— Мы все заплатили слишком дорогую цену за ваши видения, моя леди, — сказал Серениус, в глазах его на этот раз блеснул нехороший огонек. — Я, со своей стороны, делаю вам встречное предложение: отступите. Сдайтесь правосудию. Ты совершенно права, Кейтлин, когда говоришь о несправедливости и о том, что мир изменился. Старокровки вымирают, их магия не наследуется потомками. Младокровки слишком слабы, их прельщают возможности Глубины. Дальнейшее игнорирование этих фактов приведет к хаосу, я сам часто об этом говорил, однако меня не слушали. Но магию нельзя спасти путем кровопролития. Бурая Топь слишком любит человеческие жертвы. Возможно, инфинумов будет становиться все

больше, но пока лишь светлые маги способны смягчить темных магов, помогали тем обуздать свое желание доминировать и разрушать.

— Я видела инфинума! — выкрикнула Кейтлин О'Мэйли. — Девушку! Она погрузилась на самое дно и поднялась на поверхность! Она спасла человека, очистив его ауру от разрушительного переохлаждения! Я все это видела! Я не смогла рассмотреть лица, но клянусь жизнью, она коснулась дна!

— Вы путаете, леди, — сквозь зубы процедила Инга Аровская, — это был бес. Или демон. Только они могут погружаться так глубоко, что опускаются на дно.

— О, я вижу, кое-кто научился разбираться в темных материях, — фыркнула Галада. — И вернул нормальный облик. Выучила урок, сирена? Больше не будешь переходить дорогу ведьмам? Понравилось быть неотразимой куколкой, игрушкой надменных самцов? А ведь я всю жизнь так живу. Но нет, больше никаких глупых мужчин, считающих женщину приложением к своему эго... Это был не бес! — колдовка вновь обратила свой полубезумный взгляд на магистра Серениуса. Теперь стало хорошо видно, что она с трудом себя контролирует. — И не демон! Вы не понимаете! Это Дар! Это могущество! Это избавление от главного препятствия на пути к власти над Глубиной! Больше не нужно будет заключать сделки с тварями и пачкать руки, убивая несведов! Кровь инфинумов, смешанная с кровью младокровок, даст новое поколение всесильных магов! Я сейчас уйду отсюда. Но не одна. Вы отдадите мне Аду и Минни Даркроуз! Иначе...

— Моя дочь не станет инкубатором для утопических целей новой власти!

Я не сразу узнала этот грозный хриплый голос — отец никогда так при мне не разговаривал. Александр Громов стоял в дверях галереи, за его спиной маячили испуганные медсестры. Донник на крыше поднял руку с ледяным шаром, но Галада покачала головой.

Отцу позволили выйти вперед. Он шел, подволакивая одну ногу. Вокруг ногтя на его левой руке клубился бирюзовый туман.

— Моя воспитанница Минни находится под защитой... — грозно начал Авар Дебрис.

— ... всех нас, — закончила за него Аровская. — Как и Ада. Мы приказываем вам сдаться и принять наказание.

— И это будет очень глупо! — прорычал отец, стремительно, несмотря на хромоту, приближаясь к кучке визардов. — Потому что она просто прикажет вас уничтожить. Не играйте в благородство с этой женщиной, она не понимает, что это такое. Вы отдадите ей детей, она прикажет всех вас перебить. Сюда идет армия короля, он смог со мной связаться. Мы будем сражаться, но пока жива эта женщина, донники находятся под ее чарами.

— Мой славный, проницательный, ручной и очень громкий песик, — губы Галады растянулись в улыбке. — Что же ты раньше не рассмотрел мою суть? Много же времени тебе понадобилось. Ты такой же трус, как и прежде, Алекс. Только болтаешь. Мог бы кинуть в меня заклинание из окна, но ты...

— ... подбирался поближе, чтобы наверняка, — сказал отец и запустил в голову бывшей любовницы мгновенно раздувшийся ледяной шар.

... Никто не ожидал, что Галада пропустит удар. Она успела лишь слегка отшатнуться, и выставить руку. Шар рассыпался, не долетев, и когда вихрь от ледяных игл улегся, Верховная ведьма стояла на том же месте.

Я посмотрела на отца. Он улыбался и глядел в глаза Галаде. Он знал, что удар достиг цели, хотя внешне догадаться об этом было трудно. Но он знал, что удар достиг цели. В его улыбке были сожаление и решимость.

Галада тоже глядела на него. Через несколько томительных секунд она улыбнулась и начала оседать на землю.

Я видела Леони, бегущую к матери, и то, как всадник гарпии отправляет свой шар в самую толпу визардов. Серениус прикрыл нас куполом, чтобы защитить, а я почувствовала, что попала в ловушку. И хотя мне было совершенно не жаль Галаду, я с ужасом наблюдала за тем, как она падает.

Происходило что-то плохое, непоправимое. Я что-то упускала и теряла шанс... какой шанс? Почему?

— Малыш! *Малыш!* — я кричала и звала фамильяра, мысленно и вслух.

— *Хозяйка Ада! Я здесь!*

— *Сделай что-нибудь! Она должна выжить!*

— *Хозяйка Ада, будет сложно, но я попробую!* — отозвался кот, поняв меня с полуслова.

Сначала Малыш вывел меня из-под купола. Перенес через границы, чуть помурчав и встопорщив усы.

Миг – и я уже стою у тела Галады. Рядом с ней бьется в истерике Леони, а в разбитые ворота вливается армия донников. На их лицах – решимость. Смерть предводительницы – отличный повод, чтобы устроить настоящую бойню. Теперь никто не скажет, что колдуны и колдовки не пытались договориться.

Однако Галада еще жива. Защитная магия помешала ледяному шару уничтожить тело, но не спасла от взрыва внутренних каналов. Диагноз налицо, точь-в-точь, как в нашем учебнике по последствиям применения боевых заклятий: бледная кожа в точках кровоизлияний, посиневшие ногти и ведьминский коготь, который пошел трещинами.

Сердце бьется, но скоро энергетический шок собьет с ритма все органы. Агония может длиться несколько дней... или месяцев... или лет, в зависимости от силы мага. Галада – очень сильный маг. Не менее сильный, чем король Филипп, а ведь ее ранение сродни Бурой Топи. Никто не даст мне гарантий, что она останется жива и я смогу до нее добраться. Поэтому я решила действовать на свой страх и риск.

Из-за забора доносились крики, вслед за донниками в дыру прорвался Юджин, которого я безуспешно искала и не могла найти глазами в толпе во время проникновенной речи Верховной ведьмы. Значит, он прорвался, значит, привел с собой гвардейцев.

Я видела, как, отбивая атакующие заклинания, Юд, в свою очередь, ищет взглядом меня.

— *Малыш, ты можешь повернуть время назад?*

— *Я – дебордер, но я еще... маленький дебордер,* — было странно слышать подобное признание от хвастливого кота. Кажется, мой Малыш повзрослел и стал лучше оценивать свои возможности. А, нет, показалось: — *Когда-нибудь я научусь и смогу все! Сейчас я в силах остановить время, недолго, на несколько минут. Это как стазис – несложно.*

— *Тогда... давай! Сейчас!*

Я почувствовала, что смогу сделать то, что не получилось тогда возле постели Юда – утащить с собой на Глубину еще одного человека. Вылечить Галаду и вытрясти из нее правду.

... Мне десять. Я болею – не послушалась запрета, вышла на веранду босиком поздней осенью, еще и воды холодной напилась из ведра. Скорая едет очень долго, мама нервно мерит шагами комнату в нашем маленьком домике.

Меня смешит то, что она бежит туда-сюда, но засмеяться я не могу – кашель начинает разрывать грудь. Температура все выше, я начинаю куда-то уплывать и смотреть «мультки»: вон крошечная бабушка в платке сидит у меня на краю кровати, качает головой, бормочет что-то и почему-то виновато поглядывает на маму. Вот с маминых рук срываются два горящих шара. Они врезаются в меня, но мне не страшно – шары чуть горячие, после них становится легче, однако бабуля-гном снова качает головой.

Комната начинает вращаться, тело становится легким.

— Адочка, — мама тоже присаживается на край кровати, у нее две блестящие полосы от слез на щеках, — послушай. Мы сейчас с тобой немного... поспим и увидим сон, один на двоих. Так бывает, редко, но бывает. Ничего не бойся. Тебе сначала будет немного холодно, потом жарко.

Я киваю. Сон на двоих – это еще интереснее, чем мультки.

— Рискуешь, — скрипит бабушка в платочке, — она, конечно, вся в тебя, да только это проклятье плел человек, понимающий в домоводной магии, а уж в холодной и подавно. Надо же, воду заговорить, да прямо через окно. Опасно вам тут оставаться, Марьяша, очень опасно. Осы жалят да не мрут.

— Ничего, повоюем еще. Клинышки вышибают, — говорит мама и берет меня за руку.

Я вспоминаю, что придя в себя, рассказала этот сон маме. Она посмеялась и сказала, что ночью приехала скорая, мне сделали укол, и болезнь отступила.

Сон забылся. Но вспомнился именно сейчас. Я вдруг понимаю, зачем мне Галада: я хочу узнать от нее, кто тогда проклял меня, а позже поджег наш дом.

... Мне нужен был тактильный контакт. Я бросилась к изумленной Леони, злобно сверкнувшей глазами, оттолкнула ее и

схватила Галаду за руку. Дочь колдовки уже начала движение когтем, но тут Малыш остановил время.

... Маги погружаются по-разному: кто-то запускает на Глубину эфирное тело, физически оставаясь в реальности (со стороны это выглядит как легкая рассеянность), кто-то перемещается материально, как мы в гости к Калмаши через зеркало-артефакт Анны.

Я представила, что вхожу в темную воду и тяну за собой бесчувственное тело по поверхности. Подсказка пришла из детских воспоминаний, из того «сна», в котором мама опускала меня на Глубину. Если она могла, то и я смогу.

Кажется, я касаюсь чего-то ногами. Дно. Отталкиваюсь и начинаю всплывать. Сейчас мне нужна не темная Глубина, а как раз теплое «между». Оно выравнивает канал Галады, расслабит их.

Светлые не могут погружаться, темные не могут задерживаться в теплых потоках и у них проблемы со всплытием. Мне же все равно. Я продержу Галаду в междуводье ровно столько, чтобы ее аура выравнилась. Ее рука в моей теплеет, из лица уходит бледность. Он раскрывает глаза, ее взгляд из непонимающего становится осознанным. Только кончик ведьминского когтя рассыпается в труху.

Галада наконец начинает осознавать происходящего. Она не дергается, молча висит в толще магии и пристально на меня смотрит.

Если бы я могла создавать иллюзии, подобно тем, которыми радовал своих невест асур Калмаши! Я бы могла с ней поговорить. Все, на что я способна, это вытянуть ненавидимую мной колдовку из хаоса безумия. Но у меня другая цель.

Мы висим и смотрим друг на друга, мне нужно, чтобы эффект закрепился. Как странно видеть Галаду совсем близко, знать, что от моих действий зависит ее жизнь. Искушение порвать тонкую нить столько велико, что я скриплю зубами. Отец не выдержал. Но я выдержу.

А вдруг я смогу? Ведь это магия! Все вокруг – это магия, огромный резервуар волшебства. Я способна черпать из него бесконечно. Я делаю усилие и начинаю представлять: мы в большом пузыре, я могу говорить...

Ничего не выходит. Более того, с глубины начинают подниматься донные твари. Им неуютно в теплых потоках, но любопытство и голод

заставляют их рисковать. Я отпугиваю их горячими вспышками. Мозг продолжает работать. Вот висим мы... словно в космосе.

— А ты знаешь, что на самом деле никакого дна не существует? — вдруг говорит Галада.

Я недоверчиво прислушиваюсь к звукам ее голоса. У меня получилось! Но это не пузырь, я просто нафантазировала нам скафандры и прозрачные шлемы со средствами связи. Мы парим в безвоздушном пространстве, с кислородными баллонами за спиной. Вокруг звезды. Позади Галады вращается огромная планета с тремя лунами. Да здравствует моя любовь к фильмам о космосе!

— Его нет? — спрашиваю я. В наушниках что-то поскрипывает — космические помехи.

— Дно — иллюзия. Защитная система абсолютной магии. Можно погружаться все глубже, — кивает Галада, — бесконечно. В этом и есть суть волшебства... Космос... Красиво придумано, молодец, Ада. Ты растешь, становишься сильнее.

Ее скафандр изысканно красив, и я кляню свое подсознание, автоматически выдавшее бывшей Верховной ведьме стильный прикид. А я, наверное, в практичном сереньком комбинезоне. Ну конечно! В грязно-зеленом.

— Отлично, — говорю я. — Я отправлю тебя на Глубину, и ты будешь погружаться вечно. Не веришь?

— Верю, — признается колдовка, разговор дается ей нелегко, он морщится от боли. — Но, как говорится в ваших несведских сказках: не убивай меня, я тебе еще пригожусь.

— Конечно, согласишься. Только не думай, что сможешь остаться магом. Не сможешь. Радуйся, что выжила. Ты расскажешь мне, кто пытался убить мою маму.

Однако Галада качает головой:

— Ты будешь разочарована, но это была не я, а моя тогдашняя наставница, Верховная ведьма. Да, это я нашла тебя, изучив отчеты Филентьева, а донницы Верховной сделали все остальное. Ты случайно хлебнула воды, на которую было наложено проклятье. Его должна была получить не ты. Твоя мать погрузила тебя на Глубину. Так мы поняли, что она тоже инфинум, только очень-очень поздний. Мы отменили дальнейшие покушения и ждали возможности несколько лет. Твою мать не должны были убить, она тоже была нам нужна. Но

тут вмешался человеческий фактор, одна из наших сестер не выдержала и проявила инициативу — запустила огненосное заклинание, когда ты ночевала не дома. Ведьмы не любят дисциплину, ты ведь знаешь. Мне жаль, Ада. Твоя мать не должна была погибнуть.

— А она и не погибла.

Верховная ведьма огорошена, а я теряю сосредоточенность. Космический пейзаж тает, мы выныриваем. За мгновение до того, как время запускает свой бег (Леони поднимает руку, Юд с искаженным лицом завис в прыжке, чтобы заслонить меня от удара), я шепчу Галаде:

— Мне нужно знать все! Что это было за заклинание, какие магические феномены сопровождали пожар. Озаботься тем, чтобы я об этом узнала, иначе я расскажу о том, что ты убила мою маму, и к списку твоих преступлений добавится еще одно.

...У меня было несколько секунд, пока Малыш раскручивал время. Я успела отклонить ледяной шар Леони, обрушила вокруг холодные потоки. До нас больше не долетали снаряды донников.

— Малыш, стазис! — крикнула я.

Но Юда оттолкнуть не успела.

У Юджина, когда он на меня рухнул, лицо было очень злым. И злился он не на колдовок, которых благополучно накрыл стазисом мой дебордер.

— Ты что творишь?! Спятила?! — заорал он.

— Тише, тише, — простонала я. — Я все объясню.

— Ты только что погружалась! Я видел! Я... почувствовал!

Ох, я и забыла о проклятии демиургов. Кажется, у нас с Юдом действительно сильная связь.

— Да! Прости, Юд! Я снова пошла на риск! Зато Галада теперь лишена магии! Она потеряла связь с донниками! Она... она как-то их контролировала с помощью глубинных призраков, а теперь не может! Ну же, Юд! Слезь с меня!

Юд меня понял. Погрозил кулаком у самого носа и отрывисто велел:

— В галерею. Бери кота и бегом. И чтобы в ближайшие несколько часов я тебя не встретил, даже случайно.

Я клятвенно пообещала, что присоединюсь к другим визардам, укрывшимся в галерее. Ибо смысла вертеться под ногами у королевской гвардии уже не было. Юджин перегруппировал несколько отрядов, Леони и Галаду взяли под стражу.

Бой действительно длился несколько часов, за которые я успела поседеть, пусть не плане цвета волос, а в психологическом. Одержимость Галады Академией Баланса подвела ее саму. Принц Айван стянул к Академии почти все войска, и когда ряды Верховной ведьмы ослабли, взял донников в клещи.

Битва закончилась утром. Было страшно и грустно видеть накрытые черной тканью тела во дворе. В бою за подступы к Академии погиб Тикати Дроуз, тихий, незаметный мальчик-тролль, которого так часто шпынял Либериус. Мы потеряли мадам Пигмалион. Преподаватель этикета до последнего бесстрашно сражалась с колдуном вуду и погибла от удара ледяным шаром. Хотелось верить, что теперь она соединится со своим горячо любимым мужем. Минни и Джеймс оплакивали ее от всей души.

Были еще потери. Многих из погибших я не знала. Ужасно несправедливым представлялось то, что эти люди пали жертвами женщины, в принципе руководствующейся хорошими намерениями — благом для своих соратниц и соратников.

Но все когда-нибудь заканчивается. Академия зализывала свои раны. Визарды постепенно возвращались в общежитие. Над восстановлением зданий и лесов пострадавшего от пожаров леса дендронов трудились строители и маги.

Раненых распределили по госпиталям. Мне сообщили, что домовуши из бабушкиного дома выздоравливают, но очень медленно. Тенет тоже оказался в больнице. Он чуть не потерял глаз и обзавелся шрамом на лице. Это его здорово расстраивало.

В конце концов, Шан убедил Арчи, что тот похож на известного пирата южных морей, модника, красавца и ловеласа. Тенет немного успокоился, а когда Аровская обещала залечить багровую полосу до размеров тонкой нити с помощью магии сирен, совсем повеселел.

Лучшие враги решили отложить дуэль. На время, пока жизнь в Октобероне не вернется в прежнюю колею.

Авар Дебрис вернулся с детьми (и Круфусом) в свой старый дом. Я сама предложила ему продолжить работу няни, уже как

родственница, а он радостно согласился. Детям требовалась забота, пока мастер Дебрис готовился к свадьбе. Он решил не тянуть и повести Ингу под венец как можно быстрее. Мало ли, как далеко она похорошеет.

А мне, в заботах о Минни и Джеймсе (и в наших шалостях, конечно) было легче ждать результатов расследования, проводимого в отношении Галады. Я верила, что колдовка найдет способ сообщить мне то, что я у нее потребовала. Ничего хорошего ее не ждало, минимум – пожизненное заключение в тюрьме на Белых Островах, там где заключенных охраняет жестокая магия лунных эльфов. Галада лишилась магии, когда удар отца и Глубина перекрутили ей каналы. Такое не лечится. Одержимость и мстительность – тоже.

Не знаю, поняла ли Галада, что ее предсказание было о ней самой. Это я спустила ее на Глубину и спасла, я была той девушкой из видения.

Ко мне несколько раз являлся Феликс Родеб, следователь по делам, связанным с нарушением Пределов Глубины – теперь уже старший следователь. Я изложила ему все, что знала о Галаде, умолчав лишь о *своей* истории.

Тетя Рита вернулась в несвед-мир, хотя Серениус предложил ей место в Академии. Нужно было видеть, с каким облегчением она восприняла известие о том, что Марьяна Бартеньева не погибла при пожаре.

Рита призналась, на что тратила все деньги, выдаваемые Грозовым на мое содержание. У моей тети имелся сын. Да-да, мой старший брат, плод короткого романа с отцом еще до его встречи с мамой, мальчик с очень тяжелым недугом, которого тетка скрывает от отца. Все деньги уходили на его содержание в клинике. Рита умоляла меня поговорить с Грозовым. Я пообещала, что отец продолжит оказывать ей помощь, только теперь на законных основаниях.

... Было решено начать занятия как можно раньше, не дожидаясь конца октября. Преподавателям и студентам предстояло многое наверстать.

Я регулярно навещала дом в Перпедыжах. Домовуши решили переселиться назад, в общежития Академии, и внутри гуляло грустное эхо.

Решение понемногу приводить дом в порядок возникло спонтанно, бабушка даже выделила на это некоторую очень солидную по меркам несвед-мира сумму золотом. При этом бабуля Громова настаивала, чтобы после окончания Академии я жила с ней. Я тянула время и отнекивалась.

А вот отец ни на чем не настаивал. Его отпустили домой, но он все еще давал показания. Король Филипп принял его отставку. Отец, как и тетя Рита, был шокирован известием о мамином спасении. А фотография мамы из далекого довоенного времени просто выбила у него почву из-под ног. Он не знал, что сказать. Этот, некогда сильный человек, получил серьезный урок. Его простил король, его простила я, наверное, его когда-то простила мама, однако сам он себя простить не мог.

Мы виделись редко. Потребовалось довольно много времени, прежде чем отец начал выходить из своей комнаты в бабулином доме. Когда следствие закончилось, он подал прошение королю. Филипп отправил Громова на границу с лунными эльфами, на небольшую станцию магической связи. Это не было ссылкой, отец сам вспомнил о своем дипломе мага-связиста.

А я ждала. И дождалась. Сначала новости пришли от Галады. Их принесла... Велемира. Да, ее приняли назад, и она снова училась на первом курсе. По показаниям свидетелей на Велемиру оказывалось мощное магическое давление, а вот я в этом сомневалась. Ну может, и оказывалось, но там и в голове самой Велемиры много чего... давило. Я вспоминала роскошное выпускное платье бывшей подруги, а также нападение на дом летучих мышей, и старалась обходить Велемиру стороной.

А вот сегодня избежать встречи не вышло. После пар мы с Малышом грелись на лужайке под теплым солнышком. Малыш наблюдал за бабочками, на этот раз живыми, а не магическими, а я немного тосковала.

Приближалась помолвка Оры и профессора Уилларда. Наш бестиолог решил, наконец, покончить с опасной профессией и обзавестись семьей. Он по-прежнему вел семинары, но уже как независимый специалист, поэтому Ора больше не была его студенткой, все этические проблемы были решены.

На вечеринку в честь помолвки я собиралась прийти с Юджином. Юду было хорошо, у него на все случаи жизни был выбор между мундиром и фракком. А вот мне предстоял шоппинг в Серой Башне. Триста этажей — и на каждом самые дорогие и известные магазины города. У меня зубы начинали ныть, когда я думала о бесчисленных распялках и адски дружелюбных девицах-консультантах.

К сожалению, платье, подарок Юда, сильно пострадало во время моего бегства в несвед-мир, зато кулон я носила, не снимая. Юджин каждый раз многозначительно на него поглядывал, но я молчала. Перспектива неминуемого знакомства с его родней, мягко говоря, пугала. Его мать развелась с отчимом, после того, как узнала о его делишках, и вернулась в родовое поместье. Перспектива познакомиться сразу со *всей* родней Юда в его родовом поместье меня не просто пугала — ужасала.

Мои то грустные, то мечтательные размышления были грубо прерваны. Малыш раздраженно зашипел. Хорошо, что Велемира пришла без Клауса.

— Что надо? — лениво поинтересовалась я. — Все извинения заранее приняты, просто потому что я не хочу находиться рядом с тобой более тридцати секунд.

Велемира поджала губы и процедила:

— Ты ведь ждешь послание?

Я приподнялась с земли и села.

— У меня есть кое-что для тебя. Мне велели передать: все участники событий мертвы. Никто не помнит, что это было за заклинание. Поскольку рядом был источник силы, оно, возможно, было многократно усилено. Это все.

— Кто передал послание? — хрипло спросила я.

— Твоя бывшая соседка по комнате Светлана.

— Вы общаетесь?

— Нет! — выпалила Велемира, оглядываясь. — Я была у нее в тюрьме, возвращала долг... она... она меня спасла... однажды. Я отнесла ей деньги, одежду и еду.

— Это все?

— Да. Я ведь только посредник. Я даже не понимаю, в чем смысл послания.

— Вот и хорошо. В былые времена вестников с такими посланиями убивали, — я злобно чиркнула ребром ладони по горлу, для наглядности. — Но ты, я уверена, выкрутилась бы. Да, и скажи Клаусу, чтобы держался подальше от моего балкона. Малыш больше не малыш. Он умеет убивать, и он не промахнется.

Я встала и побрела к общежитию. Но потом повернула к Академии. Сама я эту головоломку не решу. Следствие о пожаре зашло в тупик из-за отсутствия свидетелей. Даже если Галада врет, я вряд ли смогу найти кончик нити и размотать весь клубок. Зря я не оставила верховную ведьму на Глубине.

Магистр Серениус был в отъезде, переговоры с королем Солнечных эльфов требовали его присутствия. Ректору Академии Баланса, по понятной причине, доверяли практически все пострадавшие от действий Галады участники событий.

Тем не менее магистр Кревий пригласил меня войти в кабинет. Было странно находиться там, не слыша трескотни Сквируса. Не найдя друга на месте, Малыш немного приуныл и улегся у полок.

— Хорошо, что вы пришли, визарда Бартеньева, — сказал проректор. — Магистр Серениус кое-что для вас передал. И эти новости могут вас... опечалить.

Я села в кресло, поедая Кревия глазами.

— Магистр кое-что выяснил. Информация точна на сто процентов. Ада, — Кревий замялся, — будучи магически одаренной, ваша мама прожила долгую жизнь. Она жила в Новом Свете, как его у вас называют...

— Америке, — подсказала я, трепеща. «Прожила»?

— Да, в Северной Америке. Скорее всего, у нее хватило магии, чтобы скрыть свое происхождение и покинуть вашу страну в суровые годы, когда магам приходилось непросто. Она была замужем, у нее есть дочь, она сейчас в почтенном возрасте.

— Мама...?

— Увы, она недавно скончалась. Магистр просил не называть дату и место. Это может негативно сказаться... Ада, мне очень жаль. Но такова жизнь.

Я сидела, опустив голову. Я была к этому готова... и не была. Что случилось бы, если бы я успела и поехала к маме? Узнала бы она меня? Возможно, я бы разбередила давно зажившую рану.

— Не стоит так убиваться. Вот, держите. Это фото магистр Сирениус обнаружил в архиве. Возможно, ваша мама оставила его вам как подсказку.

Проректор протягивал мне старое черно-белый снимок. На нем была мама. Такая... красивая и еще молодая, в крошечной шляпке и в пышном платье. Маленькая сумочка, туфли с каблукочком рюмочкой. Пятидесятые?

— Где это? — я жадно рассматривала фото.

— В небольшом городишке на Восточном побережье.

— Кто с ней?

— Муж и дочь. Ада, профессор Серениус сказал, что это подсказка. Ориентир для ваших действий.

— Ориентир чего? — взывала я, понимая, что меня подталкивают к какому-то решению.

— У вас есть дебордер, — Кревий улыбнулся. — И как говорит герой одной из ваших смешных несведских книг: «Что может быть проще времени?». Магистр Серениус собирается открыть в Академии новый факультет. Знаете, как он будет называться?

— Как?!

— Факультет темпоральной магии. Путешествия во времени, управляемый стазис... Это ведь область огромная, малоизведанная. Ваш случай натолкнул его на идею. Факультет с соответствующей кафедрой. Пригласим в преподаватели лунных эльфов, они больше всего добились в этой сфере. Будем проводить изыскания, со временем запустим аспирантуру...

— Где писать заявление о зачислении?!

— Я знал, что вы заинтересуетесь, — улыбнулся магистр.

... *«Ты знаешь, какие сокровища таятся на этих глубинах? Бесконечная сила, победа над смертью, власть над временем».* Я помнила эти слова Галады, я подтвердила их своим опытом, когда утащила колдовку на нереальную Глубину, на самое дно.

Власть над временем — вот, чего я желала больше всего. Слишком амбициозно для студентки второго курса? Разумеется. Но я же не всегда буду на втором.

Я стояла на крыльце общежития и ждала Юда. Рокот его мотоцикла прозвучал, как песня.

— Круто выглядишь, — сказал демиург, подав мне шлем. — Этот фасон тебе очень идет.

— Это, — я пригладила пышную юбку, — из моды пятидесятых. Представь, какими элегантными были тогда дамы. Мне захотелось одеться в том стиле. Наконец-то я нашла то, что мне по душе.

— И прическа, — с улыбкой отметил Юджин. — Тоже очень красиво.

— Постепенно привыкаю к этому стилю, Юд, — серьезно произнесла я. — Ты ведь знаешь, что я задумала.

— Знаю, — проговорил высший демон. — Не могу сказать, что эта идея мне нравится, но я зарекся тебя отговаривать. Мне успокаивает только то, что это все... отдаленно.

— Спасибо, что даешь мне свободу. Я это ценю, очень-очень. Ты даже не подозреваешь, насколько.

— Садись уже, — вздохнул Юд. — Опоздаем.

Невеста была прекрасна в традиционном снежно-белом одеянии с длинными рукавами. На церемонии присутствовали родственники Оры, черноглазые лунные эльфы с непроницаемыми лицами. От одного их вида, отрешенного, неземного, становилось не по себе. Я выискивала среди них будущих преподав по темпороведению. Вычислила одного. Содрогнулась. Если я к подруге так долго привыкала, что же будет на парах по незнакомому предмету у преподавателя с черными дырами вместо глаз, точь-в-точь, как в несведских ужастиках?

Идею создания нового факультета прежде всего поддержали Хранители. Леди Анабель сама вызвалась преподавать теорию временных потоков. Уж кто, как не призраки, больше всего разбирался в путешествиях сквозь века.

На помолвку были приглашены почти все преподаватели Академии. И, конечно, вся наша «команда». Было радостно видеть беспечность и надежду на лицах гостей. Год начинался с хорошего дела — соединения двух сердец.

Однако и мне пора было задуматься о делах сердечных.

— Давай уедем пораньше, — предложила я Юду.

— Давай, — привычно согласился он.

В последнее время я редко задерживалась на светских мероприятиях, мне все время казалось, что я теряю драгоценное

время. И хотя Юджин повторял, что как раз времени у нас предостаточно, я нервничала. Если я стану еще старше, узнает ли меня мама? А нужно ли, чтобы она меня узнала?

Мы с Юдом убежали даже с церемонии вручения памятных медалей защитникам Академии. И бродили потом по Октоберону, той его части, где в фонтанах уже текла вода, а подпитанные магией статуи снова ожили. Мы всегда расставались до полуночи, иногда успевая выпить чашку зеленого чая на моем балконе. Юд все еще меня «приручал». Ну или я его.

— И знаешь что, — сказала я, помедлив, — сегодня ты не уйдешь от меня до рассвета. И на рассвете не уйдешь.

— Даже так? — хрипловато уточнил Юджин.

— Если, как ты говоришь, у меня куча времени, — проговорила я задумчиво, — можно же выделить всего пару дней на личную жизнь?

— Думаю, да, — сказал Юд.

Эпилог

Четыре года спустя

— А вот наша знаменитая аспирантка, визарда Аделаида Бартеньева, — громко сообщила Ора, вводя в мою лабораторию группу школьников. — Вы, должно быть, читали ее статью в журнале «О Темрога». Не читали?

Дети растерянно переглянулись. Минни и Джеймс откровенно захихикали. А эти два неугомонных подростка что тут делают? Опять сбежали с уроков, чтобы присоединиться к экскурсии? Оба охотно сдали бы все школьные экзамены экстерном, лишь бы учиться в Академии, но у детей должно быть детство.

Я незаметно погрозила им кулаком. Минни и Джеймс еще больше развеселились. Вот узнает Инга об их шалостях, тот наш бешеный снеговик-зомби покажется им милой шуткой. Магия у сирен весьма изощренная. И вообще, надо сказать госпоже Дебрис, чтобы была построже. Пострелята знают, что мачеха их жалеет, и выют из нее веревки.

— Проходите, — громко сказала я. — Только ничего не трогайте. Пришли увидеть опыт со временем?

— Да, — нестройно отозвались школьники.

Они тонкой струйкой влились в кабинет. Малыш внимательно рассматривал каждого со своего любимого места – обычного принтера из несвед-мира. Он никак не мог привыкнуть, что информация об экспериментах со временем уже год как представлена научному сообществу Магистеррениума. Моему фамильяру везде чудились шпионы. Впрочем, я тоже не собиралась выдавать результаты многочисленных опытов, даже детям. Пусть все выглядит, как легкомысленный фокус.

Я достала с полки клетку с голубем. Прошептала ему:

— Ну прости. В пятидесятых вашему брату ничуть не хуже, даже лучше. Хлебные крошки натуральнее.

— Видите это фото? — я указала на снимок, пришпиленный к пробковой доске.

Это была фотография из того же американского архива, в котором Серениус нашел послание от мамы. Тот же фотограф. Он снимал хронику для какого-то журнала. В кадр попал молодой мужчина в шляпе. Обычный прохожий. Он улыбался фотографу, но слегка наклонил голову.

Мама с семьей шла сзади. На этом фото они выглядели как мутные фигурки на фоне пресвитерианской церкви.

Я выучила этот городок наизусть, его улочки и парки, дороги и аллеи. Сейчас он разросся, но площадь перед церковью никуда не делась. На фото над ней кружились голуби. Одним больше, одним меньше...

Я поместила птицу в контур и сказала:

— А теперь смотрите на фотографию. Внимательно смотрите. Сейчас вылетит птичка.

Дети зачарованно уставились на снимок. Магический кристалл, изобретение нашей кафедры, зажужжал, голубь медленно растворился в клетке... и появился в кадре.

Фото изменилось. Молодой мужчина поднял руку, чтобы защититься от паникующей птицы. Иногда он шарахался вбок и терял шляпу, иногда пригибался. Бедный. Он, конечно, не помнил все разы, когда я отправляла голубей на площадь прямо ему под нос, но не удивлюсь, если у мужика сложилась подсознательная орнитофобия (*-страх птиц).

Голуби всегда благополучно улетали. На их лапках были надеты радио маячки с крошечной магической начинкой. Пару раз я обнаруживала упоминание о них как в орнитологических журналах несведов, так и магов. Значит, птицы выживали. Это внушало надежду. Более того, нескольких я вернула из прошлого в настоящее. Птички чувствовали себя отлично и подыхать не собирались.

Разумеется, никто не собирался пока проводить временные опыты с участием людей, хотя добровольцев имелось навалом. Что только не писали в своих письмах в Академию волонтеры!

«Мне нужно узнать, куда мой дедушка спрятал свой волюм. Старый дурак владел сотнями уникальных заклинаний. Если вы перенесете меня во времена короля Константина, я поделюсь ими с Академией».

«Помогите, моя бабушка вышла замуж не за того парня, потому я теперь младокровка. Выйди она за старокровку, я бы сейчас...».

И еще сотни две подобных слезливых историй.

В планы Научно-магического общества эксперименты по перемещению людей во времени пока не входили. Никто ведь не знал, что я давно оборудовала собственную лабораторию в доме в Перпедыжах. Вместо кристалла у меня был Малыш, а сила Источника, на котором стоял дом, аккумулировалась в солевых накопителях.

Никто также не предполагал, что день «икс» наступал сегодня, даже магистр Серениус. Об этом знал лишь Юд. Я уже оробовала перемещения в прошлое. Сначала на минуту, потом на десять, потом на несколько дней, недель и месяцев. Юд и Малыш выдерживали меня обратно.

Опыты затрудняла необходимость точно знать, куда попадешь. У меня было несколько опорных точек. Я фотографировала берега реки и сад с большого расстояния, когда там никого не было, а потом отслеживала свое появление на снимках.

Признаюсь, искушение вернуться в прошлое и предотвратить пожар было огромным. Но я понимала: во-первых, я нарушу тонкое полотно обстоятельств, во-вторых, могу погибнуть, потому что просто не знаю, как там все выглядело.

Фото с площади перед церковью было из другой временной линии, сформированной перемещением мамы. Там я буду в относительной безопасности. Главное, не задерживаться надолго.

... — Контрольная проверка, — деловито сказал Юд. А он ничего, держится. Только бледноват. Жаль, что так далеко Малыш двоих не заведет. Мы столько раз спорили, кто пойдет в прошлое. Я не уступила. — Накопители?

— Есть. Три штуки.

— Маячки.

— Есть.

— Анализатор состояния.

— Имеется.

— Ду ю спик инглиш?

— Скрю ю (*отстань – англ).

— Ай, как грубо.

— Я нервничаю.

— Ада, иди сюда. Смотри на меня и запоминай: ты попадешь в закоулок, когда там будет проезжать фургон. Ни с кем не общайся. Пройди мимо мамы, подойди к фотографу, чтобы я тебя увидел. У тебя пятнадцать минут. Если все пройдет хорошо... Все будет хорошо, Ада. Я запускаю контур. Удачи.

— Мря-у-у...

... Ветер поднял подол пышной юбки. Фургон обдал меня запахом бензина и укатил за угол. Я медленно пошла по улице. Сердце неистово колотилось. Сосредоточься, Ада. Шагай красиво. Туфли-лодочки это тебе не кроссовки.

Три знакомые фигуры все ближе... ближе...

Я прошла мимо мамы, слегка опустив голову, как только она подняла взгляд от шагающей рядом девочки лет трех. Здравствуй, мама. Здравствуй, сестренка. Вот и все. Короткий взгляд – и мне пора. Только что был совершен прорыв в темповедении, а меня больше волнует мой макияж. Хорошо, что тушь современная, водостойкая, не хватало еще, чтобы местные жители заметили плачущую леди. В таких маленьких городках люди обычно сердобольные, начнут приставать с расспросами...

Я быстро пересекла площадь, вошла в кадр впереди молодого человека в шляпе. Сегодня тебе несказанно повезло, мой незнакомый

друг – вместо голубя тебя чуть не сбила красивая девушка. Сейчас покажусь на фото для истории, сверну в переулок...

— Ада!

Я оборачиваюсь. Мама стоит в семи-восьми шагах от меня. За ее спиной муж ведет дочку к киоску с мороженым.

— Это ты? — выдыхает мама.

— Это я, — шепчу я.

— Я знала, что ты найдешь меня, знала... Ты все-таки смогла.

— Да, — немо произношу я одними губами, — мама...

— С тобой все хорошо.

— Да. Я люблю тебя, мама.

— Ада, девочка моя.

Мы проводим несколько минут, просто глядя друг на друга. Потом я ухожу.

Юд долго отпаивает меня чаем. У меня впереди еще много лет экспериментов и учебы. Но я знаю: придет время, и я проведу свои очередной летний отпуск в пятидесятых, там, где женщины носят такие красивые платья.

Друзья, приглашаю вас в новинку! "Дом, милый дом... (и Баба Яга при нём). Бытовое фэнтэзи с колоритными персонажами, живой дом и вредный кот на цепи))))

Конец